

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2409-1030

**ВЫПУСК № 3
2014**

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Ставрополь
2014

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Дмитриев А. В.** – д-р философ. наук, член-корреспондент РАН; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р истор. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р истор. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филолог. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Авксентьев В. А.** – д-р филос. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Иванова С. Ю.** – д-р филос. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Шебзухова Т. А.** – д-р истор. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014
ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ануприенко И. А. Морально-дидактические максимы о семье и браке: опыт их повседневного существования в городской среде Италии XIV–XV вв.	7
Беликова Т. В. Конфликт вокруг всевозможных рыбных промыслов 1853–1856 гг.	13
Булыгина Т. А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья 2. Общественные науки, массовое и общественное сознание в послевоенные годы	18
Глебов А. Г. Некоторые проблемы истории королевской власти в раннесредневековой Англии в освещении англо-американской историографии второй половины XX в.	25
Долгов А. В. Разрушение структуры российского нотариата и особенности восстановления нотариальной службы на Ставрополье в 1920-е годы	33
Захарченко О. Н. «Мемуары Кики»: Монпарнас 1920-х гг. в восприятии натурщицы.....	44
Колесников В. А. О первоначальном обустройстве станиц Кубанского линейного полка в 1794–1804 гг.	47
Ляпин Д. А. Народные волнения в России в 1648–1650 гг.: актуальные вопросы исследования	54
Немашкалов П. Г. Процесс десакрализации священнослужителей на Северном Кавказе во второй половине XIX–начале XX вв., и попытки его преодоления	58
Польская С. А. Пэры Франции в регламенте королевской инаугурации (по данным ordines IX–XIV вв.)	64
Судаев Н. Д. Борьба александрийских крестьян против земства на Ставрополье	69
Сыч А. И. Первая мировая война в цивилизационном измерении.....	76
Толчинская Т. И. Истоки и обстоятельства трансформации печатных органов в механизм формирования общественного мнения в России начала XX века	81
Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Историческая аутентичность тибетского буддизма у калмыков Ставропольской губернии	87

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычко М. А. Особенности правового положения потребителей в римском классическом праве	92
Золоева З. Т. Правовые аспекты создания единого информационного пространства Российской Федерации.....	96
Ковалев В. В., Мелкумян А. В. Механизм и проблемы реализации обязанностей человека и гражданина в РФ	101
Койбаев Б. Г. Проблемы мусульман-иммигрантов в правовом дискурсе ФРГ во второй половине XX в.	104

Мерзликина Р. А., Бычкова А. В. Физкультурно-спортивные организации в гражданско-правовых отношениях: проблемы теории и практики	112
Сапунков Р. Ю., Мерзликина Р. А. Особенности обращения взыскания на заложенное движимое имущество	117
Стрелков А. А., Дадабаев В. К. Предварительное криминалистическое исследование трупа методом рентгеновской компьютерной томографии: возможности и перспективы	122
Федорова В. Г., Мухажина Л. Ш. Правовые проблемы ответственности товарищества собственников жилья	127

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авидзба А. В., Герхелия Г. К. О гендерных фразеологизмах в английском и абхазском языках	131
Волкогонова А. А., Красса С. И. Каламбур – языковая игра – карнавализация	133

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Асланова М. Т. Техногенный характер постсовременности: к постановке проблемы	136
Сапрыкина Е. В. Конструктивизм и проблема понимания в современном философском знании	140
Черникова В. Е. Диалог культур и цивилизаций как фактор обеспечения миропорядка и культурной целостности	143

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галкина Е. В., Герман Р. Э. О политическом менеджменте: институциональный подход	150
Кнурова В. А. Политическое лидерство российских президентов в зеркале общественного мнения	154
Косов Г. В., Панин В. Н., Сучков М. А. Экспертное сообщество как ресурс научного обеспечения внешней политики современного государства (на примере США)	159
Сведения об авторах	171

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Anuprienko I. A. Moral and didactic maxims about family and marriage: the experience of their everyday existence in the urban environment of Italy in XIV–XV centuries.....	7
Belikova T. V. The conflict around Vsevolozsky's fishing crafts in 1853-1856.....	13
Bulygina T. A. The intellectual life of soviet society. Article 2. Social studies and mass public consciousness in the postwar years.....	18
Glebov A. G. Some issues of history of royalty in early medieval England in Anglo-American historiography of the second half of XX century	25
Dolgov A. V. The destruction of Russian notarial structure and specific features of reconstruction of notarial services in Stavropol province in the 1920-s	33
Zaharchenko O. N. «Kiki's memoirs»: Paris in the 1920-s seen by the model	44
Kolesnikov V. A. The original arrangement of Cossack villages of Kuban line regiment in 1794–1804	47
Lyapin D. A. Popular unrest in Russia in 1648–1650: current research questions.....	54
Nemashkalov P. G. Process of desacralization of priests in the North Caucasus in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries, and attempts to overcome it.....	58
Polskaya S. A. French peers in regulations of royal inauguration (according to ordines of IX–XIV centuries)	64
Sudavtsov N. D. The fight of the peasants of Alexandria village against Stavropol elective district council	69
Sych A. I. The civilizational dimension of World War I.....	76
Tolchinskaya T. I. The origins and circumstances of transformation of press bodies into a single mechanism of public opinion formation in Russia at the beginning of the XX century	81
Fokin A. A., Nutrichin R.V. Historical authenticity of the Tibetan buddhism among Kalmyks of Stavropol province	87

LEGAL SCIENCES

Bychko M. A. Features of legal position of consumers in classical Roman law	92
Zoloeva Z. T. Legal aspects of creating single information space in the Russian Federation	96
Kovalov V. V., Melkumyan A.V. The mechanism and problems of exercising duties of man and citizen in the Russian Federation	101
Koybaev B. G. The problems of Muslim immigrants in the legal discourse in Germany in the second half of the XX century.....	104

Merzlikina R. A., Bychkova A. V. Sports organizations in civil legal relations: problems of theory and practice	112
Sapunkov R. Y., Merzlikina R. A. Features of execution upon mortgaged movable property	117
Strelkov A. A., Dadabaev V. K. Procedural problems of forensic medical examination of the corpse and ways of their solution using x-ray method of computer tomography	122
Fedorova V. G., Muhazhinova L. S. Legal issues of liability of homeowners.....	127

PHILOLOGICAL SCIENCES

Avidzba A. V., Gerheliya G. K. Gender fixed phrases in English and Abkhazian language	131
Volkogonova A. I., Krassa S. I. Pun – language game – carnivalization.....	133

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Aslanova M. T. Man-caused nature of post modernity: problem statement	136
Saprykina E. V. Constructivism and the problem of comprehension in modern philosophy ..	140
Chernikova V. E. Dialogue of cultures and civilizations as a factor of ensuring world order and cultural integrity	143

POLITICAL SCIENCES

Galkina E. V., German R. E. Of political management: institutional approach.....	150
Knurova V. A. Political leadership of Russian presidents in the mirror of public opinion	154
Kosov G. V., Panin V. N., Suchkov M. A. Expert community as a resource of scientific support for foreign policy of the modern state (the USA example.....	159
Information about the authors	174

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(450).04

И.А. Ануприенко

МОРАЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАКСИМЫ О СЕМЬЕ И БРАКЕ:
ОПЫТ ИХ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ
ИТАЛИИ XIV–XV ВВ.

В статье идет речь о тенденциях заключения брака в изучаемый период времени, об институтах общественного порядка, которые контролировали не только духовно-эмоциональную сферу, но

и экономическую и политическую жизнь семьи.

Ключевые слова: матримониальный, гендер, патриархальность, брачные стратегии, социальная психология.

I.A. Anuprienko

MORAL AND DIDACTIC MAXIMS ABOUT FAMILY AND MARRIAGE:
THE EXPERIENCE OF THEIR EVERYDAY EXISTENCE
IN THE URBAN ENVIRONMENT OF ITALY IN XIV–XV CENTURIES

The article analyses marriage trends during the XIV–XV-th centuries, as well as institutions of public order which controlled not only spiritual and emotional

sphere, but also economic and political life of the family.

Key words: matrimonial, gender, patriarchy, marriage strategies, social psychology.

Законодательство разных стран Европы свидетельствует о том, что церковный брак становится таинством, единственной формой брачного союза, и только эта форма поведения для женщин и мужчин признается законной. В каноническом сборнике законов о браке «Dematrimonio» говорится, что «Господь Иисус Христос сделал этот союз сверхъестественным...» [21, с. 3–4].

Священная природа брака была провозглашена на Тридентском Соборе (1545 г.), который включил брак в число семи таинств. Формулировка звучала так: «Через человеческое действие, которым супруги взаимно отдают и принимают друг друга, по божественному повелению возникает по отношению к обществу – нерушимый институт брака; эти священные узы ради блага как супругов и детей, так и общества,

не зависят от человеческого произвола. Ибо сам Бог является основателем брака...» [8, р. 67].

В Италии в XIV–XV вв. состояние брака было принято обществом в официальных формах. Учитывая священность брачного союза, необходимо не забывать, что брак – это еще и социальный акт глубокой важности [20, р. 78]. Теория и практика изучаемого общества часто расходились, поскольку люди вынуждены были считаться с реалиями действительности, а не только с отвлеченными морально-дидактическими теориями [10, р. 352]. У итальянских горожан зачастую вырабатывались новые черты социальной психологии, побуждающие пристально анализировать действительность, уководствоваться в своих поступках практическими побуждениями, на рацио-

нальных началах создавать семью и строить отношения в браке.

В обычной идеальной картине брака всегда присутствовали патриархальные начала, когда на первый план выдвигались покорность и повиновение женщины главе дома – мужчине. Как правило, женщины в период позднего средневековья не выражали никакого протеста в отношении такого типа брачных отношений.

Из определений брака, как вероучительных, так и юридических, предстает трехчастная модель целеполагания этого института: рождение и воспитание детей; взаимная помощь в приумножении богатства и повышении статуса в обществе; средство укрощения плотского вожделения (*remediumconcupiscentiae*) [21, с. 20]. Брак требовал честности и верности в обыденном проживании, обусловленной финансовыми и политическими соображениями. Связанные с этим вопросы являлись объектом внимания общества и церкви в то время [10, р. 352].

В обычной идеальной картине брака всегда присутствовали патриархальные начала: на первый план выдвигались лояльность и подчинение, главой дома был мужчина, а женщина ему полностью повиновалась. И в реальной обыденности, и в идеальных моделях светских и духовных, речь всегда шла о патриархальной семье, в которой мужчина господствовал в браке. Церковь и общество достаточно активно устанавливали довольно жесткий контроль над поведением, сознанием и эмоциональной сферой женщин.

Правилами и предписаниями для замужних женщин пронизана итальянская литература того времени. Например, «Наставление для совместного проживания супругов» (*Averttitutidi Maritaggio*) [1, р. 102], состоит из правил, которым мать должна научить дочь для будущей семейной жизни.

Документ написан как обращение от матери к дочери перед ее замужеством: «Моя дорогая дочь, прошу и приказываю подчиняться твоему мужу, который женится на тебе. Сладкая моя, если бы я имела право держать тебя рядом со мной до конца

своих дней! Ты могла бы не оставлять меня, так как ты любишь меня, а я тебя. Но ты обязана оставить меня ради поддержания чести нашей семьи, так как твой черед пришел, и годы того требуют. В браке вы должны понимать друг друга, чтобы и твой отец, и я, и вся наша родня могли порадоваться за вас и ваших детей, о которых я прошу у Бога, и надеюсь, что вы будете их иметь. Я отрываю тебя от своей груди и дома твоего отца. Иди к своему мужу, хозяину и господину, будь ему не только компаньоном, но и служи ему и повинуйся. Прислушайся к моим советам, как если бы они были заповедями Бога, потому что если ты будешь соблюдать их, то будешь получать любовь и покровительство супруга и всех других людей. Эти заповеди ты должна соблюдать и избегать тех вещей, из-за которых муж будет возмущен» [1, р. 102]. Вряд ли для женщин подлежало сомнению, что главная обязанность и добродетель жены заключается в повиновении супругу, что это нормальный порядок вещей, на котором держится мир.

Далее следуют предписания, которые жена никогда не должна нарушать в семейной жизни: их семнадцать. Первая заповедь настраивает молодую супругу на испытания, которыми чреват брак: «Первая: если муж разгневан, то ты должна сделать все, чтобы он успокоился» [1, р. 103]. Далее следуют подробные указания, как следует подчиняться супругу и отказываться от собственного эгоизма: «Вторая: на обед или ужин подавать те блюда, которые он любит. Третья: когда твой муж утомлен и слаб, устал и спит, ты должна все делать осторожно, чтобы не потревожить его сон без особых причин. Если же он срочно понадобится, не буди его внезапно и поспешно, а наоборот мягко, постепенно и осторожно, чтобы он на тебя не рассердился и не пришел в большую ярость» [1, р. 104]. Очевидно, что господство мужа над женой предполагало проявление насилия и жестокости, поэтому от женщины требуются указанные предосторожности. Также очевидно, что вызвать гнев и недовольство главы семьи было очень легко, поэтому мудрая мать настав-

ляет: «Шестая: ты не должна казаться самостоятельной и пытаться узнать тайны мужа, так как это зло является чрезмерным для женщины, ведь она должна исполнять свои дела по хозяйству, а не сплетничать с другими. Из-за этой глупости муж будет испытывать к тебе отвращение» [1, р. 105].

Следующий блок предписаний касается разграничения «сфер влияния» в семье. Из него следует, что супруг обладает полным приоритетом в ведении хозяйственных дел, в так называемой «большой семейной экономике», касающейся управления мастерскими, лавками, банковскими филиалами, торговыми операциями, недвижимостью и участками земли в городе и в contado: «Седьмая: ты должна охранять его и свою честь, никогда не суйся в его дела, не лезь в его сундук или кошелек, где он хранит деньги. А если ты случайно или по другой причине коснулась их, никогда ничего не бери. Восьмая: никакому человеку, ни по какой причине не давай товары мужа без его согласия, так как он твой хозяин. Даже из любви к Богу не давай деньги бедным без его согласия, так как ты должна охранять его имущество, ведь мужчину хвалят за его щедрость, а женщину за ее бережливость» [1, р. 106].

«Малая семейная экономика», касающаяся довольно сложного комплекса домашнего хозяйства, находилась в ведении жены, но под строгим и неусыпным контролем супруга. Из наставлений видно, что жена должна постоянно опасаться доносов и шпионажа со стороны тех людей (чаще всего из слуг), которых к ней приставлял ее муж. «Девятая: не осуждай слуг и не увольняй их без оправдательных причин, так как они могут отомстить тебе, насплетничать мужу или другим плохо о тебе. Тогда муж тоже будет тебя ненавидеть. Десятая: не нужно ничего делать без согласия мужа. Прими во внимание: что бы ты ни делала безего ведома, ему все равно донесут, если даже дело нужное, оно легко может направить его гнев против тебя. Одиннадцатая: не нужно мужа просить о том, чего он не может выполнить. Не спрашивай его ни о чем, что может вывести его из себя, и что затронуло

бы его честь. Не проси украшений, так как он должен сам, посчитав нужным, купить их тебе. Двенадцатая: нельзя надолго оставлять дом или уходить далеко от него. Жена основное время должна проводить дома, для того чтобы муж, вернувшись домой, видел предусмотрительность жены и порядок в доме, ведь это ее обязанности – проявлять внимание к делам семьи и к делам домашнего хозяйства» [1, р. 107].

И, наконец, далее следуют предписания общего религиозно-этического характера, которые считали главными женскими добродетелями в браке, касающиеся скромности, осмотрительности, целомудрия: «Тринадцатая: дочь моя, не болтай слишком много, так как это качество нечестных женщин. Если ты все время будешь говорить, то никто не посчитает тебя умной. Поэтому будь скромной и не стремись много знать. Четырнадцатая: не верь в предсказателей и колдунов, так как это непристойно. Пятнадцатая, наиболее важная: не делай ничего ни словом, ни делом, из-за чего твой муж может стать ревнивым, поскольку ревность – это то, что может лишить тебя его любви. Впоследствии он и сам станет подозревать тебя без всякого повода с твоей стороны, сам может воспламенеть любовью к другой, а тебя будет ненавидеть не только он, но и вся его родня и друзья. Поэтому ты не должна впасть в позор, так как эта ошибка может лечь грязным пятном на вашу общую репутацию, и это пятно никогда не сотрется. Обрати на эту заповедь внимание больше, чем на другие, так как нет в женщине ничего более дорогого, чем чистота ума и тела» [1, р. 107].

Последние заповеди относятся к тому образу поведения, который считался наиболее оптимальным во взаимоотношениях с супругом: «Шестнадцатая: если муж возвращается домой, окажи ему любезный прием. Оказывай глубокое почтение его родне, даже большее, чем своей собственной. Это твой шанс заслужить доверие и уважение со стороны его семьи. Семнадцатая: в делах любви не показывай свое желание слишком явно, это может отнять его привязанность. Лучшей наградой для тебя

будет его любовь. Если ты, дочь моя, будешь выполнять все заповеди, о которых я тебе рассказала, то станешь золотой короной на голове своего мужа» [1, р. 108]. Вступление в брак предполагает, что будущая жена не должна была ожидать от этого состояния особых благ, радостей и удовольствий. Все испытания, которые готовило ей супружество, связаны с патриархальными началами в организации городских семей.

В гражданском обществе Флоренции господствовали тенденции, нацеливающие на обязательное заключение брака и создание семьи [7, р. 142]. Проявления нигилизма в этой области встречаются редко, в основном, из религиозных соображений. При этом вступление в брак всегда регулировалось со стороны всего семейного клана, и в какой-то степени – со стороны коммунального сообщества, по сути, редко являясь моментом свободного выбора только двух людей. Например, во Флоренции XIV–XV вв. выбор супруга из знатных и авторитетных семей представлял собой сложную систему; хотя и был открыт простор для разнообразных решений, но всегда взвешивались реальные шансы для блага семьи, в том числе и большой семьи-консортерии. Учитывались структура общества, значимость и социально-политический статус семейства, экономический аспект, способ мышления и культурные традиции, наконец, те же традиции и обычаи в организации семьи. Все вместе эти элементы влияли на выбор супруга.

В Италии позднего средневековья семья продолжала оставаться одним из институтов общественного порядка, способным контролировать экономическую и политическую жизнь. Человек XIV–XV вв. в целом не мыслил своего существования вне семьи [9, р. 261]. Его потомство могло претендовать не легальный политический статус, общественное полноправие, узаконенную социально-профессиональную нишу, если имело законное происхождение в освященном церковью браке. Исследователи констатируют теснейшую связь семьи и социального статуса, частной и общественной жизни в средневековых городах Италии [14, р. 587].

Внутрисемейные связи были прочны, особенно на самых высоких уровнях общественной лестницы и определены социально-культурными и идеологическими традициями [15, р. 31]. Именно через брак социально-политические группировки могли заключать между собой долгосрочные союзы, соответствующие их социальному положению. Таким образом, в браке исполнялась не только функция воспроизводства потомства, но и воспроизводства и даже повышения общественного положения, не менее важная, чем биологическая. Кроме того, интересы экономического и политического порядка у сторон, стремящихся заключить брачный альянс, были настолько весомы, что часто становились событием общественной значимости, воздействовали на гражданскую жизнь [4, р. 528].

Брачные союзы во флорентийских семьях являлись событием, которое затрагивало внутренние отношения в обществе, и имело, кроме очевидной важности для частной жизни, некую степень государственной значимости. Анализ общественной истории не может выделить реальные пределы, в которых могла проявляться индивидуальная свобода, так как она была ограничена суровыми правилами закона и порядка [18, р. 419–434].

В действительности, в среде городских торговцев брак проводился аналогично торговым операциям итальянских и иностранных рынков. Очень часто брак не предполагал взаимной влюбленности супругов и физического влечения друг к другу, но все же эти аспекты нельзя сбрасывать со счетов [7, р. 38].

Таким образом, в большинстве случаев брачные союзы были задуманы в качестве рыночных сделок. Эта гипотеза особенно основательна для флорентийских семей, – не даром в Италии существовала поговорка: «Флорентийцы торгуют своими дочерьми, как штуками сукна» [7, р. 40]. В XV в. старые традиции продолжали использовать, но новые порядки общественного мышления брали верх, все более превращая брак в источник двухсторонних экономических от-

ношений, т. е. в союз двух сторон с намерением выгодно заключить взаимопользную сделку, предметом которой являлся брак.

Таким образом, брак имел выраженную традиционную практику, которая преобразовывалась в правовую. Новые законы становились, в свою очередь, символами правящего класса и выражали интересы коллективного сознания. Вступление в брак выступало непосредственно возможностью накопления капитала [3, р. 67]. Следовательно, с XV в. брак все более превращался в источник двухсторонних экономических отношений.

В этой системе женщина имела подчиненное положение и должна была бессознательно и пассивно служить в качестве товара на рынке брака, чтобы ее можно было приобретать, продавать, обменивать в своего рода торговых сделках [16, р. 103]. Несмотря на традиционную неприязнь к вопросам наживы, даже церковь наставляла паству в этом же духе. Указанный мотив вступления в брак получил свое отражение у проповедников: «Когда женишься, начинай с приданого, учитывай, включая дорогостоящие предметы одежды, размер и мягкость кроватей, драгоценности, качество покрывал и красивых занавесок. Когда выдают дочь замуж, пусть ее отец и мать считают ее движимое имущество и то, и из чего состоит ее приданое. Отцы боятся рождения девочки, ввиду большого приданого, которое придется отдать, ведь каждый год цены на рынке брака повышаются» [2, р. 51].

Выбор супруга или супруги всегда был очень сложным для семьи делом, в котором на первый план выдвигались также и социально-экономические аспекты брачной стратегии. В городах богатые молодые люди вступали в брак с большей осмотрительностью, чем их бедные соседи. Стремясь сделать карьеру торговца, банкира, или адвоката, они ждали от брака гораздо большего, чем ремесленники, в первую очередь, желая увеличить свое состояние благодаря существенным размерам приданого. Высокие ставки на брачном рынке вели богатого молодого человека на долгие поиски жены,

соответственно, по большей части, мужчина не мог жениться по любви и тогда, когда сам того желал [11, р. 223].

В течение XV века заметна тенденция увеличения размеров приданых. Например, один очень уважаемый флорентинец, умирая, приказал своим четырем сыновьям объединить их материальные ресурсы, так, чтобы все его внуки смогли получить приданое. Примечательно, что девочки на этот момент еще не были рождены, но дед уже заранее предвидел трудности, с которыми его семья столкнется и поэтому наставлял сыновей: «Тот, кто дает дочери при вступлении ее в брак хорошее приданое, получает большой почет в этом мире!» [11, р. 225]. Многие семейства часто следовали рекомендациям купца Паоло да Чертальядо: «Предпочтительнее обеспечить великодушно одну бедную девочку, чем разделить наследство между несколькими бенефициариями» [6, р. 64].

Считая брак городского социума сделкой, можно выявить некоторые общие характеристики этого института. Прежде всего, следует отметить довольно ранний возраст вступления в брак для женщин, соответствующая сумма приданого и принадлежность к семейству высокого положения [13, р. 84].

Организация брачных стратегий предполагала сбор сведений, которые анализировались и на их основе семьи вели переговоры, так как брак являлся предметом общекланового, коллективного интереса [15, р. 92]. Кроме системы социально-экономического и политического порядка, существовали и другие факторы: демографический, культурный, юридический, т. е. существовало продуманное и сознательное поведение в этой области. Брак осуществлял функцию социального баланса флорентийского общества и затрагивал даже знатных и высокопоставленных особ.

По сложившимся ментальным стереотипам невеста должна была быть молодой. Тосканцы, например, предпочитали брать невесту-девочку: «Берите ее ребенком, если вы желаете быть счастливым с нею, так как в молодости она здорова и целомудренна,

лучше ей быть молодой, так как потом они становятся порочными, когда за ними нет соответствующего присмотра...» [17, р. 121].

Пятнадцатый век характеризовался достаточно положительными оценками брака в городской среде, которому люди того времени отдавали предпочтение, по сравнению с безбрачием и разными формами внебрачного сожительства, широко распространенными в этом обществе [19, р. 175]. Но нельзя сбрасывать со счетов демографические особенности изучаемого периода, в частности, естественную тенденцию населения реагировать на периоды демографического кризиса. Это являлось несомненной причиной того, что родители заботились и о выживании девочек, чтобы компенсировать чрезмерные жертвы эпидемий и катаклизмов и восполнить население [12, р. 146].

В семьях все девушки учитывались для создания будущих брачных союзов с соблюдением законных критериев иерархии. В семейных кланах подготавливался примерный «список» женихов, в котором классифицировали кандидатов для предстоящих брачных союзов. Например, в 1427 году Леонардо Строцци объявил сыну Филиппо о намерении женить его, приводя обоснования для заключения брака, просчитывая все выгоды в процессе подготовки документов для заключения брачного контракта [12, р. 148]. Для успешного осуществления этой стратегии необходима была самая полная информация о потенциальных женихах и невестах.

Необходимо отметить, что была в Италии категория брачных маклеров, которые помогали найти подходящую партию для создания благополучной семьи. Эта гипотеза находит явное подтверждение в ряде источников. Например, в письме, написанном Микелан-

джело: «Я тебе (брачному маклеру – И.А.) даю полномочия стать моим доверенным лицом и учесть мои пожелания в качестве жениха» [5, р. 310]. Воспользовавшись простым логическим предположением, можно сделать вывод, что для него было обычным делом использовать таких людей.

Кланы, породнившиеся через брак, поддерживали друг друга в судебных тяжбах, взаимно отстаивали интересы семейств перед властями, помогали друг другу неисчислимыми возможностями и способами. Родственники имели доступ в дома друг друга, чувствовали солидарность с другими членами семьи. Они получали родственную связь, которая основывалась не только на силе контракта или договора, но и на согласии и дружбе между супругами и соответственно их родней.

Таким образом, брак становился экономическим союзом. Переговоры о браке между богатыми семьями были осмотрительными и церемонными, но сама процедура требовала церковных и юридических ритуалов, совершалась по морально-дидактическим канонам. В браках, заключенным по соображениям выгоды, была иногда возможна супружеская привязанность, но, тем не менее, заключая брак, чаще всего руководствовались его практической стороной: экономические потребности, финансовые причины, знатность и иерархия в обществе, гарантирующие возможность престижного родства, необходимость продолжения рода и рождения наследников. Правящий класс и зажиточные городские купеческие семьи пытались использовать браки, как инструмент для приумножения своего богатства и для повышения общественного статуса.

Литература

1. Barberino F. da. *Avvertimenti di Marritaggio* // *Del Lungo I. Women of Florence*. – London, 1907.
2. San Bernardino da Siena. *Predica* // *San Bernardino da Siena. La Prediche volgari MCCCXXVII* / A cura di Luciano Banchi. – Siena, 1880–1881. Vol. II–III.
3. Besta E. *La famiglia nella storia del diritto Italiano*. – Padova, 1932.
4. Bisticci V. *Vite di uomini illustri del secolo XV*. – Firenze, 1859.
5. Buonarroti M. *Il carteggio di Michelangelo* / Ed. Postuma di G. Poggi: A cura di P. Barocchi e R. Ristori. vol. 5. – Firenze, 1965–1983.

6. Da Certaldo P. *Il libri di buoni costumi. Documento di vita trecentista fiorentina* / A cura di A. Schiaffini. – Firenze, 1945.
7. Fabbri L. *Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Studio sulla famiglia Strozzi*. – Firenze, 1991.
8. Giudice F., Mariani F. *Il diritto canonico*. – Roma, 1988.
9. Goldthwaite S. *Private Wealth in Renaissance Florence / A Study of Four Families*. – Princeton, 1968.
10. Gottlieb B. *The Problem of Feminism in the Fifteenth Century // Early Feminist Theory and the Guerilla Femmes 1400–1789*. – New-York, 1983.
11. Herlihy D., Klapish-Zuber Ch. *Tuscans and Their families: A study of the Florentine catasto of 1427*. – New Haven, 1985.
12. Herlihy D. *Some Social and Psychological Roots of Violence in the Tuscan Cities // Herlihy D. Cities and Society in Medieval Italy*. – London, 1980.
13. Herlihy D. *The Medieval Marriage Market, in Medieval and Renaissance Studies // Proceedings of the Southeastern Institute of medieval and Renaissance Studies*. – 1974. – №6.
14. Kent D.V. *The Florentine «Reggimenti» in the Fifteenth Century // Renaissance Quarterly*. – 1975. – № 28.
15. Kent F.W. *Household and Lineage in Renaissance Florence. The Family Life of the Capponi, Ginori and Rucellai*. – Princeton, 1977.
16. Lenzi M. L. *Donne e madonne. L'educazione femminile nel primo Rinascimento italiano*. – Torino, 1988.
17. Morelli G. *Ricordi* / A cura di V Branca. – Firenze, 1956.
18. Noonan J. T. *Marriage in the Middle Ages: Power to Choose // Viator*. – 1973. – Vol. 4. P. 419–434.
19. Tamassia N. *La famiglia Italiana nei secoli decimoquinto e decimosesto*. – Roma, 1910. P.175.
20. Walter B. *Scalfe P. Florentine life during the Renaissans*. – Baltimor, London, 1893. P. 78.
21. *Каноническое право о браке (Dematrimony) / Под ред. свящ. И. Юрковича*. – М., 1994.

УДК 94(47).07

Т.В. Беликова**КОНФЛИКТ ВОКРУГ ВСЕВОЛОЖСКИХ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ 1853–1856 ГГ.**

В статье анализируется конфликт на всеволожских рыбных промыслах 1853–1856 гг. Он стал следствием введения откупа на доставку соли с казенных соляных озер в магазины Ставропольской губернии.

Ключевые слова: откуп, предпринимательство, промыслы, Ставропольская губерния, купечество, промышленник, XIX в.

T.V. Belikova**THE CONFLICT AROUND THE VSEVOLZHSKYS' FISHING CRAFTS IN 1853-1856**

The article analyses the conflict around Vsevolzhskys' fishing crafts in 1853-1856. It was a result of the introduction of repurchase of transporting salt from salt lakes to the shops of the Stavropol region.

Key words: repurchase, business, crafts, Stavropol territory, merchants, industrialist, XIX century.

Конфликт крупнейших владельцев рыбных промыслов на Каспии помещиков Всеволожских 1853–1856 гг. с пятигорским купцом 1-й гильдии Я. Крутицким стал од-

ним из следствий нерешенности проблемы эффективного управления процессом разработки и реализации соляных источников, в частности в условиях введения откупной

системы содержания соляной операции. На протяжении всего XIX в. система разработки соляных источников и доставки соли населению на Ставрополье неоднократно подвергались реорганизации, прежде всего с целью обеспечения доходности соляной операции, тем более что казна постоянно терпела убытки от разработки соляных источников в регионе [4, л. 32 об., 59]. При этом правительство вынуждено было учитывать целый ряд факторов, оказывавших значительное влияние на принимаемые решения, среди которых необходимо отметить сложную военно-политическую обстановку в регионе в первой половине XIX в. (Кавказская и Крымская войны), разбросанность соляных озер (13 самосадочных озер), трудности в их охране, что создавало благоприятные условия для незаконного добывания и продажи соли (корчемства).

Эффективность проведения соляной операции на Ставрополье во многом зависела и от такого фактора как административно-территориальное подчинение органов управления соляным делом, наличие межведомственных противоречий. Так, до 1847 г. казенные магазины и меновые дворы Ставропольской губернии снабжались солью исключительно из Можарского и Гайдуковских озер, расположенных в Астраханской губернии. По правилам устава о соли от 5 августа 1818 г., всеми соляными источниками в Кавказской области заведовало соляное правление, также располагавшееся в Астрахани. При преобразовании Кавказской губернии в область и переносе административного центра в 1822 г. в Ставрополь разработка соляных промыслов осталась в ведении Астраханского соляного правления. Несмотря на то, что неоднократно с 1827 г. местные власти Ставропольской губернии ставили вопрос о необходимости сокращения издержек по перевозке в местные соляные магазины соли с разработки Джалгинского соляного озера, находящегося внутри губернии, однако из-за противодействия Астраханского соляного правления, признававшего разработку Джалгинского соляного озера не вы-

годной [5, л. 57] и опасавшегося, очевидно, потери своей монополии и, соответственно, источников доходов, положительное решение данного вопроса последовало лишь во второй половине 40-х гг. XIX в.

С 1847 г. по распоряжению Наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова для снабжения Ставропольской губернии предпринята разработка Джалгинского соляного озера. Предполагалось, что население губернии до 260 тыс. душ будет покупать соль вместо 25 000 более 200 000 пуд соли и при развитии вольной продажи соли казна получит доход до 100 000 руб. [10, л. 2 – 2 об., 4 – 4 об.]. Положительный эффект оказался временным и в 1853 г. была предпринята еще одна реорганизация соляной операции на Ставрополье. С 1 июля добыча и развозка соли отдавалась в откупное содержание на 6 лет при обязательном проведении «торгов, которые... к вящему ограждению казенного интереса...». В итоге содержанием откупа и стал пятигорский купец 1-й гильдии Я. Крутицкий, предложивший 16500 руб. откупной платы [10, л. 4 – 4 об.].

Важнейшим пунктом контракта, заключенного с Я. Крутицким, было условие, согласно которому все жители губернии только у откупщика должны были приобретать соль [2, л. 13, 17 об. – 18, 19 – 20 об; 11, л. 2 об. – 3].

Данное требование порой становилось причиной серьезных конфликтов между различными учреждениями, расположенными в различной административно-территориальной подчиненности. Подобный конфликт разгорелся сразу же после введения на Ставрополье соляного откупа и возник в связи с вопросом обеспечения солью рыбных промыслов помещиков Всеволожских [2, л. 2 – 2 об., 6, 7]. Рыбные промыслы на Каспийском побережье были приобретены Всеволожскими после смерти их предшественного владельца – князя Вяземского. Несмотря на попытки правительства сократить частные владения в приморской части, по указу 1803 г. «Об устройстве рыбных промыслов на Каспийском море» за Всеволожскими сохранялось право на земли «по берегу Каспий-

ского моря от устья реки Чулпана до реки Канычи», одновременно подчеркивалось, что «воды морские... должны оставаться в общем и свободном для всех морских рыбопромышленников употреблении» [8, с. 882–890]. И все же Всеволожские в рассматриваемый период оставались основными рыбопромышленниками на Каспии, вывозя рыбу за пределы губернии: в поволжские и другие города России, на Макарьевскую ярмарку [12, с. 200–204].

Конфликт вокруг рыбных промыслов стал следствием многих причин.

Сама откупная система создавала условия для развития монополизма в частном предпринимательстве. В научной литературе совершенно справедливо подчеркивается и высокая степень коррумпированности чиновников местной администрации, их вовлеченности в предпринимательскую деятельность [1, с. 188; 7, с. 16; 9, с. 419, 462, 466]. Монопольное положение откупщика, возможность диктовать условия потребителю, в том числе и частному промышленнику, приводили к созданию весьма невыгодных условий для развития свободного предпринимательства в России, конкуренции, существенно ограничивая возможности и инициативу предпринимателя. Власти вполне отчетливо осознавали неблагоприятные последствия откупа и пытались минимизировать последствия монополизма в частном предпринимательстве. Так, в частности, в Сибири был взят курс на раздробление подрядов, что, впрочем, хотя и ослабило, но окончательно не уничтожило монополизма в соляных поставках [9, с. 419]. Ставропольская соляная операция по своим масштабам не может идти ни в какое сравнение с сибирской, но в 1853 г. была отдана в откупное содержание в одни руки. Губернские власти предпочитали иметь дело с крупными подрядчиками и откупщиками, финансово обеспеченными, способными представить соответствующие залоговые и возместить казне возможные убытки от соляной операции, тем более что фактор риска для подрядчика, безусловно, существовал.

Всеволожские попытались проигнорировать условия откупа, и Я. Крутицкий уже в сентябре 1853 г. подает жалобу Казенной палате на действия помещиков, ввозящих астраханскую соль на рыбные промыслы на Каспийском море, что приносило ему убытки [11, л. 3]. Он требовал от рыбопромышленников на «чеченском» участке плату за построенные на берегу шалаши, деньги, составляющие разницу в цене соли. В ответ в 1854 г. Управляющий имением действительного статского советника Всеволожского, в свою очередь, жалуется в Астраханскую казенную палату на действия откупщика, не позволявшего ввозить в принадлежащие ему рыбные промыслы в Кизлярском уезде соль из бертюльского магазина, находящегося в Астраханской губернии. Среди аргументов указывалось на преимущества более качественной соли бертюльского магазина, в который соль поступала с озер, расположенных в Астраханской губернии, в отличие от Ставропольской губернии, снабжающейся преимущественно из запасов Джалгинского соляного озера, находящегося в пределах Ставрополя. В качестве аргумента представители Всеволожских ссылались и на ущерб казне от «недопородажи» соли в бертюльском магазине (в объеме 36 тыс. пуд. ежегодно). Причем продажная цена бертюльской соли была значительно ниже, чем в магазинах ставропольского откупа, что, очевидно, и стало главной причиной отказа рыбопромышленников приобретать соль у Я. Крутицкого. Об этом свидетельствуют подобные жалобы в Астраханскую казенную палату, последовавшие и от других лиц, занимавшихся каспийской рыбопромышленностью [10, л. 10 – 10 об.], в которых вполне определенно содержалась ссылка на ущерб предпринимателям от более дорогой соли ставропольского откупа. Продажная цена соли в Ставропольской губернии установлена была в размере 46 коп. за пуд, в Астраханской – 27 коп.

Наместник Кавказский князь М.С. Воронцов, ссылаясь на условия контракта, занял сторону ставропольского соляного откупа. Соляной откуп распространялся на рыбные промыслы по берегам Каспийско-

го моря и островам, входящим в Кизлярский уезд, расположенным в «пределах» Ставропольской губернии. Наместника не убедили и доводы о более высоком качестве астраханской соли: по имеющимся данным, после разяснения условий контракта рыбопромышленники стали приобретать соль у ставропольского откупа, «находя ее нисколько не уступающей той, которая продается в Астрахани у вольных промышленников и Бертюльском магазине» [10, л.11 – 11 об.].

Поверенные помещиков Всеволожских обратились с прошением в Правительствующий Сенат. Всеволожские опирались на решения местных властей. Кизлярский земский исправник дозволил ввоз соли из Астрахани на рыбные заводы. Министерство государственных имуществ, ставропольский губернатор, прокурор считали этот ввоз правомерным. Сложности представляла правовая база. В самом контракте не было употреблено слово «острова», на которые распространяется действие откупа, поэтому «Чеченский остров», находившийся в пределах рыбных промыслов, не подчинялся юрисдикции откупа. Ставропольская Казенная палата, напротив, причисляла его к ведению Кавказского линейного войска, следовательно, к Ставропольской губернии и откупу. Несовершенство правовой базы привело к длительному рассмотрению конфликта. В материалах департамента горных и соляных дел Министерства финансов отмечалось, что об отдаче соляной операции на откуп не существует «никаких постановлений». Поэтому при решении проблемы руководствовались уже разработанными постановлениями, касающимися заключенных «правительственным местом или лицом» договоров, согласно которым договоры должны исполняться «точно», «не уважая побочные обстоятельства» даже в том случае, если контракт заключен с ущербом для казны [10, л.13 – 13 об., 17].

Примечательно, что Ставропольской казенной палате пришлось давать объяснения по поводу условий контракта с Я. Крутицким, предоставлявших целый ряд преимуществ

по сравнению с предложенными им же условиями 1848 г., что расценивалось правительством именно как условия невыгодные для казны и, очевидно, вызывало подозрения у центральных властей в коррумпированности местного аппарата. Лишь в 1856 г. Сенат вынес окончательное решение, поддержав позицию Министерства финансов: жалобы поверенных помещиков Всеволожских «оставить без уважения» как противоречащие существовавшим «указаниям» [10, л.12–13].

В течение всего периода разбирательства конфликта Всеволожские продолжали использовать на своих рыбных промыслах в пределах Кизлярского уезда астраханскую соль. Поэтому Я. Крутицкий счел возможным после вынесения окончательного решения высшей апелляционной инстанцией обратиться в Министерство финансов с просьбой вернуть ему понесенные издержки из-за ввоза астраханской соли на Всеволожские рыбные промыслы. За четыре года до принятия решения Сенатом промыслы получили 75370 пуд. соли на сумму более 14018 руб., какова должна была быть возвращена ему как откупщику, и его просьба была удовлетворена [11, л.8–8 об., 19 об.]. В архивных документах имеются сведения, которые свидетельствуют о стремлении представителей ставропольского откупа возместить свои убытки и не правовым путем: требование от занимающихся рыбной ловлей возмещения разницы в оплате приобретенной в бертюльском магазине соли, платы за построенные на берегу шалаши и т. п.

Таким образом, опыт отдачи на откуп соляной операции на Ставрополье был признан неудачным, денежные расчеты откупа с казной признавались «весьма неудовлетворительными» [2, л.26 – 26 об.]. Убытки понесли и содержатели откупа. Вероятно, именно финансовые затруднения заставили Я. Крутицкого разделить откуп с компаньонами. Содержателями ставропольского откупа, кроме купца Я. Крутицкого, стали принятые им в компаньоны Павлов (отставной губернский регистратор) и купцы Смыков и Богомоллов [3, л.2].

Соответствующие договоренности были подписаны в июне 1855 г. Именно в этот период откупщик подает и прошение об отсрочке откупной платы в виду неблагоприятных обстоятельств в условиях войны. Все содержатели откупа оказались должниками казны, неоднократные попытки отдать соляную операцию с торгов в ближайшее время не увенчались успехом: отсутствовали претенденты [11, л.7–7 об., 12–14 об.]. Однако в целом соляная операция на Ставрополье продолжала оставаться в сфере интересов ставропольских предпринимателей, в том числе Крутицкого и Павлова.

Не получила ожидаемой прибыли и казна. Возврат к казенному хозяйственному способу эксплуатации соляных озер в 1860–1862 гг. в регионе оказался, как и в предшествующий период, еще менее успешным. Вероятно, введение откупа ускорило и разорение Всеволожских рыб-

ных промыслов. Не случайно, в 1857 г. сразу после упомянутого решения Сената в пользу откупа, рыбные промыслы за долги переходят в собственность казны [12, с. 205].

Лишь с 1885 г. произойдет переход к качественно новой системе эксплуатации казенных соляных разработок на Ставрополье, позже, чем в центральной России и во многих ее регионах. Будет взят курс на недопущение монополизма в частном предпринимательстве: казенные соляные озера отдадут с торгов в арендное содержание (частную разработку) лицам разной сословной принадлежности [6. л.1–2, 8, 14], что стимулировало крестьянское предпринимательство, создавало условия для развития рыночной модели, основанной на принципах конкуренции в форме внедрения арендных отношений и раздробления соляной операции.

Литература

1. Бойко В.П. К вопросу о формировании купеческих капиталов в обрабатывающей промышленности Западной Сибири (конец XVIII–XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Аз Бука, 2005.
2. Государственный архив Ставропольского Края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 3143.
3. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4219.
4. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 42.
5. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 462.
6. ГАСК. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 47.
7. Матвейчук А.А. Из истории начального периода акционерного учредительства в нефтяной промышленности России // Экономическая история. Обзор. – 2005. – Вып. 10.
8. Полное Собрание Законов. Собрание Первое. Т. XXVII. – СПб., 1830.
9. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 9. Д. 142.
11. РГИА. Ф. 1268. Оп. 14. Д. 14.
12. Чекунов С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. – Пятигорск: Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1967.

УДК 94(47).084.9

Т.А. Булыгина

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. СТАТЬЯ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ, МАССОВОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье рассматриваются настроения в среде учащейся молодежи, научного сообщества обществоведов, а также интеллектуальная атмосфера в местных обществах Советского Союза 1940-х – начала 1950-х гг., а также выявляется механизм влияния об-

щественных наук на массовое сознание советского общества.

Ключевые слова: гуманитаристика, общественные науки, советская идеология, идеологический диктат, интеллектуальное пространство.

Т.А. Bulygina

THE INTELLECTUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY. ARTICLE 2. SOCIAL STUDIES AND MASS PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE POSTWAR YEARS

The article deals with sentiments among students and academic community of social studies' scholars as well as intellectual atmosphere in local societies of the Soviet Union in the 1940-s – early 1950-s. The author examines the

mechanism of influence of social sciences on mass consciousness of the Soviet society.

Key words: Humanities, social sciences, Soviet ideology, ideological dictatorship, intellectual space.

В отечественной и зарубежной историографии советское обществоведение, как правило, рассматривается как объект партийно-государственной политики. Однако общественные науки в СССР были существенным субъектом воздействия на умы людей и инструментом воздействия на массовое сознание. Именно такой подход мы встречаем у А.И. Солженицина в отличие, к примеру, от А.Д. Сахарова, считавшего идеологию и обществознание малозначимым фактором общественного сознания.

Несмотря на господство советской официальной идеологии и советского обществознания как ее проводника, восприятие обществоведческих знаний в сталинской интерпретации в разных слоях общества было неоднозначным. Так, в Докладной записке секретаря Краснопресненского райкома г. Москвы, адресованной «наверх», отмечалось наличие антимарксистских идеалистических взглядов среди студентов МГУ. Правда, автор Записки считал, что

причина этого кроется в беспартийности их учителей, особенно преподавателей по «мировоззренческим дисциплинам» – В.Ф. Асмуса, А.Ф. Лосева, В.В. Виноградова и др. [17, с. 1]. На самом деле молодежь после войны была гораздо более открыта как действительному идеализму, так и критическому переосмыслению официальных догм с марксистских позиций.

Молодое поколение является наиболее эмоционально неустойчивой социальной группой в любом обществе. Поэтому именно в ее среде особенно остро воспринимается расхождение между идеологическими заявлениями властей и порожденными ими ожиданиями и реальностью. С одной стороны, Страдания войны, ее жестокость в совокупности с ужесточением идеологического диктата в первые послевоенные годы породили у определенной части молодых людей чувство безысходности и полной безнадежности.

Следствием этого стал всплеск религиозности, который коснулся и студенчества,

особенно его женской половины, а также рост самоубийств, опять-таки особенно среди студентов, о чем свидетельствуют рассказы современников и некоторые документальные данные [5, с. 159]. С другой стороны, надежды на светлое будущее, энтузиазм созидания, вера в партию, приведшую к победе над фашизмом, составляли настроение большей части молодых людей. Были и третьи, у которых чувство разочарования трансформировалось в поиски новых «врагов народа», о чем свидетельствуют данные исследователя Е.Ю. Зубковой [4, с. 581, с. 582].

Однако среди думающей, образованной молодежи разрыв между словами и делами вызвал чувство протеста, желание переломить обстоятельства. В этом крылся один из факторов рождения ростков студенческого сопротивления, слабого и наивного, но ознаменовавшего появление новых явлений в общественном сознании. В дневниках замечательного историка С.С. Дмитриева глухо упоминается о подпольных студенческих организациях. Об одной из таких групп в Воронеже рассказал один из ее участников поэт А. Жигулин [3].

В 1946–1951 годах по стране прокатилась волна судебных процессов по делам молодежных организаций. Интересно проанализировать действительные мотивы их появления. Вот как комментировал С.С. Дмитриев рождение «несоветских» настроений молодежи: «... действие рождает противодействие. Так, несчастную молодежь пичкают и накачивают официальной идеологией, что у людей оскомины набита и челюсти от зевоты сводит. Молодые люди хотят быть самостоятельными хотя бы иногда, хотя бы наедине с собой. Но это-то и возбуждается» [5, с. 1259]. В таких группах, числом не превышавших десятка, принимали участие в основном старшеклассники или студенты, стремившиеся к самостоятельным размышлениям над вопросами бытия и культуры. Среди них обязательно находился молодой человек, имевший в силу социального положения родителей доступ к «запрещенной» литературе, будь то стихи

С. Есенина и поэтов «серебряного века» или запрещенные произведения В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого. Беседы на несанкционированные вузом или школой темы приводили к развитию критического взгляда на действительность, в том числе, на политику. Например, в Челябинске осудили группу молодежи за организацию «контрреволюционной деятельности и клеветнические измышления». Эти молодые люди составили воззвание «Манифест идейной коммунистической молодежи», в котором подвергли критике перерождение коммунистической партии и советской власти и призывали к борьбе с режимом. Другая организация в этом же городе была осуждена как антисоветская только за то, что ее участники пытались продолжить поэтические традиции символизма [12, с. 433, с. 434].

Нельзя преувеличивать метания учащейся молодежи, ибо как справедливо отмечал тот же С.С. Дмитриев, равнодушие большинства студентов к политике, проявлявшееся в частности в отношении к судьбе гонимых за «космополитизм» преподавателей, было типичным явлением. Как справедливо заметила редактор дневников С.С. Дмитриева и его ученица И. Эймонтова, действовал инстинкт самосохранения и стремление избежать опасности. Случаи ухода в частную жизнь, в религию, в нелегальные организации были редкими, но, тем не менее, они отражали определенную тенденцию перелома в общественном сознании.

Неоднозначными были настроения самих обществоведов. На их поведение, безусловно, влияли и обстоятельства жизни, и личные взаимоотношения, но главным для лучших из них было стремление сохранить искру научного дерзания под покровом «нужных фраз и фактов». Для большинства был характерен конформизм, т. к. истинная коммунистическая убежденность, вера в идеи В.И. Ленина не гарантировала лояльности, а скорее наоборот, делала человека подозрительным в глазах власти. Таких стойких, верующих догматиков в послевоенные годы становилось всё меньше. Критически мыслящие фронтовики, пришедшие в общественную науку, еще

доучивались на старших курсах и в аспирантуре. Наконец, репрессии и война почти целиком поглотили остатки старой интеллигенции. В то же время среди советских обществоведов встречались и такие уникальные ученые старой школы, каким был выдающийся культуролог и философ А.Ф. Лосев, который в 1944 г. откровенно признавался студенческой аудитории в своем идеализме [17, с. 2]. Ученый был лишен работы в МГУ и перешел на работу в Московский педагогический институт им В.И. Ленина. Чтобы не быть исключенным из сферы научной жизни, без которой он не мыслил существования, выдающийся русский ученый в мае 1949 г. написал письмо в ЦК ВКП (б), где заявил, что пересмотрел свои идеалистические взгляды и принял марксистско-ленинскую теорию. Только после этого Отдел пропаганды и агитации ЦК разрешил обсудить труды Лосева в Институте философии Академии наук СССР [21, с. 53].

Обществознание и его носители не только страдали от режима, но и само становилось орудием изгнания живого творческого духа из науки, средством ее догматизации. Вот что вспоминает один из участников заседаний печально известной сессии ВАСХНИЛ в июне 1948 г., генетик, член-корреспондент АН СССР И.А. Рапопорт: «С восторгом встретила лысенковская аудитория выступления философов, на разные лады повторивших, что диалектический материализм – на стороне Лысенко и составляет надежный фундамент его теории... Философы призывали ускорить разгром генетики, т. к. «дискуссия слишком затянулась» [26, с. 17]. Современные философы также признают, что философия использовалась властью в качестве дубинки и «идеологической цензуры» в отношении к специальному научному знанию [26, с. 402].

Идеологические погромщики выбирали в жертву тех, кто раздвигал рамки научного познания, давал собственную интерпретацию взглядам классиков марксизма-ленинизма, или просто проявлял порядочность, защищая гонимых. Известный официальный философ Б.М. Кедров в 1960-е гг. признавался, что отдавал дань «гению» Сталина только

формально, на деле разрабатывая действительные гносеологические вопросы марксизма. Об этом свидетельствуют его работы конца 1940-х гг., в частности, статья «О характеристике И.В. Сталиным диалектического метода», опубликованная в конце 1948 года.

Еврейское происхождение и клеймо сына «врага народа» молодого философа З.А. Каменского было далеко не главной причиной его остракизма. Он посмел публиковать статьи, оспаривающие положения советских историков русской философии, например, М.Т. Иовчука. Историк гражданской войны, вполне благонадежному еврею И.И. Минцу не могли простить того, что в одной из своих статей конца 1940-х гг. он не указал Сталина среди зачинателей советской истории [28, с.11]. Беспартийный В.Ф. Асмус слишком оригинально воспринимал марксизм, трактуя его положения по-своему [11]. Во 2-м номере только что созданного журнала «Вопросы философии», благодаря широте взглядов первого главного редактора Б. Кедрова, были помещены статья З. Каменского и работа физика-теоретика М.А. Маркова «Философский смысл квантово-релятивистской физики». Неблагонадежные авторы подверглись гонениям, а Б. Кедров был отстранен от руководства изданием, хотя и оставлен в составе редакции.

Карающий меч партии в любую минуту готов был упасть на голову любого советского обществоведа, независимо от его лояльности и таланта, т. к. тотальный страх был единственным универсальным средством удержания науки в узде. В отношении физики, математики и технических областей знания такая узда имела свою специфику, ибо оборона нуждалась в научно-техническом прогрессе. Обществознание же, в силу своего социального статуса, было удобным «мальчиком для битья». Свидетельством тому может служить рядовой пример с «цепным псом» марксистско-ленинской философии М. Митиным, который подвергся в 1943 г. критике за принижение руководящей роли партии [21, с. 50].

Атмосфера неуверенности, грубой брани, преследований по самым вздорным поводам, окружавшая творчески мыслящих

людей, создавала ситуацию, чрезвычайно благоприятную для культивирования человеческих пороков, для развязывания интриг и сочинений клеветы в адрес любого несимпатичного клеветнику человека. Без фактора личностных отношений, отражающего специфику характера того или иного исторического персонажа, без учета личных обид, зависти к чужим успехам, дурно понятой «бдительности», естественного человеческого желания выжить и сохранить работу, обеспечивавшую в те времена неплохой уровень выживания на фоне общей бедности, история обществоведения в СССР представляется схематичной и неполной.

На поведение людей накладывала отпечаток необходимость постоянно каяться в своих несуществующих преступлениях против партии. Это отнимало физические и духовные силы, разрушало самоуважение и уверенность. Неприятие советской системой творческой свободы, без которой немыслима настоящая научная деятельность, привело к тому, что у руководства обществоведением в большом количестве собрались бесплодные чиновники. В данном случае интересы системы совпадали с личными интересами бездарностей, а у талантливых ученых, даже вполне лояльных, были постоянные сложности. Примером этому служит случай с М.В. Нечкиной. Высокообразованный, одаренный историк, несмотря на некоторые «проработки», была вполне признана и отмечена властью. Тем не менее, длительное время ее «не пускали» в академики. Академическим чинам не по нраву были ее талант и плодovitость, а также ее жесткий характер. Вплоть до 1958 г. её много раз «проваливали» на выборах в Академию наук [6, с. 118]. В разгар борьбы с космополитизмом только происхождение человека при всех очевидных достоинствах могло стоять ему научного успеха. Например, так случилось с соискателем на степень доктора экономических наук И.С. Бакком. Его работа была высоко оценена при обсуждении, но при тайном голосовании обнаружилось 9 голосов «против» и лишь 7 – «за» [7, с. 136].

Сталинская власть ловко пользовалась противоречиями человеческой природы, сохраняя ядовитый воздух неуверенности, недоверия, недоброжелательности, применяя правило «разделяй и властвуй» для сохранения господства государства над учеными. Расположение партийного руководства было мимолетным даже для тех, кто всеми средствами, ценой собственной совести добивался его. Вот почему многие обществоведы в годы перестройки легко оказывались «пострадавшими» от режима. Могли предположить активный идеологический борец от философии П. Федосеев в 1948г., когда в духе времени громил низкопоклонство перед буржуазной культурой, националистические предрассудки, религиозные суеверия, аполитичность и обывательщину [27, с. 75], что через неполных четыре года сам станет объектом резкой критики ЦК, как искажающий генеральную линию [8].

Вчерашний обличитель сегодня легко становился обвиняемым и на-оборот. В такой обстановке трудно было сохранить силы для творчества. Их находили лишь немногие талантливые и сильные духом. Большинство же не выдерживали это нравственное испытание. Непримируемость критики в адрес коллег объяснялась и стилем эпохи, и идеологической выучкой, и желанием отвести беду от самих себя. Молодые талантливые исследователи, которые позже в 1960-е – 1970-е гг. сами не вписались в официальную идеологизированную науку: М.Я. Гефтер [24], А.Я. Грунт [2], А.Я. Аврех опубликовали статьи против «буржуазного объективизма и непартийности» в трудах зрелых историков М.Т. Тихомирова и С.С. Дмитриева. Поступок начинающих ученых можно понять в контексте молодости и в духе времени. Однако трудно поверить в искренность их утверждений – слишком умны они были, чтоб убежденно твердить явный вздор. Здесь прослеживается вполне объяснимое стремление подвергнуть сомнению концепции ученых старшего поколения, хотя в советских условиях форма этих сомнений мгновенно превращала научный спор в идеологическую нагайку. Во-вторых, здесь

чувствовалось подсознательное желание уберечься. Впрочем, диагноз беспощадно поставил фронтовик М.Я. Гефтер незадолго до своего ухода из жизни: «После такой веры друг в друга, после такого братства люди встали против людей, страна вновь кишела «изменниками»... кто сосчитает потери душ... Карьера становилась программой начинающих. Все проникалось и лицемерием, и худшим из самообманов». «Диалекты» патриотизма требовали ежедневного поклонения, а непризнание родственной ксенофобии могло стоить жизни [1, с. 305–306]. Очевидно, что живая ткань истории тех лет не может быть представлена черно-белой картинкой. Сегодня ее важнее понять, чем осудить.

Тяжесть подозрительности и доносительства, губительность ее атмосферы бывала иногда равноценна репрессиям. Люди не выдерживали травли и кончали счеты с жизнью. С.С. Дмитриев, в частности, упоминает два случая самоубийства обществоведов из провинции. В 1949 г. в Иванове повесилась 25-летняя талантливая выпускница аспирантуры исторического факультета МГУ, преподаватель местного пединститута. Это случилось после ее «проработки» за то, что она выступила в защиту Н.Л. Рубинштейна [5, с. 149]. В это же время покончил жизнь самоубийством молодой талантливый историк-фронтовик из Белоруссии после обвинений его в национализме и космополитизме, инициированных Иовчуком [5, с. 153].

Помимо гуманитарной элиты, в СССР социальные функции на всём советском пространстве выполняли и провинциальные обществоведы в учебных заведениях различных регионах. Этот процесс имел свои особенности. Во-первых, наука, пусть идеологизированная, делалась в столицах, а на местах представляла в отражённом виде. Здесь общественные науки были представлены преподавателями марксизма-ленинизма и по-литической экономии да школьными историками. В провинции, случалось, кафедры возглавлялись не то что людьми без степеней, но и без высшего образования. На всех кафедрах марксизма-ленинизма Укра-

ины было лишь 4 доктора наук [14, с. 13], а из 60 обществоведов Эстонии в 1951 г. было лишь 10 «остепенённых» преподавателей [15, с. 2]. Из 5 человек, окончивших в 1952 г. аспирантуру башкирских вузов, ни один не представил диссертацию к защите [13, с. 10], и это была типичная картина. Так, в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте в течение двух лет не могли отпустить с работы освобождённого от должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма из-за отсутствия замены. Даже такие «страшные» грехи, как неучастие в разоблачении ненаучных взглядов своих коллег по институту и защита «лжеучёных» друзей, отсутствие связи преподавания с мичуринской агробиологией и т. п., не заставили обком освободиться от квалифицированного философа. Потребовалось вмешательство министерства, чтобы обеспечить институт новыми преподавателями [13, с. 36, с. 45].

Некомпетентные, но амбициозные люди, занявшие места в провинциальных вузах, были хорошим материалом для формирования послушных и воинственных исполнителей. Типичный представитель этого племени работал в 1950-е гг. в одном из ставропольских вузов, читал лекции по ветхим пожелтевшим листкам и срывал занятия, если студенты прятали его записи. Он серьёзно нигде не учился, а грамоты ему хватало лишь на то, чтобы еженедельно строчить доносы на товарищей. Делом его жизни было разоблачение подвигов разведчика Н.И. Кузнецова и возвеличивание собственной персоны в годы войны на территории Западной Украины.

Именно такие «бойцы» идеологического фронта заваливали партийные инстанции анонимками, которые проверялись, и в случае надобности, использовались против неугодных. В январе 1950 г. в Ставропольском крае работала специальная комиссия из ЦК для проверки фактов анонимного доноса на 17 работников местной сферы образования и культуры. Среди них были работники краеведческого музея, культпросветучилища, школы руководителей сельского хозяйства и т. п. Встречаются в списке

«врагов» и фамилии обществоведов и гуманитариев, в том числе работник краевой библиотеки Е.Н. Китайгородская и ее друг, будущий писатель, а тогда «враг народа» Л. Разгон, и известная в отечественной науке археолог Т.М. Минаева, и местный краевед И.И. Иванько [23, с. 41–46].

Идеологические «проработки» в провинции не имели видимости высоколобых теоретических споров и сводились к ритуалу осуждения «отщепенцев» и выявления неблагонадежных обществоведов. Создавались идеальные условия для сведения личных счетов, для искоренения неугодных. Выявляли «бывших», репрессированных 10–20 лет назад, участников «антисоветских» организаций. В педагогическом институте имени А.И. Герцена в Ленинграде, на кафедре марксизма-ленинизма выявили участника еврейской организации и члена «новой оппозиции» 1925 г.; в Казанском юридическом институте – преподавателя, исключавшегося в 1929 г. из партии за сокрытие социального положения [16, с. 59].

Советские регионы включали в себя и новые западные местности, присоединенные перед Великой Отечественной войной. Эта новая советская провинция отличалась не только слабостью обществоведческих кадров, экспортированных из центра, но и оппозиционными настроениями, что требовало особого внимания к политической благонадежности работников учебных заведений. На одном из идеологических семинаров в Литве, где присутствовали все обществоведы, слушатели возражали против тезиса столичного лектора о прогрессивности присоединения Литвы к России. Из зала пришла записка: «Что прогрессивнее для Литвы: быть в составе Речи Посполитой или в рабстве царской неволи?». На совещании преподавателей общественных наук в Риге в выступлениях участников возникали такие вопросы, как не лучше ли было для Латвии жить «под Пруссией», ибо это развитая капиталистическая страна. Слушатели не соглашались с утверждением, что Латвия 1920–1940 гг. переживала экономический упадок [19, с. 53].

Следует учитывать, что местные руководители распоряжения центра об общественных науках выполняли формально. Слишком много у региональных властей после войны было более неотложных дел в сфере социальной и хозяйственной жизни: преодоление разрухи, борьба с голодом, трудоустройство массы демобилизованных, налаживание быта людей. Проверка состояния общественных наук в вузах страны в конце 1948 г. показала, что Свердловский, Калининский, Иркутский, Татарский, Башкирский обкомы партии, а также ЦК Компартий Украины и Молдавии принимали специальные решения о работе кафедр марксизма-ленинизма, однако контроль за их выполнением не осуществлялся. Не было ни одной проверки хода реализации этих партийных постановлений [18, с. 31].

Задача корректировки идеологического состояния общества, стремления к повышению государственного статуса общественных наук, расчёт на то, что обществоведы помогут стабилизировать социум, вступали в противоречие с реальным положением дел в общественных науках. Это, в свою очередь, сказывалось на социальном и научном престиже обществоведения. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1948 г. в Президиуме Академии наук СССР не было представителей философии, литературы, истории, права, экономической науки. Вопросы обществознания почти не ставились на обсуждение его членами. Вообще в АН СССР, как жаловался Г.Ф. Александров Г.М. Маленкову, «интересы общественных наук в загоне» [18, с. 32].

Несмотря на тотальность охвата советского образования идеологическими дисциплинами, знания учащихся по общественным наукам были поверхностными, т. к. предмет изучения не вызывал интереса обучающихся. В частности, при проверке вузов Удмуртской АССР в июле 1951 г. представители ЦК ВКП (б) отмечали крайне слабую осведомленность студентов в первоисточниках марксизма-ленинизма, полное отсутствие их информированности о научных дискуссиях по философии, языкознанию,

биологии. Во время экзаменов по марксизму-ленинизму молодежь показала скудные знания. Судя по анализу архивных данных, такая или подобная картина наблюдалась во многих учебных заведениях.

О непопулярности обществоведения в массах можно судить по тому, как распространялась в стране общественно-политическая литература. В Узбекистане из 7300 экз. трудов Ленина и Сталина, полученных из центральных издательств, нереализованными остались 1946 экз. работ В.И. Ленина и 1520 книг Сталина. Из 50 тыс. произведений классиков марксизма в Казахстане только 30 тыс. было распространено по подписке, а 20 тыс., предназначенных для продажи в розницу, осталось на складах. Было много случаев отказа от подписки на произведения Ленина, Маркса, Сталина. В одном из районов Кировской области из 22 подписчиков на собрание сочинений Ленина книги выкупили только трое, в другом

районе все 44 подписчика на сочинения Сталина отказались их выкупать. Среди «отказников» были и председатели райисполкомов, и секретари райкомов, и редакторы районных газет, и прокуроры, и комсомольские работники. В результате в Ивановской области на книжных складах скопилось 16 тысяч экз. книг Ленина, а в колхозах области оставались нераскупленными около 1 млн. экземпляров «Краткого курса» [22].

Неэффективность обществоведения в науке, образовании, политическом просвещении можно было преодолеть только посредством специальных мер, повышающих его социальную роль и определяющих его особое место в системе просвещения. Приоритет получала формальная сторона развития общественных наук, т. к. в условиях идеологического давления невозможно было повысить интерес к нему за счёт повышения научности, актуальности и содержательности.

Литература

1. Гефтер М. Сталин умер вчера... / Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
2. Громов А. По стопам буржуазных историков // Литературная газета – 1949. – 19 февраля.
3. Жигулин А.В. Чёрные камни. – М.: Московский рабочий, 1989.
4. Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и её влияние на политику реформ // Россия в XX веке. Историки мира спорят – М.: Наука, 1994.
5. Из Дневников С.С. Дмитриева ... // Отечественная история. – 1999. – № 3.
6. Из Дневников С.С. Дмитриева... // Отечественная история. – 1999 – № 4.
7. Из Дневников С.С. Дмитриева... // Отечественная история. – 1999 – № 5.
8. Известия – 1952 – 25 декабря.
9. Каменский З.А. Философской энциклопедии 25 лет // Вопросы философии. – 1996. – № 1.
10. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие – М.: Международные отношения, 1995.
11. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. – М.: Советский писатель, 1990.
12. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. – М.: TERRA, 1991.
13. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5 Оп.17. Р.5706. Д.433.
14. РГАНИ. Ф.5 Оп.17. Р.5718. Д.469.
15. РГАНИ. Ф.5 Оп.17. Р.5718. Д.481.
16. РГАНИ. Ф.5. Оп.37. Р.5730. Д.530.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д. 257.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 33.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.47.
20. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 160.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д.157,159 – 160,162.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 288.

24. Самойлов Р. Грубые ошибки в «Хрестоматии по истории СССР» // Литературная газета – 1948. – 20 декабря.
25. Советское общество: Возникновение и развитие, исторический финал. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
26. Судьбы генетики в нашем Отечестве // Суровая драма народа. – М.: Политиздат, 1989.
27. Федосеев П. Марксистская теория классов и классовой борьбы // Большевик – 1948. – № 14.
28. Философия в СССР: версии и реалии // Вопросы философии. – 1997. – № 11.

УДК 94(420).01/05

А.Г. Глебов**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

В статье анализируется комплекс проблем в контексте развития института королевской власти у англосаксов. Вопрос о времени и роли королевской власти в становлении государства является дискуссионным. Автор обращает внимание то, что при наличии разногласий в трудах англо-американских медиевистов, они единодушны в

том, что влияние короны на формирование многих сторон социально-экономической и политической жизни раннесредневековой Англии оказалось решающим.

Ключевые слова: англо-американская историография, королевская власть, раннесредневековая Англия, Глафорд.

A.G. Glebov**SOME ISSUES OF THE HISTORY OF ROYALTY IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND
IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY**

In the article a complex of problems in context of royalty development is considered. The issue of time of emergence and the role of regal power in state genesis is debatable. The author pays attention to differences of opinion among Anglo-American medievalists.

Большинство исследователей, изучающих историю англосаксонской Британии, сходятся во мнении, что развитие института королевской власти у англосаксов было во многом обусловлено сложностью процессов их политической консолидации. Однако вопрос о времени формирования института королевской власти и его общей роли в становлении государства и его административной системы до сих пор продолжает оставаться дискуссионным.

Прежде всего, это касается вопроса о генезисе королевской власти. В связи с ограниченностью источниковой базы и от-

Nevertheless, they unanimously agree about decisive influence of the Crown on many aspects of social-economic and political life of Early Medieval England.

Key words: Anglo-American historiography, royalty, Early Medieval England, Hlaford.

сутствием четкой методики ее анализа у исследователей возникали большие трудности в интерпретации имеющегося в их распоряжении материала. Очень часто рождались прямо противоположные гипотезы и предположения. Обозначим основной круг проблем, затрагиваемых современными англо-американскими исследователями при изучении развития потестарных структур в ранний англосаксонский период.

Для английской медиевистики второй половины XIX и начала XX столетий было характерно убеждение, что основы обще-

ственно-политического устройства англосаксов были заложены еще на их континентальной прародине. Это устройство было исключительно демократическим, поскольку решающей силой в управлении обществом был широкий слой свободных рядовых общинников, выражающих свою волю через народное собрание и выборы правителей. Поэтому первоначально королевская власть носила «народный характер» и только постепенно переросла во власть короля – верховного правителя. Этой точки зрения придерживались Д. Кембл, У. Стаббс и др. [13; 27].

Однако на рубеже XIX и XX столетий в англо-американской медиэвистике в рамках «критического направления» сложился иной подход к исследованию общественно-политического развития германцев. Его основателями считаются Ф. Мэйтланд и Г. Чэдвик, которые полагали, что определяющим фактором развития древних германцев являлись господство знати и верность вождю. Следовательно, германское общество всегда делилось на правящую элиту и подчиненное большинство. А центром этой системы являлась фигура короля [5; 21].

При этом существует и третья позиция, выразителями которой стали Д. Уайтлок, П. Блэйр, Д. Фишер. С их точки зрения, в древнегерманском–англосаксонском обществе не было ни господства знати, ни чистой демократии. В нем взаимодействовали две силы – знать и народ, а отношения королевской власти и знати в процессе формирования государственности носили более сложный характер. Эти исследователи обращали внимание на органы местного управления англосаксов, которые уходили своими корнями в древнегерманские властные институты и включали не только аристократию, но и свободных общинников [4; 7; 33].

Отдельным вопросом, связанным с данной проблематикой, является вопрос о наличии или отсутствии континуитета между соответствующими потестарными англосаксонскими и римскими институтами.

Здесь можно выделить три основные точки зрения. Первая из них (Ф. Сибом, М. Динсли) выводит истоки англосаксонских властных структур из позднеримских учреждений и порядков, утверждая, что королевская власть у англосаксов являлась едва ли не прямым продолжением той системы управления, которая сложилась в Римской Британии [6; 25]. Вторая позиция, нашедшая выражение в работах Д. Кембла, У. Стаббса, Э. Фримена, Ф. Стентона, Г.Р. Лойна, Дж. Уолмеса-Хэйдрилла, склоняется к господству древнегерманских начал в формировании англосаксонских органов власти. Ее представители в большинстве своем выводят возникновение королевской власти у англосаксов из тех потестарных структур, которые существовали в родоплеменном обществе, называя, в первую очередь, институт вождя и связанной с ним дружины [8; 13; 17; 26; 31]. В последнее время в англо-американской медиэвистике наблюдается стремление говорить о синтезе позднеримских и германских институтов в процессе формирования института королевской власти у англосаксов. В последних работах высказывается достаточно аргументированная точка зрения, согласно которой римско-германский синтез в Британии происходил как через контакты будущих англосаксов с римскими учреждениями на континентальной прародине, так и через постримские институты британских кельтов. В этом смысле наибольший интерес представляют исследования Д. Бинчи и П. Уормальда, которые провели сравнительно-исторический анализ института королевской власти у кельтов Британских островов и у англосаксов, выделив много общих черт в особенностях функционирования этого института в обоих обществах [3; 35, p. 151–183].

Огромное значение для понимания политических процессов, происходивших на ранней стадии формирования англосаксонской государственности, имеет вопрос о механизмах генезиса института королевской власти. Характерно, что вплоть до 80-х гг. XX столетия эта проблема практически

не ставилась: королевская власть рассматривалась как институт, сложившийся в ходе англосаксонского вторжения в Британию. Исследователи сетовали на нехватку источников и в целом сходились на том, что подлинные детали англосаксонского вторжения и образования королевств навсегда утрачены [23, р. 86]. Только после разработки новых методик анализа исторических источников, введения в научный оборот большого числа дополнительных материалов исследование этой проблемы стало возможно на более высоком уровне.

В первую очередь, были проанализированы направления формирования института королевской власти на общегерманском уровне. Некоторые исследователи, в частности Дж. Уоллес-Хэйдрим, пришли к выводу, что доминировал так называемый военный путь, когда временные военные вожди некоторых союзов племен в силу различных обстоятельств сохраняли свой пост и в мирное время, тем самым укрепляя идею постоянной королевской власти. Военному пути могли способствовать как военная удача вождя, его богатство, сильная дружина, так и внешняя угроза, и римская политико-экономическая поддержка [31; р. 71–86].

Были проведены исследования и лингвистического характера. При этом основное внимание было уделено терминам «*teuta-nos*» и «*kuning – a –bz*», обозначающим вождя, предводителя племени. Однако если первый термин (от «*teuta*» – «народ») подчеркивал представительство всего народа, избравшего себе короля-вождя за определенные личные заслуги, то второй термин (от общиндоевроп. «*ken*» (*gen*) – род, племя) отражал представительство знати, когда выбор короля ограничен рамками благородного семейства, которое в силу своей знатности поддерживает претензии на королевскую власть. По мнению некоторых ученых, термин «*kuning-a-z*» в отличие от термина «*teuta-nos*», по-видимому, отражал следующий этап в развитии института королевской власти, когда она уже начала выделяться из родоплеменных управленческих структур [31; 39, с. 193].

Важной заслугой современных англо-американских исследователей можно считать попытку типологизации генезиса королевской власти у древних германцев с выделением трех основных типов. Для первого из них было характерно довольно позднее созревание института королевской власти, что было вызвано сильным влиянием народного собрания и родоплеменной знати в жизни тех или иных племен (восточные германцы). Ко второму типу можно отнести северогерманские племена, у которых правители, наряду с вождескими функциями, исполняли обязанности верховного жреца. Эта ситуация была распространенной в Скандинавии, где не сложилось профессионального жречества. Третий же тип представлен южногерманскими племенами, которые испытали наибольшее влияние со стороны античной цивилизации. У них королевская власть формируется на рубеже нашей эры и в ней доминирует военно-вождеский компонент. Эта власть, основанная на авторитете и реальной силе, со временем узурпировала верховные административные, судебные и законодательные функции. Как правило, процесс политогенеза у англосаксов исследователи относят к первому и третьему типам, причем первый был характерен для англов, а третий для саксов [15, р. 23–34; 31].

Говоря о конкретном механизме созревания института короны у англосаксов, современные англо-американские медиэвисты подчеркивают преимущественно военный характер этого процесса. Состояние войн и миграций способствовали консолидации отдельных племен и появлению опытных военных руководителей. Первоначальное военное лидерство было временным и основывалось на личном опыте вождей. Но со временем оно приобретало постоянный характер, и именно король-вождь становился символом племенного единства. Общепризнанным считается выдвинутый в свое время Дж. Уоллесом-Хэйдрилом тезис о том, что образцом для этого послужили постромские и кельтские традиции организации власти [31; р. 89–96].

Возвращаясь к вопросу об общей роли королевской власти в становлении государства и его административной системы, необходимо заметить, что в послевоенной англо-американской историографии наибольшее распространение получила теория «государства знати», рассматривающая политику королей в качестве главного стимула оформления государства и его административного аппарата, а также возникновения широкого слоя служилой аристократии [1, р. 64 ff.; 12, р. 23–24, 140–142; 17, р. 213 ff.; 18, р. 67–82; 26, р. 688 ff.].

Этот взгляд на королевскую власть отнюдь не нов. Еще в 1907 г. в монографии «Происхождение английской нации» Г. Чэдвик писал, что с самого начала вторжение англосаксов на территорию Британии происходило под предводительством вождей, основу военных отрядов которых составляла королевская дружина. Именно персональные связи между королем и его дружинниками легли в основу формирования англосаксонских королевств и организации в них верховной власти [5, р. 46–55].

Ядро связей между королем и его дружиной составлял, по мнению большинства исследователей, принцип глаффордата или система отношений господства-подчинения, согласно которой король считался верховным господином для своей дружины. Со временем, это верховенство распространяется на всех королевских подданных, даже если они непосредственно не являлись клиентами короля [12, р. 141; 17, р. 216–217, 18, р. 74–75; 26, р. 689].

Наиболее последовательное и детальное обоснование бытования глаффордата у англосаксов, в том числе и с точки зрения функционирования института королевской власти, в новейшей англо-американской историографии дал в своей монографии «Отношения господства-подчинения и военная обязанность в англосаксонской Англии» американский исследователь Ричард Абельс.

По его мнению, при обращении к материалам источников становится очевидно, что в законодательстве англосаксонского

периода не существовало разницы между покушениями на жизнь короля и глаффорда. Короли сами нередко рассматривали себя в качестве глаффордов и требовали от каждого свободного англосакса столь же преданного повиновения, как если бы король являлся непосредственным господином каждого конкретного человека. Интересно отметить, что, начиная с правления Эдуарда Старшего, принесение клятвы верности королю со стороны могущественных людей королевства становится обычным делом [1, р. 83].

Р. Абельс полагает, что наибольшее распространение эта практика получает на отвоеванных у скандинавов землях, когда от знатных датских эрлов требовалось присягнуть королю и признать его в качестве своего лорда (*gesohte him to hlaforde*). В частности, подобную клятву верности королю Эдуарду принесли эрлы Торкетел и Турферт после удачных военных кампаний англосаксов против датчан Бедфорда и Нортгемптона [1, р. 89].

Историк пишет: «Завоевания Эдуарда и его преемников Этельстана и Эдмунда приняли форму установления персональных отношений господства-подчинения между королем и датскими землевладельцами.... Нежели просто покориться королю англосаксов, они выбрали его в качестве своего господина и покровителя и скрепили эти отношения клятвой верности, которую потребовал от них завоеватель» [1, р. 89].

Примеры такого рода имели место и ранее. Именно принцип глаффордата, а не наследственное право, лег в основу установления господства Альфреда над Мерсией в конце IX столетия [26, р. 259–260; 30, р. 63–69; 37, 134–138]. На тех же основаниях признали власть короля Уэссекса «все англы и саксы», проживавшие вне пределов Области датского права после захвата Альфредом Лондона в 886 г. И это признание, как считают некоторые авторы, может рассматриваться в качестве некой точки отсчета, от которой ведет свое начало чувство этнического единства англосаксов, объединенных под властью одного правителя [26, р. 260].

Свое окончательное юридическое оформление принцип глафордата получил в третьем кодексе законов короля Эдмунда, принятом в 943 г. в местечке Колитон-он-Ди в Девоншире. В этом юридическом сборнике был помещен текст клятвы верности, которую должен был принести каждый свободный англосакс своему королю в том, что он будет верен короне так же, как и своему господину [11].

При этом американский историк подчеркивает, что формула клятвы Эдмунда имела большое значение именно с политической точки зрения, ибо распространялась не только на англосаксов, но и на принявших христианство скандинавов. По его словам, «это должно было усилить процесс объединения различных земель и народов, которыми он (король – А.Г.) правил, и привязать их к себе личными узами, во многом подобно тому, как во времена Карла Великого принятие присяги верности лично королю франков способствовало объединению лоскутной империи Каролингов» [1, р. 87].

Абельс обращает внимание и на то, что, обладая статусом верховного лорда, англосаксонские короли в рассматриваемый период пытались контролировать отношения глафордата не только с непосредственно подвластными им людьми, но и в рамках всего королевства. В этой связи любой знатный англосакс попадал в поле действия королевских законов и на основе их предписаний должен был строить отношения со своими клиентами [1, р. 88].

Вмешательство королевской власти в отношения частного глафордата, по справедливому наблюдению исследователя, свидетельствовало о стремлении государства усилить свой контроль над обществом. Возводя, по сути, частные взаимоотношения в силу закона, корона желала выдать их за некий образец, принцип, по которому должна была строиться вся вертикаль власти в стране [1, р. 88]. Однако, как полагает Абельс, только в конце X – середине XI столетия персональные связи между королем и всеми его подданными начинают приобретать отчетливо политическую окраску,

что, по утверждению историка, сказалось на укреплении самого института королевской власти. В подтверждение этого тезиса он приводит следующий пример. Когда в 1051 г. эрл Годвин поднял мятеж против короля Эдуарда Исповедника, последний оказался в более выгодном положении, нежели его соперник. Воспользовавшись тем обстоятельством, что тэны Годвина, будучи обязаны хранить верность своему глафорду, были в равной степени верны и королю как верховному господину всех англосаксов, Эдуард сумел добиться от них присяги и привлечь мятежников на свою сторону. «И пусть эта победа короля оказалась временной, она все же свидетельствовала о реальной силе института личных связей в системе государственной власти и в политической жизни страны» [1, р. 96].

Типологический подход к изучению раннесредневековой государственности, в том числе государственности англосаксов, в последнее время становится доминирующим в англо-американской медиевистике [23, р. 90]. Основы этого подхода были заложены в 70-х гг. прошлого века Г.Р. Лойном. По его мнению, в раннесредневековой Западной Европе сложилось три типа развития государственности, различия между которыми были обусловлены как раз разницей в положении королевской власти в формирующемся политическом организме. Лойн определил эти три типа как германский, франкский и англосаксонский. Во Франкском королевстве государственная власть в лице короля была наиболее слабой, поскольку в основе развития феодализма здесь лежала система частного землевладения, с присвоением отдельными магнатами обширных политических функций. Германская и англосаксонская системы были ближе друг к другу. Но в Германии власть королей была все же не столь эффективной, поскольку им часто приходилось покидать центр своих владений и отправляться на периферию, что ослабляло их контроль над крупными магнатами. В Англии же, ввиду небольших размеров англосаксонских королевств и создания действенного

административного аппарата, влияние короны как в центре, так и на местах было подавляющим. По мнению исследователя, большую роль в обосновании авторитета короны играла доктрина королевской власти. Ее важным составляющим элементом был идеал самого короля и представления о нем в обществе. Король, в первую очередь, должен был отличаться особыми личностными качествами, обладать непререкаемым авторитетом, быть способным одерживать победы над врагами. И только в этом случае он мог надеяться на признание со стороны своих соплеменников [17, р. 213 ff.].

Вторым важным элементом укрепления королевского авторитета была церемония помазания королей на царство, ставшая неотъемлемой частью светской процедуры восшествия на престол. Эту проблему подробно исследовала английский историк Дж. Нельсон. С ее точки зрения, впервые этот религиозный элемент коронации появился в англосаксонских землях не ранее конца VIII столетия в Мерсии в правление короля Оффы. В 787 г. сын и соправитель Оффы Эгфрит был помазан елеем и фактически посвящен в королевский сан [22, р. 50–71]¹. Произошло это событие на церковном соборе в Челси в присутствии папских легатов. По предположению некоторых историков, этот обряд был заимствован мерсийцами у франков, с которыми Оффа, как известно, поддерживал тесные связи [38, с. 99–100].

Впоследствии ритуал помазания перекочевал в Нортумбрию, а оттуда в начале IX в. в Уэссекс, однако в подробном виде он дошел до нас лишь в описании коронации Эдгара Миролюбивого в Бате в 973 г. [12, р. 28–35; 24, р. 19]². Суть церемонии состояла в принесении королем клятвы, текст которой, видимо, был составлен архиепископом Кентерберийским Дунстаном [32, р. 160–178], и вручении новоявленному монарху соответствующих атрибутов власти. В присутствии высшего англосаксон-

ского клира король торжественно обещал поддерживать мир во всем королевстве, наказывать тех, кто совершил воровство и другие злодеяния, а также быть справедливым и милосердным в решении государственных дел. Затем архиепископ жаловал посвященному королю кольцо, опоясывал его мечом и увенчивал королевскую голову короной, после чего служилась торжественная месса и король возводился на трон.

По мнению англо-американских медиевистов, в глазах церковников венчание на царство выглядело как некий акт вручения земному королю божественной санкции на управление страной, что значительно укрепляло авторитет и незыблемость королевской власти [4, р. 207; 22].

Не только Дж. Нельсон, но и многие другие исследователи отмечают огромное влияние религиозно-церковной идеологии на развитие сформировавшейся у англосаксов доктрины монархии. Более того, отдельные авторы говорят даже о теократическом характере англосаксонского государства накануне Нормандского завоевания [2, р. 1000–1066; 9]. По мнению одного из сторонников этой теории, Ф. Барлоу, введение церемонии помазания способствовало превращению короля в члена монашеского сословия, что отвечало исконным интересам церкви. Она желала видеть в короле своего лорда и защитника, который бы пользовался авторитетом в церковных делах [2, р. 158].

Особое значение в современной англо-американской историографии отводится законотворческой функции представителей церковной организации. Большинство медиевистов полагает, что едва ли не все законы англосаксонских королей составлялись при непосредственном участии церковнослужителей и именно поэтому фигура короля в них предстает в божественном ореоле [16, р. 565–586; 18, р. 94–102]. Однако в последних публикациях появилась и иная точка зрения на этот счет, представители которой утверждают, что на самом деле законы создавали лишь иллюзию сильной монархической власти,

1 Как отмечает П. Блэйр, слово «gehalgian», которым пользуется в данном случае «Англосаксонская хроника» первоначально обозначало посвящение в епископский сан [4, р. 205].

2 По мнению М. Блока, впервые средневековый обряд помазания появился в Вестготском королевстве в VII в. [36, с. 617–618].

были, скорее, идеологическими и политическими документами, созданными с целью демонстрации королевских намерений, нежели фиксацией действительного положения вещей [1, р. 16]. В X столетии некоторые англосаксонские короли начинают использовать так называемые имперские титулы в своей титулатуре, именуя себя не иначе, как «*basileus*» или «*imperator*» [29, р. 212, 234]. Некоторые авторы полагают, что за этими титулами скрывался факт признания сюзеренитета английской короны на всей территории Британии, особенно после принесения клятвы верности со стороны правителей Уэльса и Шотландии [10, р. 168]. Согласно другому мнению, появление подобной титулатуры было, скорее, данью традиции и стало результатом влияния более ранних имперских идей, заимствованных англосаксами. Здесь исследователи выделяют три возможных источника: кельтские устные предания о тиранах и узурпаторах IV–V вв.; континентальную имперскую идею, идущую из Византии и империи Каролингов; и собственно германские представления о конунгах, подчинивших своей власти народы, которые не являлись их подданными на правах глаффордата [14, р. 124–136]. Однако никто из исследователей не говорит о том, что употребление великолепных титулов могло иметь сколько-нибудь существенное внутриполитическое значение или, тем более, свидетельствовать об абсолютном характере королевской власти. Более того, специальные изыскания Г.Р. Лойна однозначно доказали, что ни о каком соответствии между этими титулами и реальным положением английской короны в X в. не может идти и речи [19, р. 111–115]¹.

В современной англо-американской историографии продолжает активно обсуждаться вопрос о том, имел ли правящий король прерогативу назначения своего преемника. Если обратиться к тексту «Англосаксонской хроники», то там при упоминании восшествия на трон нового короля встречается лишь фраза *feng to rice*, озна-

чавшая, что «такой-то король принял (или взял) королевство». При этом ничего не сообщается о том, как конкретно это произошло. Изредка в источнике используется выражение «был избран королем» (*ceosan to cyninge*), хотя похожая фраза (*ceosan to hlaforde*) могла использоваться в акте принесения клятвы верности со стороны клиента своему патрону [28, р. 205, 210]. Следовательно, делает вывод П. Блейр, упоминание об избрании претендента на трон не может толковаться буквально [4, р. 198]. Король, видимо, мог назначить своего преемника, как, например, это делает Эдуард Исповедник, на смертном одре завещая королевство Гарольду Годвинсону. Подобным образом поступает и Эдуард Старший, перед смертью вручая бразды правления своему сыну Этельстану [4, р. 385]. В подробном исследовании проблемы, предпринятом Э. Уильямс, исследовательница приходит к справедливому выводу о том, что любое назначение действующим монархом своего преемника могло иметь силу лишь в случае поддержки кандидатуры со стороны могущественных магнатов королевства. Только тот король, которому при воцарении присягнула на верность крупная англосаксонская знать, мог в определенной степени рассчитывать на внутривнутриполитическую стабильность в годы своего правления [34, р. 144–167].

Анализируя общее состояние изучения института королевской власти в раннесредневековой Англии в трудах англо-американских историков второй половины XX в., представляется необходимым подчеркнуть, что эти проблемы по-прежнему занимают центральное место в исследовании институциональной истории англосаксонского социума. Несмотря на отдельные разногласия по частным вопросам, медиэвисты достаточно единодушны в том, что влияние короны на формирование многих сторон социально-экономической и политической жизни раннесредневековой Англии оказалось решающим. По мнению ученых, короли в англосаксонский период масштабно и в целом эффективно действуют во всех сферах государственной политики,

¹ Подробнее об этих и других точках зрения на т.н. «имперские титулы» позднесаксонских королей.

что было обусловлено не только особенностями генезиса самого института королевской власти у англосаксов, но и постепенным укреплением у них представлений о королевской суверенности и признанием за короной права на верховное руководство своими подданными. В связи с этим, обращает на себя внимание тот факт, что в современной англо-американской медиевистике постепенно становится доминирующим типологический подход к изучению раннесредневековой английской государственности, что позволяет вписать эволюцию королевской власти в Англии в VI–XI вв. в более широкий, общеевропейский контекст. С точки зрения разработанной в последних исследованиях типологии, королевская власть у англосаксов сочетала в себе франкские и общегерманские черты. Вместе с тем, большинство авторов отмечают, что в основе социально-политического влияния и авторитета королевской власти продолжал лежать имеющий еще родоплеменные корни принцип глафурда-

та, дававший королю право рассматривать всех англосаксов, независимо от их социального статуса, как своих клиентов. По мнению большинства медиевистов, именно с помощью установления персональных отношений господства-подчинения королям удалось подчинить своей власти датских и норвежских поселенцев на территории Англии, а также форсировать процесс этнической ассоциации англосаксов и скандинавов. Как показано во многих работах, приблизительно к X столетию личные связи между королем и всеми его подданными начинают приобретать политический характер, становятся образцом для построения вертикали власти в формирующемся едином королевстве. В это же время институт глафурдата, как основа королевской власти, находит дополнительную поддержку в распространяемой и освящаемой церковью политической доктрине, что, по справедливому заключению большинства историков, содействует еще большему росту королевского престижа.

Литература

1. Abels R.P. *Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England*. Berkeley. – Los Angeles, 1988.
2. Barlow F. *The English Church, 1000 – 1066. A Constitutional History*. – L., 1963.
3. Binchy D.A. *Celtic and Anglo-Saxon Kingship*. – Oxford, 1979.
4. Blair P.H. *An Introduction to Anglo-Saxon England*. – Cambridge, 1956.
5. Chadwick H.M. *The Origin of English Nation*. – Cambridge, 1907.
6. Deanesley M. *The pre-Conquest Church in England*. 2-nd ed. – L., 1963.
7. Fisher D.J.V. *The Anglo-Saxon Age. C. 400 – 1042*. – L., N.Y., 1993.
8. Freeman E. *The Growth of English Constitution from the Earliest Times*. – L., 1872.
9. Godfrey J. *The Church in Anglo-Saxon England*. – Cambridge, 1962.
10. Higham N.J. *The Death of Anglo-Saxon England*. – Stroud, 1997.
11. III Eadgar // *Die Gesetze der Angelsachsen*. – Halle, 1903.
12. John E. *Orbis Britanniae*. – Leicester, 1966.
13. Kemble J.M. *The Saxons in England. A History of the English Commonwealth Till the Period of the Norman Conquest*. – L., 1848 – 1849. Vol. 1 – 2.
14. Kirby D.P. *The Earliest English Kings*. – L., 1991.
15. Kirby D.P. *The Making of Early England*. – L., 1967.
16. Lawson M.K. *Archbishop Wulfstan and the Homiletic Element in the Laws of Aethelred II and Cnut* // *English Historical Review*. – 1992. – Vol. 107. – № 424.
17. Loyn H.R. *Anglo-Saxon England and the Norman Conquest*. – L., 1970.
18. Loyn H.R. *Church and State in England in the Tenth and Early Eleventh Centuries* // *Tenth-Century studies*. – L., 1975.
19. Loyn H.R. *The Imperial Style of the Tenth century Anglo-Saxon Kings* // *History*. – 1955. – Vol. 40. – № 138–139.
20. Lyon B.A. *Constitutional and Legal History of Medieval England*. – N.Y., 1960.
21. Maitland F.W. *The Constitutional History of England*. – Cambridge, 1926.
22. Nelson J. *Inauguration Rituals* // *Early Medieval Kingship*. – Leeds, 1977.
23. Rosenthal J.T. *A Historiographical Survey: Anglo-Saxon Kings and Kingship Since World War II* // *Journal of British Studies*. – 1985. – Vol. 24. – № 1.

24. Schramm P.E. *A History of English Coronation*. Oxford, 1937.
25. Seebohm F. *The English Village Community*. – L., 1883.
26. Stenton F.M. *Anglo-Saxon England*. – Oxford, 1943.
27. Stubbs W. *The Constitutional History of England in its Origin and Development*. In 3 vols. – Oxford, 1903 – 1906. Vol.1.
28. *The Anglo Saxon Chronicle*, a. 955, 957, 978 // *English Historical Documents*. – L., 1955. – Vol. 1.
29. *The Laws of the Earliest English Kings*. – Cambridge, 1922. P. 212, 234.
30. Wainwright F.T. *Aethelfled, Lady of the Mercians* // *The Anglo-Saxons*. – L., 1959.
31. Wallace-Hadrill J.M. *Early Germanic Kingship in England and on the Continent*. – Oxford, 1971.
32. Ward P.L. *The Coronation Ceremony in Medieval England* // *Speculum*. – 1939. – Vol. XIV. – № 2.
33. Whitelock D. *The Beginnings of English Society*. – Harmondsworth, 1952.
34. Williams A. *Problems Connected with the English Royal Succession, 860–1066* // *Proceedings of the Battle Conference*. – 1979. – Vol. 1.
35. Wormald P. *Celtic and Anglo-Saxon Kingship: Some Further Thoughts* // *Sources of Anglo-Saxon Culture*. – Michigan, 1986.
36. Блок М. *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
37. Глебов А. Г. *Альфред Великий и Англия его времени*. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003.
38. Глебов А.Г. *Англия и континентальная Европа в V–VIII вв.: экономические контакты* // *Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки*. 1997. № 1.
39. Шервуд Е. А. *От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа*. – М.: Наука, 1988.

УДК 94(47).084.3:347.961

А.В. Долгов

РАЗРУШЕНИЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО НОТАРИАТА И ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье автор обращается к проблеме нотариальной службы в контексте советской политико-правовой системы в 1920-е годы. Обращение к конкретным социальным практикам ставропольского населения по-

зволило установить, что нотариат на Ставрополье работал непрерывно.

Ключевые слова: нотариальная служба, система советского управления, новая экономическая политика, социальная практика.

A. V. Dolgov

THE DESTRUCTION OF RUSSIAN NOTARIAL STRUCTURE AND SPECIFIC FEATURES OF RECONSTRUCTION OF NOTARIAL SERVICES IN STAVROPOL PROVINCE IN THE 1920-S

In the article, the problem of notarial service in the context of Soviet political and legal system in the 1920-s is analyzed. Having studied some social practices of Stavropol province population the author concluded that the

notary offices in the region functioned uninterruptedly in spite of the Russian revolution.

Key words: notarial service, the system of Soviet administration, New Economic Policy, social practice.

Теоретическое и практическое экспериментирование советской власти в 1920-е гг. в поиске путей построения коммунисти-

ческого общества, с одной стороны, повлияли и на судьбу судебных и правоохранительных органов, включая нотариат,

а с другой, именно организация советского нотариата стала поправкой, сделанной реальной жизнью.

Строительство новой правовой системы началось с Декрета о суде, опубликованного 24 ноября 1917 года [32, с. 15–17]. Согласно этому документу, упразднялись действовавшие до этого судебные органы от окружных судов до правительствующего сената, включая специальные военные и коммерческие суды. В связи с этим приостанавливалась вся судебная практика, ликвидировались институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, которые Временное правительство сохраняло как институты демократической системы. Вводились прямые выборы мировых судей и прямое народное участие в судебных процессах в виде заседателей. В переходный период судебные функции передавались местным советам. Служащим местных судебных органов предписывалось исполнять обязанности на прежних местах под руководством советских комиссаров. Критериями судебной совести как раз и были провозглашены революционная совесть и революционное правосознание.

По мере развертывания гражданской войны менялись условия функционирования правоохранительных органов. Поэтому ВЦИК 7 марта 1918 г. издал новый Декрет о суде, в котором излагались функции и порядок создания окружных судов, порядок ведения предварительного и судебного следствия, говорилось о процедуре обвинения и защиты. Обвинительное заключение заменялось постановлением следственной комиссии, а для защиты обвиняемых создавалась коллегия «правозаступников» в местных советах. В июле 1918 г. в дополнение к предыдущим декретам о суде вышел еще один декрет о суде, по которому роль окружных судов усиливалась, а функции революционных трибуналов сужались. Тогда же разрешалось с августа этого года возобновлять дела, приостановленные после 25 октября 1917 года [31]. Наконец, 21 октября 1920 г. ВЦИК утвердил Положение о Народном суде РСФСР, по которому суд делился на постоянных су-

дей и очередных судей – народных заседателей, выбираемых в определенном порядке местными советами. В этом Положении определялись функции суда, их компетенция и порядок судопроизводства.

Помимо судебной организации главным правоохранительным органом вначале был народный комиссариат юстиции, который в первые месяцы советской власти вобрал в себя все функции правоохраны и надзора. Наркомюст утвердил перечень учреждений, имевших право осуществлять обыски, аресты и конфискации, т. к. на местах наблюдались серьезные злоупотребления в этом вопросе. В 1918 г. работа наркомюста касалась в основном налаживания работы вновь созданных органов на местах, отсюда и инструктивный характер его постановлений. Дело в том, что во время военных действий возросла роль военных и чрезвычайных органов власти.

Во второй половине 1920-х гг. шла работа по корректировке советской правовой системы в рамках вновь созданного союзного государства. В мае 1922 г. впервые в советской политической системе был создан надзорный орган «за исполнением законов» – Государственная прокуратура, которая входила в состав наркомюста [26]. Нарком юстиции одновременно выполнял обязанности Прокурора Республики. Он назначал прокуроров в губерниях, областях, а в автономных республиках назначение проводил ВЦИК республики. В то же время по федеральным вопросам все местные прокуроры были подотчетны Прокурору РСФСР. В июле этого года было также принято Положение о коллегии защитников.

Началась кодификация законов. В июне 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, в октябре – Земельный кодекс, в ноябре Трудовой и Гражданский кодексы, а в феврале 1923 г. – Уголовно-процессуальный кодекс. В конце 1923 г. Был создан Верховный Суд СССР, Положение о котором через год было утверждено сессией ЦИК СССР.

Особенностью этого периода была острая нехватка советских юридических кадров. В 1918 г. В.И. Ленин вынужден был

признать необходимость использования старых «буржуазных специалистов» как и в армии, так и в производстве [28, с. 165–208]. Поэтому 11 мая 1920 г. СНК принял Декрет «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием» [1]. Такой учет проводился отделами учета рабочей силы местных исполкомов советов. Зарегистрированные лица могли быть направлены на работу либо в распоряжение наркомата юстиции, либо в учреждения, где нуждались в юристах-практиках. Несмотря на нехватку кадров, классовый принцип комплектования органов государственной власти оставался неукоснительным. В связи с классовыми ограничениями, выбор среди прежних специалистов был невелик, поэтому 22 декабря 1922 г., выполняя поручение IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совнарком принял специальное постановление об открытии юридических курсов.

При создании органов прокуратуры руководство также столкнулось с дефицитом грамотных работников. 9 ноября 1923 г. наркомат юстиции принял циркуляр об обязательности проверки знаний лиц, претендующих на вакантные должности в это ведомство [26]. Претендентов проверяли на знание Конституций РСФСР и СССР, Положения о судостроительстве, знания о порядке работы ГПУ, Уголовного розыска, милиции. Кандидат должен был показать знания основных кодексов, некоторых направлений государственной политики – налоговой, жилищной, реквизиционной. Он должен был показать знание порядка технической работы, например, составление протоколов и обвинительных заключений, а также основ делопроизводства.

Разрушение старой государственной машины Российской империи не обошло и такой ее институт, как нотариат. Несмотря на то, что в первом Декрете о суде ни слова не говорилось об отмене Положения о нотариальной части 1866 г., фактически этот институт был отменен сразу же с приходом к власти большевиков. Функции нотариусов ограничивались тем, что они заверяли за-

кладные и заемные письма по старым инструкциям [30]. В годы гражданской войны гражданский оборот жителей большинства регионов России был сведен к минимуму. Одной из причин были военные действия, хозяйственный хаос, повышенная мобильность населения, его маргинализация. Усугубляла эту ситуацию и политика «военного коммунизма», нивелировавшая гражданские взаимоотношения в обществе. Коллегией Совнаркома 14 декабря 1917 г. был принят Декрет «О запрещении сделок с недвижимостью» [23, с. 240]. Городская земля обобществлялась, и все сделки по продаже, покупке, залогу городских недвижимости и земель запрещались. Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [33, с. 111–115] и постановление народного Комиссариата юстиции от 6 сентября 1918 г. «О противозаконности сделок купли-продажи строений, находящихся в селениях» [37, с. 715] конкретизировали и уточняли данный запрет. Завершением процесса отмены частной собственности стал декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» [36, ст. 50]. Все имущество, стоимость которого превышала 10 тыс. рублей, после смерти владельца переходило государству, и им распоряжались местные советы. По содержанию Декрета ВЦИК 20 мая 1918 г. «О дарении» становится ясным, что нотариальные действия приравнивались к судебным актам. Дарение имущества стоимостью от 1 тыс. до 10 тыс. рублей «должно быть облечено в форму нотариального или судебного акта» [24].

В начале 1919 г. наркомюст разрешил в городах иметь при судебно-следственных подотделах губернских отделов юстиции нотариальные столы, которые создавались в уездах при местных народных суд более простые процедуры, например, свидетельствование верности копий с документов или подлинности подписей [24]. Циркуляр наркомата юстиции РСФСР от 9 декабря 1918 г. возложил функции нотариата на различные органы местного управления – юридические отделы советов, отделы ком-

мунального хозяйства и социального обеспечения, на народных судей. В целом единообразной системы нотариата с определенными функциями не было.

После февраля 1917 г., как и повсеместно в бывшей Российской империи, правовая система на Юге России не претерпела серьезных изменений. Только подчинение органов суда, прокуратуры, адвокатуры и нотариата перешло под руководство министерства юстиции Временного правительства. Все правовые институты на Ставрополье, также как на Тереке и Кубани, продолжали действовать на основе дореволюционного законодательства. Это относилось и к работе нотариата.

Так, в Актовой книге ставропольских нотариусов Владимира Ивановича Манжоса-Белого и нотариуса Ивана Ивановича Васильева с середины августа 1917 г. по осень этого года зафиксированы 21 договор и купчие на куплю-продажу недвижимости и земельных участков [11]. В частности, 15 сентября 1917 г. в конторе нотариуса И.И. Васильева, в соответствии с правовыми формулами и по всем нормам Российской империи, была заключена купчая сделка. Во-первых, была зафиксирована законная правоспособность сторон – моздокского мещанина П.Г. Гургенбекова, который покупал у херсонского крестьянина А.И. Полетаева домовладение, пнаходившееся в Ставрополе. Во-вторых, сделка была заверена в присутствии трех свидетелей из ставропольских жителей, лично известных нотариусу. В-третьих, нотариус проверил по документам законность владения Полетаевым частью дома в Ставрополе, что на Николаевском проспекте, который он продавал, с указанием всех данных о домовладении, в том числе об электропроводке в доме. Покупка была оформлена на 55 тысяч рублей, в том числе – 5 тысяч за электричество как движимое имущество. Были соблюдены и установленные нотариальные тарифы: 3 рубля за актовый документ, 80 копеек – за выписку из него и 200 рублей – за публикацию купчей крепости [11, л.3, 3 об.].

Подобным же образом заключалась сделка о продаже домовладения вдовой Н.Ф. Мартыновой, заверенная И.В. Манжос-Белым [11, л.4]. При этом прилагалась выписка из крепостной книги нотариального архива Ставрополя, подписанная нотариусом Г.К. Праве в 1911 г., которая была основанием для законности этой сделки [11, л.5, 5 об.]. Это было типичной ситуацией в работе ставропольских нотариусов в период с февраля 1917 по 1918 год. К примеру, для совершения покупки усадебной земли у Д.Г. Хорошильцева последнему пришлось предоставить нотариусу И.В. Манжос-Белому подобную выписку за 1913 г. о покупке Хорошильцевым этой недвижимости [11, л.8 – 10]. Несмотря на беспокойное время, в августе 1917 г. тот же нотариус заверил договор, по которому горный инженер А.Д. Воскресенский занял на 3 года, т.е. до 1920 г. у А. С. Забелло 35 тысяч рублей под 7% годовых под залог дома [11, л.16, 16 об.]. Нотариус И.И. Васильев в августе 1917 г. заверил доверенность А.К. Конюховой Н.В. Эйману на бланке дореволюционного образца [11, л.38–39].

Такая практика сохранялась по инерции и в первые месяцы после прихода в Ставропольской губернии к власти большевиков. Г.К. Праве заверил сделку о купле дома с усадьбой мещанином А.Г. Ивановым у мещанки П.А. Блиновой 4 января 1918 года. Георгий Константинович оформил такую же купчую 14 марта 1918 года [7, л.1, 1 об., 2, 2 об.]. В феврале этого же года этот же нотариус заверил сделку между Ставропольской городской управой в лице члена этой управы Ф.П. Иоговского и псаломщиком А.П. Ивченко по продаже последнему части городской земли по городскому плану, «Высочайше утвержденному 10 ноября 1871 года» [7, л.3]. Таким образом, еще на третьем месяце советской власти в Ставрополе продолжали действовать прежние органы местного самоуправления и продолжали функционировать прежние правовые институты, включая нотариат. Всего с марта по август 1918 г. Г.К. Праве заверил 14 купчих крепостей между жителями Ставрополя

и губернии [5]. И.И. Васильев нотариально оформил с мая по ноябрь 1919 г. 16 купчих крепостей [6].

Вскоре началось разрушение прежнего института нотариата. Местные советы и Ставропольский совнарком следовали указанию Постановления Совнаркома республики от 23 марта 1918 г. об отмене Положения о нотариальной части, а также решению о муниципализации нотариальных контор. Выполнение всех нотариальных функций было возложено на местные советы. Однако с лета 1918 г. в большинстве уездов Ставропольской губернии была установлена военная власть белой армии, и в условиях гражданской войны продолжало действовать прежнее положение о нотариате. Все 12 нотариусов Ставропольского окружного суда продолжали работу. По сравнению с предыдущими годами, в этот период в Ставрополе и других населенных пунктах губернии число нотариальных сделок с недвижимым имуществом значительно выросло. Так, нотариус И.В. Манжос-Белый только за вторую половину 1919 г. заверил 4 договора на продажу посевных угодий, 14 купчих на домовладения и 1 договор дарения [4]. С мая по ноябрь 1919 г. Г.К. Праве заверил 21 купчих крепостей на усадьбы и землю [2], 3 завещания [9] и 1 дарственную [10].

В книге сборов за нотариальные действия Г.К. Праве за июнь 1919 г. сделано более 70 записей. Это было заверение копий документов, подписей под официальным документом, оформление завещаний, доверенностей, опротестование векселей, дарственных, выписки из купчих, закладных и проч. [8]. Остались прежними не только нотариусы, но и доверенные ему свидетели. К примеру, ставропольский дворянин Северин Петрович Нагорничевский, бывший свидетелем у Г.К. Праве в 1917 г., оставался им и летом 1919 г. при заключении завещания крестьянина К.А. Головачева его жене по третьему браку [3, л.1].

После восстановления советской власти в Ставрополе 29 февраля 1920 г. и губернии нотариальная служба продолжала

действовать в прежних рамках, а в 1921 г. окончательно встроилась в советскую политическую систему. Весной 1921 г. в целом по стране условия для нотариальной деятельности стали более благоприятными, поскольку объявленные решениями X съезда РКП (б), а также последующими официальными документами переход к новой экономической политике способствовал возрождению товарно-денежных отношений. После принятия основных документов по нэпу совнарком 8 августа 1921 г. узаконил сделки с недвижимостью, разрешив «возмездное отчуждение немunicipализированных строений собственниками их с тем, чтобы в руках одного лица не сосредоточивалось более одного владения». При этом устанавливалось обязательное нотариальное засвидетельствование сделок по купле-продаже муниципализированных строений [29]. В губернских городах регистрация сделок проводилась в губернских отделах юстиции, а в уездах – в уездных бюро юстиции. В первом Положении о государственных подрядах и поставках 30 сентября 1921 г. указывалось, что «договор подряда или поставки, совершаемый от имени государства, должен быть зарегистрирован в Губернском Отделе или Уездном Бюро Юстиции», что было равнозначно нотариальному действию [38, ст. 549].

Все это вело к расширению потребностей в нотариальных действиях. Однако четкого понимания о работе нотариата не было. Поэтому в январе 1922 г. были опубликованы «Тезисы о нотариате», после чего 26 января прошел IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции [39, ст. 804]. Признавая необходимость института нотариата, участники съезда считали главным отличием его от дореволюционной службы то, что советский нотариат является государственным учреждением, а нотариус становится ответственным должностным лицом, который обеспечивается государством, а не клиентами. Делегаты съезды считали, что нотариальные органы должны стать частью системы советских органов юстиции, а значит, к ним были применимы принципы и подходы советского правосознания.

В преддверье составления нового документа о нотариате по распоряжению Наркомата юстиции РСФСР в губерниях и уездах были проведены проверки деятельности нотариальных столов, которые показали неудовлетворительность функционирования нотариальной службы. Как отмечают отечественные историки права, некоторые нотариальные столы по нормам старого Положения свидетельствовали договоры, устанавливающие правоотношения, не допускавшиеся советским законодательством или еще не урегулированные. Поэтому 3 марта 1922 г. на места была разослана специальная инструкция [25].

Положение о нотариате было принято правительством 4 октября 1922 г. [39, ст. 807], т. е. раньше, чем Гражданский кодекс, который был подписан 11 ноября 1922 г., а действие начиналось с 1 января 1923 года. Во всех городах страны местными органами власти с согласия Наркомюста учреждались нотариальные конторы. В поселениях, где не было нотариальных контор, нотариальные действия совершались народными судьями по таксе нотариата. При отборе нотариусов действовал классовый принцип, т. к. нотариусом мог быть только тот, кто не был лишен избирательного права, не работал по личному найму и не был частным предпринимателем. Нотариусы непосредственно подчинялись президиумам губернских советов народных судий, а общее руководство над нотариальной деятельностью осуществлял Наркомат юстиции.

В Положении о нотариате 1922 г. выделялось 7 видов нотариальных действий. В нем оговаривалось место совершения разных форм нотариальных действий, условия, при которых нотариус может осуществлять эти действия, ограничения для этих действий, например, родственные отношения одной из сторон (как в дореволюционном Положении) сделки с работником нотариата. Оформление нотариальных действий и ряд правил при их проведении были заимствованы из Положения о нотариальной части 1866 года, но толковались на советский лад. При воссоздании системы нотариата советская власть в силу своих доктриналь-

ных принципов не могла допустить сохранение нотариата в его дореволюционных формах. Нотариат становился частью государственного аппарата. В разное время он входил в систему различных правоохранительных органов – судов или отделов юстиции местных советов.

Декретом СНК РСФСР 8 ноября 1922 г. была введена такса оплаты нотариальных действий. Был узаконен термин «нотариальные действия» [27]. Окончательно правовое закрепление нотариальной практики было сделано в Гражданском кодексе РСФСР [20, с. 113–178]. В его четвертой части о сделках отдельно выделяются нотариальные сделки, вносимые нотариусом в актовую нотариальную книгу. Нотариальное действие было обязательным по отношению к особо важным документам. По Гражданскому кодексу восстанавливалось наследственное право, хотя и ограниченное размером наследства не более 10 тыс. золотых рублей, что расширяло функции нотариата. В августе 1923 г. в действие было введено Положение о нотариате издания 1923 года [40, ст. 726].

До принятия нового Положения о нотариате 1926 г. документ неоднократно исправлялся и изменялся, как того требовала нотариальная практика. В частности, 18 октября 1924 г. по декрету СНК несколько изменялся порядок оформления нотариальных действий в статьях 7, 9, 17, 19 [41, ст. 839]. В 1925 г. было внесено изменение в статью 13, когда при засвидетельствовании сделок нотариус мог в исключительных случаях не требовать личной явки в нотариальную контору представителей государственных учреждений, лично известных работнику нотариата [21].

Основанием для новой перестройки советской системы государственного управления и всех ее элементов, включая нотариат, стало образование СССР. 14 мая 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата» [34]. К осени было разработано новое Положение о нотариате в РСФСР [44, ст. 576]. Подобные Положения были приняты во всех союзных республиках. Бесконечные реформы были одной из

характерных черт политической жизни страны периода становления советской социально-политической системы. Постоянные изменения в организации и функционировании нотариата на местах ограничивали его активность, порождали многочисленные ошибки нотариальной службы.

На Ставрополье, несмотря на распоряжения центральной власти, первое время после возвращения советской власти нотариальная практика опиралась на дореволюционный опыт. В архиве Ставропольской государственной конторы за 1921 г. имеются удостоверения, заверенные нотариусом на основании окладных книг Городской Управы за 1914 г., что недвижимость, принадлежавшая некоторым горожанам, не отчуждалась ими за время гражданской войны. Это касалось, например, А.Т. Прудкова и его семьи, а также В.В. Шевякова и его семьи [13, л.189, 204]. Даниилу Ткагманову губернский коммунальный отдел выдал удостоверение о том, что этот гражданин никакой недвижимости в Ставрополе не имеет. Этот документ также был подан для нотариального заверения [13, л.10].

Архивные документы по истории нотариата раскрывают не только изменения правового поля советской республики, но и перемены в социальной жизни общества. На Ставрополье реализация Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г., [22, с. 286–287], который отменил право частной собственности на недвижимость в городах, в полной мере началась в 1920 г., когда в исполкомах были созданы коммунальные отделы, что свидетельствовало о попытке ввести проблему городского жилья в правовое русло. Всего за 1921–1930 гг., по данным источников, более всего совершалось нотариальных заверений договоров купли-продажи недвижимости. К концу этого периода участились заключения договоров застройки. На втором месте среди нотариальных действий было удостоверение завещаний и доверенностей. Встречались и договоры аренды и найма, акты дарения, продажи имущества, а также договоры между кооперативными и государственными предприятиями [6]. Пережив продразверстку 1920 г.,

голод 1921–1922 г., ставропольские крестьяне к концу 1920-х гг. стали восстанавливать свое благосостояние, обзаводиться имуществом и недвижимостью в городе. Например, весной 1927 г. «хлебороб», как говорится в документе того времени, И.А. Базило из села Спицевки продал крестьянину из Ставрополя Г.А. Погребенному немунципализированный каменный дом под железной крышей с усадьбой [18, л.1]. Тогда же домохозяйка Е.И. Лесянова продала деревянный дом в Ставрополе крестьянину В.А. Бастрыкину [18, л.12].

При покупке строений покупатели приобретали и право пользования усадьбой, т. е. земельным участком со всеми насаждениями на нем. Следовательно, вместо покупки земли, которая по Декрету советской власти была национализирована, человек мог приобрести только пользование участком. К примеру, в апреле 1925 г. нотариус В. Манжос-Белый засвидетельствовал договор, по которому А.Я. Шенфельд продал М.Ф. Заволокиной и А.М. Савиной не только деревянный однокомнатный дом и другие постройки, но и право пользования землей около 100 м по периметру вместе с деревьями [19, л.82, 22].

Кроме того, стало активно приобретаться жилье в городе с публичных торгов. Так, в том же апреле 1927 г. нотариус Ф. Краснов подготовил такой акт для А.А. Ефименко, которая купила на публичных торгах немунципализированное строение Е. П. Григорьевой за 260 рублей. Наряду с указанием размеров и границ усадьбы, в подобных актах купли-продажи указывались и все денежные сборы за сделку [18, л.123]. Особенностью договоров купли-продажи права застройки было то, что при покупке права застройки покупатель брал на себя и все обязательства по договору застройки. Поскольку земля была изъята советской властью из рыночных отношений, то речь шла не о продаже того или иного земельного участка, а о праве застройки на государственной земле. Таким образом, в нотариальных актах отражались особенности социальных и экономических реалий советской политической системы.

Значительную долю нотариальных действий частного порядка составляло свидетельство завещаний. По мере налаживания мирной жизни их становилось больше. Например, П. П. Яковлева, жительница Ставрополя в 1927 г. завещала все свое недвижимое имущество долями своим сыновьям и дочерям. Как и было предусмотрено Положением о нотариате 1926 г., в присутствии работника нотариата Ф. Краснова за безграмотную завещательницу по ее личной просьбе расписался М. Е. Иванов [18, л.132]. Подобные завещания были составлены в 1928 г. в Ставропольской нотариальной конторе для М.И. Каменьщиковой. Иногда завещание содержало не только имена наследников, но и условия завещания, как это было в завещании С.Н. Стародубцева, в которое входило требование к наследникам содержать его жену [18, л.34]. Гораздо реже заключались договора залога имущества. В основном они касались частных предпринимателей. Так, в 1928 г. торговец из станицы Каменобродской Армавирского округа К.П. Безчастнов заверил у Ставропольского нотариуса договор с сыном тоже торговцем С.К. Безчастновым о займе 1500 руб. на 2 года под залог локомотива 12 лошадиных сил, мельничных камней, которые находились в станице Новотроицкой [19, л.39].

Ставропольская нотариальная контора также свидетельствовала договора между организациями. Так, 12 сентября 1925 г. был нотариально заверен договор между Виноделенским районным исполнительным комитетом в лице заведующего местхозом райисполкома Д.Г. Луппо и акционерным обществом Хлебопродукт в лице его уполномоченного Д.Е. Кузьмина [17, л.11]. По этому договору орган местной власти брал на себя обязательство закупать по 1 января 1926 г. зерно и семена масличных культур в районе сел Золотаревки и Большая Джалга Виноделенского района для АО Хлебопродукт.

Нотариусы Ставрополя свидетельствовали также договора и между государственными организациями и кооперативами. В феврале 1928 г. Ставропольский райис-

полком заключил договор с промысловой артелью «Личный труд» об аренде мельницы Волобуева, в тот момент им. Климова. В договоре условием для арендаторов был капитальный ремонт и техническое улучшение мельницы, а также допустимые размеры помола. Арендаторы должны были проводить текущий ремонт, платить налоги, соблюдать санитарные нормы и условия труда [19, л.96–98].

В разгар нэпа на аграрном Ставрополье нередкими были договоры аренды земли. Так, весной 1927 г. Наркомат земледелия в лице заведующего Ставропольским окружным управлением Ф.А. Лучанинова заключил договор аренды земли с жителями хуторов Московского Ульяновского сельсовета Виноделинского района. По этому договору государство сдало хуторянам в аренду на 3 года часть наделного участка хутора Московского размером 1890 десятин. В договоре из 35 пунктов оговаривалось предназначение этих земель, размер арендной платы. Государство не несло никаких обязательств перед арендаторами, зато крестьяне выступали как бесправная сторона. Реальным хозяином земли оставалась власть, поэтому арендаторы не имели права препятствовать проведению земельными органами на арендуемом участке землеустроительных, мелиоративных работ. Несмотря на то, что договор вступал в силу со дня его подписания, т. е. 13 апреля 1927 г., крестьяне должны были заплатить задним числом за пользование землей с 1 сентября 1926 г. по 1 марта 1927 г. по 12 коп. за десятину, что составило 226 руб. 80 коп. Подлинник договора хранился в Наркомате земледелия в Москве, а у арендаторов – только копия [19, л.23–25].

В середине 1920-х гг., несмотря на улучшение материального положения общества, оставался острый дефицит на многие товары. Поэтому нотариально заверенные договоры купли-продажи составлялись и на движимое имущество. В 1928 г. один ставропольский кустарь И.С. Бовин продал трем другим кустарям за 1100 руб. чугунный станок для ленточных пил, станок для

строчки спиц, точильный станок, ленточные пилы, рубильник с электропроводкой, реостат [19, л.115]. В числе дефицитных товаров оставалась и писчая бумага. Не случайно еще в 1926 г. многие сделки продолжали оформляться на бланках дореволюционного образца. Примером этому может служить договор купли-продажи между Е.П. Вартановой и крестьянином А.А. Литвиненко. Выписка из актовой книги для покупателя была сделана на актовой бумаге дореволюционного образца, на которой были советские надпечатки [19, л.2].

Постепенно деятельность нотариальных служб налаживалась. Так, согласно распоряжению № 7 заведующего Ставропольской государственной нотариальной конторой 3 ноября 1923 г., помимо нотариуса и его заместителя предусматривались еще 5 штатных единиц. Среди них 2 машинистки: Н.И. Бачурина и З.П. Хлапоница, делопроизводитель М.Е. Иванов. Кроме того, в конторе работала реестрант З.Г. Борисова, видимо, по прежней номенклатуре – писарь, и курьер А.А. Захарова [14, л.7].

Из Центра приходили циркуляры и распоряжения, уточнявшие различные стороны работы нотариата на местах. Так, 19 октября 1928 г. циркуляр Наркомата финансов и Наркомата юстиции РСФСР разъяснял порядок сдачи нотариальных сборов государству и особенности финансирования нотариальных контор. Расходы местных нотариатов велись в то время за счет кредитов, которые получали региональные суды, в частности Северо-Кавказский краевой суд, а нотариальные действия судей – за счет местного бюджета [14, л.1]. В этот период была предпринята очередная попытка сократить траты на государственный аппарат на местах в свете политики режима экономии. Из циркуляра финансового отдела Наркомата юстиции 10 декабря 1928 г. видно, как шла централизация всех областей советской жизни. С осени этого года оплата нотариальных действий шли в бюджет государства. Нотариальные сборы судей полностью уходили в местный бюджет, а из этого бюджета финансировались их нотариальные услуги [12, л.2].

Форсированное создание тяжелой индустрии требовало денежного обеспечения золотом, и в июле 1928 г. появляется циркуляр Наркомата юстиции РСФСР об освобождении золотопромышленников от нотариальных сборов. Еще в 1924 г. частная и государственная золотопромышленность была освобождена от большого числа налогов и пошлин. В 1928 г. с них снимались и нотариальные сборы [12, л.6].

Как известно, с середины 1920-х гг. наступила полоса дипломатического признания СССР, а значит, расширялись и внешние отношения. В 1928 г. в местные нотариальные конторы поступило распоряжение заведующего подотделом государственного нотариата Наркомюста РСФСР о порядке оформления документов, направляемых в учреждения за границей. Заявления, справки, адресованные в посольства и консульства СССР, не требовали дополнительного заверения. Если же документы предъявлялись иностранным властям, то они должны были иметь нотариально заверенные визы. Например, заявления о выезде из Польши в СССР предъявляются и представителям СССР в Польше, и польским властям, поэтому в них должны быть визы Наркомата юстиции и Наркомата иностранных дел СССР, заверенные в нотариальных конторах [12, л.7].

Однако на местах работа нотариусов не была до конца упорядочена. Значительные недоработки были обнаружены в нотариальных действиях районных исполкомов и сельсоветов. Они часто выходили за пределы своей компетенции или же удостоверяли документы граждан, которые не имели отношения к данной местности. Поэтому 7 января 1928 г. в местные нотариальные конторы поступила инструкция [12, л.16–31], в которой повторялись условия нотариальных действий сельсоветов и райисполкомов из Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 26 сентября 1927 г. о нотариальных действиях волисполкомов и сельских советов [45, ст.688]. В Постановлении обязанность инструктировать работников исполкомов

и сельсоветов по производству нотариальных действий возлагалась на нотариусов ближайшей по территории нотариальной конторы.

Частое реформирование политическое управления затронуло и административно-территориальное деление страны. Так, летом 1926 г. в очередной раз изменилось территориальное положение Северо-Кавказского края, где уже произошли изменения в 1925 г. [43, ст. 44, 326; 42, ст. 563]. В 1925 г. край в административно-экономическом отношении состоял из 11 округов и 4 автономных национальных областей, то в 1926 г. в Северо-Кавказский край вошли 15 округов и 6 автономных областей [44, ст. 339]. Это не могло не коснуться и сети нотариальных контор в его округах, в частности, Ставропольского округа.

Непосредственной инстанцией для руководства Ставропольским нотариатом становился окружной суд, а общее руководство осуществляли краевые судебные органы Северного Кавказа, расположенные в Ростове-на-Дону. Поэтому ряд распоряжений окружная нотариальная контора Ставрополя получала из столицы края и обязана была ознакомить с ними районные и городские нотариаты. Так, Северо-Кавказский краевой суд за подписью его председателя В. Петрова и инструктора-ревизора краевого суда по нотариату Сокольского в ноябре 1928 г. уведомлял Ставропольскую окружную нотариальную контору о том, что продажа заложенных домов с публичных торгов Обществом взаимного кредита являлось законным и должно без препятствий удостоверяться нотариусом [12, л.47].

Окружные нотариальные конторы часто инициировали те или иные разъяснения краевого суда. Иногда требовалась немедленная помощь и нотариусы обращались в краевой суд по телеграфу. Наркомюст требовал подачи запросов в обычном порядке, не останавливая нотариальных действий. Краевой суд разъяснял, что нотариусы могли обращаться и в Наркомат юстиции, но указывать конкретный факт нотариальной

практики и мнение самого нотариуса [12, л.55]. Чтобы улучшить работу нотариата на местах, краевая власть посылала нотариусам и разъяснения других ведомств, в первую очередь, финансовых органов. Так, в августе 1928 г. Ставропольская окружная нотариальная контора получила официальное письмо налогового отдела краевого финансового управления о порядке взимания гербового сбора [12, л.61].

В ведении краевого суда Северного Кавказа был и вопрос организации отчетности нотариальных контор. Ежегодно краевой суд рассылал отношения о проведении отчетов нотариальными службами округов. В частности, в июле 1928 г. краевой суд уточнял обязательные формы отчетов по сравнению с 1927 годом. Краевой суд на своем пленуме утверждал объем нотариальных действий народных судей и районных нотариусов и на основании решения пленума составлял инструкцию окружным нотариатам. Такая инструкция 1928 г. предлагала перечень нотариальных действий, которые ни в коем случае не могли совершать народные судьи. Исключение составлял Сунженский округ [12, л.66–68]. Среди запрещенных действий было удостоверение сделок, хранение документов, выдача залоговых свидетельств. В то же время, в городах и селах, где не было нотариальных контор, нотариальные действия народных судей расширялись вплоть до удостоверения доверенностей для направления за границу или для людей, не живущих постоянно в этом месте.

Таким образом, после революции 1917 г. институт нотариата был фактически ликвидирован, но с приходом белых на Ставрополье продолжали действовать правила до революционного нотариата и продолжали работать прежние нотариусы. Вскоре после прихода советской власти был провозглашен курс НЭПа, который потребовал вернуть работу нотариата. В 1920-е гг. Ставропольская нотариальная контора, следуя Положениям о нотариате 1922 г. и 1926 гг., активизировала свою работу, но устоявшаяся системы нотариата еще не было.

Литература

1. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libussr.ru/> (Дата обращения: 21.09.2014).
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.121. Оп.1. Д. 118, 182, 183, 138.
3. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 120.
4. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 56.
5. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 6.
6. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 7.
7. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 84.
8. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 87.
9. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 92, 97, 135.
10. ГАСК. Ф.121. Оп.1. Д. 96.
11. ГАСК. Ф.123. Оп.1. Д. 30.
12. ГАСК. Ф.Р. 719 Оп 1. Д. 86.
13. ГАСК. Ф.Р. 719 Оп 1. Д.5.
14. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп 1. Д. 21.
15. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп 1. Д.87.
16. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 5, 21, 58, 80, 81, 86, 87, 97, 98, 114, 115, 116, 121, 117, 122, 123, 124.
17. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 58.
18. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 80.
19. ГАСК. Ф.Р. 719. Оп. 1. Д. 87.
20. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // Гражданский кодекс РСФСР – М.: Зерцало, 2002.
21. Декрет СНК от 15 мая 1925 г. «О дополнении примечанием статьи 13 Положения о государственном нотариате» // Библиотека нормативно-законодательных актов СССР. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libuassr.ru/> (Дата обращения: 21.09.2014).
22. Декреты Советской власти. Т. 5. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1971.
23. Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1957.
24. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Гос. Издат-во политической литературы, 1959.
25. Зацепина С.А. «Обратив в бумажную массу...» // Нотариальный вестник. – 1999. – № 5–6.
26. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 16 июня 1922 г. № 132.
27. Известия ВЦИК. 24.11.1922. № 266.
28. О предоставлении собственникам немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества: Постановление СНК РСФСР от 8 августа 1921 года // СУ РСФСР. – 1921. – №60.
29. Пономарев А.Ф. Из истории российского нотариата // Нотариат в России. – М.: Наука, 2001.
30. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. – М.: Политиздат, 1920.
31. Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – М., 1918.
32. Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – М., 1919.
33. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 02.06.1926. – № 35.
34. Собрание узаконений РСФСР (далее-СУ РСФСР). – 1926. – № 74.
35. СУ РСФСР. – 1917–1918 гг. – № 4.
36. СУ РСФСР. – 1918. – № 65.
37. СУ РСФСР. – 1921. – № 69.
38. СУ РСФСР. – 1922. – № 63.
39. СУ РСФСР. – 1923. – № 75.
40. СУ РСФСР. – 1924. – № 83.
41. СУ РСФСР. – 1925. – № 71.
42. СУ РСФСР. – 1925. – № 18.
43. СУ РСФСР. – 1926. – № 45.
44. СУ РСФСР. – 1927. – № 100.

УДК 94(44).083

О.Н. Захарченко

«МЕМУАРЫ КИКИ»: МОНПАРНАС 1920-Х ГГ. В ВОСПРИЯТИИ НАТУРЩИЦЫ

На основе воспоминаний модели, художницы и актрисы Алисы Эрнестины Прен, известной также как Кики с Монпарнаса, анализируется образ жизни парижского округа Монпарнас в 1920-х гг., который яв-

лялся в указанный период артистическим центром города.

Ключевые слова: богема, богемный, повседневность, художники, Монпарнас.

O.N. Zaharchenko

«KIKI'S MEMOIRS»: PARIS IN THE 1920-S SEEN BY THE MODEL

The article analyzes the everyday life of Montparnasse, an area in Paris which was the artistic center of the city in the 1920-s. The analysis is based on the memories of

a French artists' model, actress and painter Alice Ernestine Pren known as Kiki de Montparnasse.

Key words: Bohemia, Bohemian, everyday life, artists, Montparnasse.

«Мемуары Кики» являются ярким и интересным источником для изучения богемного Монпарнаса после Первой мировой войны и до конца 1920-х гг. Понятие «богема», «богемный» Кики ни разу не упоминает в своих воспоминаниях. Тем не менее, мы можем характеризовать тот образ жизни, который вела Кики, и ту среду, в которой она вращалась, именно как Богему.

Попытка определить богему и ее представителей является сложной, потому что прилагательное «богемный» распространяется на очень большое количество различных и иногда противоречивых образов жизни, групп и индивидуальностей. Общим для всех является стремление к одному центру, сосредоточением которого являются люди, занимающиеся созданием произведений искусства [1]. Главной характеристикой богемы является эксцентричный и не конвенциональный образ жизни. Кики является ярким тому подтверждением.

«Мемуары Кики», известной натурщицы, певицы, актрисы и художницы являются ярким памятником эпохи, завершившей период, который можно назвать самым «богемным» в истории культуры. Мемуары тесным образом связаны с Монпарнасом – районом Парижа, который являлся после Первой мировой войны центром артистической

жизни города. Эпоха Монпарнаса сменила эпоху Монмартра, главенствующую с конца XIX века вплоть до Первой мировой войны.

Мемуары были написаны в 1929 г., когда Кики было всего 28 лет. «Мемуары Кики» представляют собой не только интересный источник, но также и талантливое литературное произведение. По мнению Эрнеста Хемингуэя, автора предисловия к мемуарам, а также современника Кики, их обязательно следует прочитать [2, с. 9]. В то же время мемуары изобилуют жаргонными словами, описанием сексуального опыта героини, употребления наркотиков и алкоголя. Именно поэтому мемуары, переведенные на английский язык в 1930 г., долгое время не публиковали в США, а экземпляры, заказанные из Парижа, были конфискованы таможней [3].

Несколько слов об авторе мемуаров – «королеве Монпарнаса» – Кики. Кики, настоящее имя которой было Алиса Эрнестина Прен, родилась в Бургундии в 1901 г. Воспитывалась она бабушкой до 12 лет. После чего отправилась к матери в Париж. В Париже она некоторое время посещала школу, но достигнув 13-летнего возраста, отправилась на первую из вереницы постоянно сменяемых работ. После того как в очередной раз она осталась без работы, Кики пробует себя в качестве натурщицы

и после этого её связь с миром искусства становится крепкой и не прерывается до конца жизни. Алиса Эрнестина Прен скончалась в Париже в 1953 г.

Мемуары Кики представляют собой ценный источник для изучения той атмосферы, которая царила на Монпарнасе в 1920-е гг. Ещё в предисловие Эрнест Хемингуэй замечает, что к тому моменту как мемуары были завершены, район изменил свой облик [2, с. 8]. Как и Монмартр в предшествующие десятилетия, Монпарнас превратился из артистического центра в туристическое место, он потерял свой неповторимый дух, став слишком популярным.

Занятие женщинами такими профессиями как художница, певица или актриса воспринимались в обществе как непочтительные и не достойные добропорядочных женщин. Например, решение Мари Кассат, американской художницы, примкнувшей к импрессионистам и работавшей всю жизнь в Париже, заняться живописью профессионально натолкнулось на резкое неприятие такого выбора её отцом. Женщинам позволялось и даже приветствовалось заниматься рукоделием, рисованием, уметь петь и музицировать, но только в качестве увлечения, но не профессии.

С большими сложностями социального характера сталкивались женщины среднего класса или аристократии, т. к. для них профессия художника или писателя влекла понижение статуса или даже разрыв с привычным кругом. Они могли обрести относительную свободу самовыражения именно в богеме, но для этого им приходилось жертвовать своим социальным положением. Что касается женщин из более низких социальных слоёв, то присоединение к богеме для них было скорее ступенькой вверх, нежели вниз.

Кики хотела попасть в артистический круг, присоединиться к нему, стать его частью. В мемуарах она часто упоминает, что важным критерием, по которому она оценивала мужчин и вступала с ними в отношения, была их принадлежность к миру искусства. Они казались ей наиболее интересными и привлекательными: «Он мне очень нравится, особенно после того, как моя подруга предполагает, что он актёр»

[2, с. 37], «такой мог быть только поэтом, художником или актёром. Помимо этих трёх профессий, ни один смертный не вызывал у меня интереса» [2, с. 146].

Работа натурщицы, с которой началось знакомство Кики с миром искусства, воспринималась очень отрицательно и считалась непристойной, близкой к проституции. После того как Кики впервые стала позировать скульптору, её мать устроила скандал в его мастерской и после того, как Кики отказалась последовать за ней, прекратила отношения с дочерью, считая её поведение крайне неприличным [2, с. 35]. После этого случая Кики продолжала позировать для разных художников, скульпторов, фотографов. Она работала с такими известными художниками как Моисей Кислинг, Жюль Паскин, Хаим Сутин и многие другие. Кроме того, Кики была не только музой, но и создателем. Она занималась живописью, снималась в кино, прекрасно пела. В 1927 г. состоялась выставка её картин, которая пользовалась большим успехом [3].

Кики можно по праву считать богемной женщиной. Она вела образ жизни, совершенно не похожий на буржуазный. Она происходила из бедной семьи и с ранних лет сама зарабатывала себе на жизнь. Очень рано она вошла в артистическую среду и с тех пор её жизнь неразрывно связана с миром искусства. Она была не только популярна на Монпарнасе, но и известна по всему Парижу. Э. Хемингуэй писал, что «она, безусловно, царила в той эпохе Монпарнаса куда заметней, чем Королева Виктория в эпохе викторианской» [2, с. 8].

Богемный образ жизни характеризуется более свободным отношением к взаимоотношениям между полами. Люди творческих профессий не всегда охотно вступали в брак. Между ними часто существовали длительные неоформленные союзы, сожительства. Например, известная натурщица и художница Сюзанна Валадон, мать знаменитого монмартрского художника Мориса Утрилло, вступила в брак с художником Андре Уттером, ровесником её сына. Долгое время они проживали втроём, занимаясь живописью в мастерской Сюзанны.

Кики полностью соответствовала данной характеристике. Она совершенно свободно описывает свой первый сексуальный опыт, а также интимные отношения с многочисленными любовниками. Например, Кики имела романтические связи с художниками Хаимом Сутиным, Морисом Менджинским, Иваном Мозжухиным и другими, но ни с кем из них не вступала в официальный брак. Она позировала обнажённой для многих картин, а также серий фотографий, одну из которых, например, сделал известный американский фотограф Ман Рей в 1920-е гг. в Париже. Кроме фотографий, Кики с Маном Реем связывали любовные отношения, длившиеся около 8 лет.

Слова богема часто ассоциируется с весельем, бесконечными дебошами в кафе и ресторанах, распитием алкогольных напитков, употреблением наркотиков. Кики рассказывает, что на Монпарнасе всегда можно было найти развлечение по душе. Там располагались танцевальные залы «Бал де ла Орд», «Бал Рюс», «Бал Судуа» и многие другие заведения: «на Монпарнасе достаточно много танцевальных мест и очень часто я посещаю каждое из них несколько раз за ночь» [2, с. 129]. Кроме того, можно было посетить кинотеатры «4 колонны» или «Бобино». Кики вспоминает знаменитые вечеринки, которые устраивали Фуджита и Жюль Паскин. На них часто собиралось до пятидесяти человек, среди них многие известные поэты, художники, а также «модели всех сортов».

Излюбленными местами артистической публики были кафе и рестораны. На Монпарнасе располагались такие заведения как «Джигиты», «Куполь», «Дом». Но самым известным, пожалуй, был ресторан «Ротонда». Владелец ресторана был человек, имя которого сохранилось во многих мемуарах, – папаша Либион. Кики повествует, как сильно ей хотелось попасть в залы рестораны, где собиралась артистическая публика: «я сходила с ума из-за невозможности пройти в зал, где проводили время художники, писатели и все остальные. Там бывали все политики мира, которые, казалось, всё время готовили революцию»

[2, с. 152]. После того как она наконец-то приобрела шляпку, без которой вход в кафе для женщин был запрещён, папаша Либион позволил ей пройти в залы. «Ротонда» представляла собой весь Монпарнас в миниатюре: «здесь собрался весь мир. Здесь было ярко и музыкально» [2, с. 156].

Богема представляло собой интернациональный коктейль. Она формировалась из деятелей искусства и их попутчиков из разных точек земного шара. Кики подтверждает это неоднократно: «Здесь разбили палатки люди со всего света и, тем не менее, все живут одной дружной семьёй» [2, с. 125]. По числу языков, звучавших на Монпарнасе, она сравнивала район со школой Берлица, одной из популярных языковых школ города того времени.

«Праздник, который всегда с тобой» имел и оборотную сторону, которая была не такой радужной. Кики часто подчёркивает нищету, лишения, горечь разочарования, с которыми регулярно сталкивались молодые художники, литературы, ещё не снискавшие славы и богатства. Первая встреча Кики с Хаимом Сутиным состоялась в его мастерской, куда Кики пришла вместе с подругой. Как и многие другие, Сутин проживал в комнате, обстановка которой была далека от комфортной: «мы зашли в квартиру, в которой было чуть теплее, чем снаружи, и Сутин провёл ночь, сжигая в камине всё, что мог, чтобы нам было тепло» [2, с. 55]. Кики описывает как художников кормила за рисунки владелица небольшого заведения «У Розали», или как они часто воровали хлеб у папаши Либиона.

В то же время в мемуарах Кики заявляет, что бедность компенсировалась хорошей компанией «я была настолько счастлива, что от нищеты не оставалось даже осадка, и слова брюзгливость, меланхолия и хандра казались мне неведомо иностранными и совершенно меня не касались» [2, с. 61]. Идеализация бедного существования и некоммерческого искусства, ценность творчества как главной составляющей жизни также является одной из основных характеристик богемного мировоззрения. Искусство стало не только модой, но своего рода идеологией [1, с. 92].

Богема являет собой коллективное явление. Она проникнута чувством сопричастности, общего взаимодействия, стремления к объединению [1, с. 103]. С того момента как Кики присоединилась к артистическому миру, когда она вошла в залы «Ротонды», её повествование наполняется положительными нотками. По её словам, с того момента, как художники удочерили её, её жизнь стала гораздо интереснее и значительнее «Я нашла свою родную среду! Художники удочерили меня. Конец печали» [2, с. 156].

Таким образом, «Мемуары Кики» рисуют нам яркую и в то же время противоречивую картину жизни парижского округа Монпарнас после Первой мировой войны и до конца 1920-х гг. Мемуары были написаны, когда автору было всего 28 лет и касались они не столько её прошлого, сколько настоящего. Монпарнас предстал перед нами как центр артистической жизни Парижа и именно таким Кики запечатлела его в своих воспоминаниях.

Литература

1. Гузенина С. В., Фёдоров И. А. Богема: эстетика ухода. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011.
2. Мемуары Кики / Предисл. Э. Хемингуэя и Фуджиты. – Salamandra P. V. V., 2011.
3. Blume M. Kiki of Montparnasse is brought back to life // The New York Times. – 12 June. – 1999.

УДК 94(47).066,94(47).072

В.А. Колесников

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБУСТРОЙСТВЕ СТАНИЦ КУБАНСКОГО ЛИНЕЙНОГО ПОЛКА В 1794–1804 гг.

Статья посвящена слабо изученным аспектам ранней истории станиц Кубанского линейного полка в течение первых десяти лет его существования на новой кавказской границе. На основе данных архивных и опубликованных материалов, автор исследует конфессиональные особенности переселенцев, статистическую сторону их миграций, максимально кон-

кретизирует первый офицерский состав полка, т. е. глубже раскрывает те проблемы, которые не были разрешены предшествующей имперской и советской региональной историографией.

Ключевые слова: Кубанский линейный казачий полк, Войско Донское, Кавказская линия, конфессиональные особенности, офицерский состав.

V.A. Kolesnikov

THE ORIGINAL ARRANGEMENT OF COSSACK VILLAGES OF KUBAN LINE REGIMENT IN 1794–1804

Article is devoted to insufficiently studied aspects of the early history of Cossack villages of Cuban line regiment during the first ten years of its service on the new Caucasian border. On the basis of archival and published documents, the author studies the religious features of migrants, the statistics of their migrations and describes the

first officers' staff of the Cuban regiment. The author offers solutions to the research problems that have not been resolved by the previous imperial and Soviet regional historiography.

Key words: Cuban line Cossack regiment, Don Cossack Army, Caucasian border, confessional peculiarities, officers' staff.

Прошлое 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала, Великого князя Михаила Николаевича полка (а именно так столь тор-

жественно и витиевато звучало название одного из старейших казачьих формирований Кубанского войска накануне грандиоз-

ных потрясений 1917 г.) имеет достаточно зримую имперскую историографию. О переселении мятежных донцов, основавших на Кавказе новые станицы, вошедшие в состав полка, упоминали уже авторы начала XIX в. [11; с. 21], а факты об этом обнаруживались в известных справочных изданиях эпохи [1; с. 22]. Достаточно подробно была описана военная служба офицеров и казаков в годы Кавказской войны и участие представителей полка в последующих кампаниях Российской империи [14; с. 23]. Имели место и глубокие работы, посвящавшиеся отдельным полковым поселениям как, например, вдохновенное сочинение войскового старшины А.Д. Ламонова о своей родной станице Кавказской [15].

Вместе с тем в ранней полковой истории еще остается целый ряд слабоизученных сюжетов, являющихся следствием того, что предшественники, как правило, обращались к опубликованным материалам и документам Кубанского войскового архива [1], не беря во внимание наследие, сохранившееся в прочих архивохранилищах страны. Как исключение, можно выделить лаконичную, но, тем не менее, информативную статью ученого-казаковеда П.Л. Юдина, увидевшую свет в 1914 г. и написанную с опорой на сведения, обнаруженные в Астраханском губернском архиве [30], в которой оказались отображены, безусловно, не все аспекты жизни станиц Кубанского полка в первые годы их существования на Кавказской линии.

Подчеркнем, что и современная региональная наука не склонна к поиску новых первоисточников, относящихся к проблеме и довольствуется либо пересказом трудов признанных корифеев (прежде всего – Е.Д. Фелицына и Ф.А. Щербины [24; 27], либо достаточно свободной интерпретацией некогда происходивших событий вне какой-либо связи с документами. Так, например, в энциклопедиях, изданных в Краснодаре за истекшее 20-летие, можно обнаружить утверждение, что станицы Кубанского полка поселялись в июне-июле 1794 г. [28; 29]. В известной хронологии

кубанской истории имперского библиографа В.С. Шамрая указывалось, что донских казаков водворили на Линии в августе-сентябре 1794 г. [26, с. 34–35]. Вместе с тем, из содержания переписки разного ранга администраторов Кавказской линии, сохранившейся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, явствует, что первые партии донцов водворились на Кубани в июле 1794 г., положив начало будущим Усть-Лабинской, Кавказской и Темнолесской станицам, причем к Темнолесскому ретраншементу, как точнее удалось установить, переселенцы прибыли 18 июля [20, л.28].

Последние три партии назначенных к поселению казаков оказались размещены: при крепости Прочный окоп 29 июля, а при Григориполисском укреплении и ретраншементе Воровсколесском – в самых первых числах августа [20, л. 30–37]. К настоящему моменту пока не сложилась единая точка зрения на численность и происхождение самих донских поселенцев Кавказской линии и на этот счет обнаруживаются самые разноречивые суждения. Так, в частности, в «Кратком очерке заселения ...» Е.Д. Фелицына указывается, что в Усть-Лабинской и Кавказской станицах разместили по 300 семей, в Воровсколесской – 100, а в Прочноокопской, Григориполисской и Темнолесской станицах – по 150 семей донцов [24, с. 19]. Знаток своей родной ст. Кавказской А.Д. Ламонов, основываясь на рассказах старожилов, полагал, что донские казаки прибыли на место будущей станицы в 2-х партиях: 150 семей в 1794 г. и 75 семей – годом позднее [18, с. 475]. На страницах известного регионального печатного органа – газеты «Кубанские областные ведомости» – можно прочесть, что, например, ст. Прочноокопскую основали выходцы из Есауловской, Нижне-Чирской и Пятиизбянской станиц [12], а в ст. Темнолесскую переселили донцов исключительно из ст. Цимлянской [13].

Следует подчеркнуть, что в Именном Указе Екатерины II, адресованном генерал-аншефу И.В. Гудовичу, относительно поселения на Линии казаков Войска Дон-

ского, предписывалось в каждой новой станции водворить не менее 200-ти семей, «... да в Усть-Лабинской 400» [19, № 17025], однако итоговая статистика, равно как и происхождение самих первопоселенцев, несколько рознится с повелением Высочай-

шего рескрипта и вышеприведенными свидетельствами. Согласно документам РГВИА, семьи донских казаков летом 1794 г. оказались распределены на Кавказской линии (на Кубани и близ неё) следующим образом (таблица 1) [23, л. 235–236].

Таблица 1

**Перечневая ведомость о числе отправленных в 1794 г. на Кавказскую линию
для поселения в шести партиях казачьих семей Войска Донского**

в какое место и от каких станиц назначено	кол-во семей	в них душ обоего пола		Всего
		м.п.	ж.п.	
к Темнолесскому ретраншементу				
из ст. Есауловской	150	350	344	694
к Кавказской крепости				
из ст. Пятиизбанской	1	3	2	5
из ст. Кобылянской	58	150	122	272
из ст. Верхне-Чирской	113	237	243	480
из ст. Бесергеновской	10	27	20	47
из ст. Мелеховской	10	15	14	29
из ст. Трехостровянской	8	18	17	35
Итого	200	450	418	868
к Усть-Лабинской крепости				
из ст. Нижне-Чирской	163	452	417	875
из ст. Каменской	7	16	14	30
из ст. Нижне-Кундрюченской	2	5	2	7
из ст. Нагавской	13	24	26	26
из ст. Пятиизбянской	1	1	1	2
из ст. Голубинской	9	18	14	32
из ст. Нижне- Каргальской	5	9	8	35
Итого	200	525	482	1007
к Прочному окопу				
из ст. Пятиизбянской	135	342	327	669
из ст. Есауловской	15	51	52	103
из ст. Глазуновской	37	94	83	177
из ст. Сиротинской	5	6	10	16
из ст. Заполянской	5	11	12	23
из ст. Малодельской	3	8	4	12
Итого	200	512	488	1 000
к Воровскому лесу				
из ст. Михайловской	44	89	95	184
из ст. Алексеевской	7	14	13	27
из ст. Яменской	4	5	5	10

в какое место и от каких станиц назначено	кол-во семей	в них душ обоего пола		Всего
		м.п.	ж.п.	
из ст. Лукьяновской	3	6	7	13
из ст. Карповской	7	14	16	30
из ст. Мартыновской	3	5	4	9
из ст. Дурновской	3	8	7	15
из ст. Ярыженской	8	20	21	41
из ст. Черновской	3	8	6	14
из ст. Березовской	4	8	6	14
из ст. Филоновской	9	20	19	39
из ст. Добренской	5	10	9	19
Итого	100	207	208	415
к крепости Григорий Полису				
Мигулинской	22	57	43	100
Кумылженской	7	15	13	28
Слащевской	6	11	12	23
Федосеевской	6	17	12	29
Зотовской	5	12	7	19
Арженовской	3	6	5	11
Усть-Бузулуцкой	4	10	14	24
Акишевской	4	11	8	19
Тишанской	5	7	6	13
Бурацкой	4	7	9	16
Правоторовской	4	10	5	15
Луковской	4	9	10	19
Тепикинской	5	9	11	20
Бесплеменовской	3	10	11	21
Левыкинской	3	9	9	18
Урюпинской	5	19	14	33
Котовской	4	9	10	19
Етеревской	6	18	15	33
Раздорской	5	17	15	32
Скуришенской	20	48	46	94
Кепенской	4	10	8	18
Арчадинской	9	25	22	47
Орловской	5	17	18	35
Малодельской	1	2	3	5
Березовской	4	12	7	19
Цымлянской	2	3	4	7
Итого	150	380	337	717
Всего	1000	2 424	2 277	4 701

К числу недостаточно изученных сюжетов ранней истории Кубанского линейного полка, несомненно, относится вопрос о церковном обустройстве его станиц. Признанный знаток прошлого региона Ф. А. Щербина указывал на этот счет: «Духовного сословия как бы не было совсем у казаков. Последнее объяснялось тем, что на Кубань переведены были исключительно раскольники, а раскол как нежелательная правительству секта, преследовался. Духовные потребности массы поэтому удовлетворялись скрытно и тщательно охранялись от посторонних глаз [31, с. 700]». Вышеприведенное утверждение имперского ученого, вместе с тем, лишь отчасти соответствует истине, поскольку обнаруженные (прежде всего, в Государственном архиве Астраханской области) документы позволяют по-иному интерпретировать данную проблему.

Действительно, с Дона на Кавказскую линию переселили немало старообрядцев, но они большей своей частью осели в станицах Прочноокопской и Кавказской (в последней, например, по данным 1802 г., на 114 дворов раскольников приходилось 27 дворов православных, 4 двора беспоповцев и 6 дворов молокан) [3, л.25]. В таких полковых поселениях как Усть-Лабинская, Григориполисская и Темнолесская сложилась обратная ситуация, когда ортодоксально верующие заметно преобладали над староверами и сектантами, соответственно (по тем же сведениям 1802 г.), в первом случае 158 дворов православных против 84-х дворов, 131 двор и 14 дворов, 120 дворов и 30 дворов соответственно. Что касается последней из станиц, Воровсколесской, то в ней изначально не оказалось ни старообрядцев, ни последователей других течений.

В станицы с православным большинством представители ортодоксального клира стали назначаться уже в конце XVIII в., и, например, в Григориполисской, согласно информации за июль 1797 г., служил священник Ермолай Кириллов [4, л.1]. Даже в поголовно старообрядческую

ст. Прочноокопскую, ставшую впоследствии признанным центром раскола на Кубани, в 1801 г. определили священника Федора Никитина из Рязанской губернии, а спустя два года – братьев Николая и Сергея Зайцевых в качестве дьячка и пономаря [4, л.48 об.]. В соответствие со сложившейся конфессиональной ситуацией, осуществлялось и само храмовое строительство, и, как вытекает из архивных дел и статьи П. Л. Юдина, первую Михаило-Архангельскую церковь возвели в ст. Темнолесской в 1799 г., через год стала действовать Покровская церковь в ст. Григориполисской и позднее, в 1809 г., выстроили Николаевскую церковь в ст. Усть-Лабинской [30; 3, л.23 об, 24, 144 об.]. В самой малочисленной по количеству жителей ст. Воровсколесской (в 1802 г. здесь значился всего 91 двор православных), к тому же в 1807 г. претерпевшей жестокое разорение от горцев, прихожане довольствовались лишь молитвенным домом вплоть до переселения всей станицы на верхнюю Кубань в 1825–1826 гг. [2, л.16–593]. Постройка церквей в старообрядческих Прочноокопской и Кавказской станицах стала делом более отдаленной перспективы, уже с 40-х гг. XIX в., осуществившейся благодаря не «тщанию прихожан», а усилиям полкового командования [8, л.449, 465].

Как известно, сам Кубанский полк был сформирован из переселенных донцов 1 марта 1796 г., имея в своем штате командира, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, полковых квартирмейстера и писаря, 30 пятидесятников и 500 казаков [25], однако помимо фамилий его первых командиров, в опубликованных на сегодняшний день работах имперского периода, нет ни строчки о первом офицерском составе этого формирования. Восполнить образовавшуюся лакуну позволяет информация, выявленная в федеральном и региональном архивах страны (таблица 2) [20, л.3–10; 18, л.285, 271–271 об, 421, 433; 7, л.19–20; 9, л.1; 10, л.1; 5, л.1; 6, л.1].

Таблица 2

Офицеры Кубанского линейного полка в 1799 г.

№ п/п	воинское звание	имя, фамилия, отчество	социальное происхождение	местожительство
1.	есаул, полковой командир	Никита Тимофеевич Потапов	из обер-офицерских детей Хоперского полка	ст. Темнолесская
2.	есаул	Гавриил Еремеевич Иноземцев	из казачьих детей Хоперского полка	ст. Григориполисская
3.	есаул	Савва Игнатьевич Данилов	из казачьих детей Войска Донского	ст. Кавказская
4.	есаул	Никита Иванович Григоренков	из старшинских детей Хоперского полка	ст. Усть-Лабинская
5.	есаул	Никифор Тимофеевич Потапов	из обер-офицерских детей Хоперского полка	ст. Прочноокопская
6.	сотник	Иван Михайлович Мрыхин	из казачьих детей Войска Донского	ст. Григориполисская
7.	сотник	Иван Степанович Акользин	из казачьих детей Войска Донского	ст. Усть-Лабинская
8.	сотник	Казьма Кондратьевич Краснополов	из казачьих детей Войска Донского	ст. Воровсколесская
9.	сотник	Федор Филиппович Данилов	из казачьих детей Войска Донского	ст. Усть-Лабинская
10.	сотник	Филипп Иванович Казаков	из казачьих детей Войска Донского	ст. Прочноокопская
11.	хорунжий	Никита Максимович Усачев	из казачьих детей Войска Донского	ст. Темнолесская
12.	хорунжий	Родион Аввакумович Попойкин	из казачьих детей Войска Донского	ст. Прочноокопская
13.	хорунжий	Иван Никифорович Пономарев	из казачьих детей Войска Донского	ст. Кавказская
14.	хорунжий	Семен Семенович Власов	из казачьих детей Войска Донского	ст. Усть-Лабинская
15.	хорунжий	Филипп Ермолаевич Бирюков	из казачьих детей Войска Донского	ст. Прочноокопская
16.	полковой квартирмейстер	Бежан Степанович Кикнадзе (Игнатцев)	из имеретинских [II] дворян	ст. Темнолесская

Примечания:

- I. В настоящее время – Государственный архив Краснодарского края.
- II. Имеретия – историческая область в Западной Грузии.

Литература

1. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 6. Кн. 21. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1842.
2. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.599. Оп.1. Д.63.
3. ГААО. Ф.599. Оп.2. Д.1177.
4. ГААО. Ф.599. Оп.2. Д.6829.

5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.105. Оп.1. Д.1162.
6. ГАСК. Ф.105. Оп.1. Д.1441.
7. ГАСК. Ф.1305. Оп.1. Д.12.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.410.
9. ГАСК. Ф.459. Оп.2. Д.1785
10. ГАСК. Ф.459. Оп.2. Д.1786.
11. Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах: 1816–1826. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829.
12. Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). – 1888. – № 20.
13. КОВ. – 1896. – № 250.
14. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего полка (ныне 2-я бригада) // Кубанские войсковые ведомости. – 1868. – № 18, 19.
15. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1914. Т. XIX.
16. Полное собрание законов Российской империи / под ред. М. М. Сперанского: в 45-ти т.: 1-е собр. – СПб.: Тип. Кубан. обл. правления, 1830. Т. XXIII.
17. Российский государственный военно-исторический архив. (далее – РГВИА). Ф.13454. Оп.1. Д.26.
18. РГВИА. Ф.14877. Оп.1. Д.182.
19. РГВИА. Ф.41. Оп. 1/199. Д.203.
20. РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3144.
21. Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. – СПб.: Вольное Экономическое Общество, 1809.
22. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и проч. Сбран Афанасием Щекатовым. Часть вторая. – М.: Вольная Типография Федора Любия, 1804.
23. Толстов В. Г. Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска. 1732–1912. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1912.
24. Фелицын Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1884–1885. – Т. VIII.
25. Фелицын Е. Д. Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. – 1897. – № 58.
26. Шамрай В. С. Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1911. Т.16.
27. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Печатник, 1913. Репринтное изд. – Краснодар: Советская Кубань, 1992. Т. 1.
28. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / научн. ред. Б. А. Трехбратов. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1997.
29. Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: Традиция, 2011.
30. Юдин П. Л. Кубанский полк при первом поселении // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ: Терское о-во любителей казачьей старины, 1914. – № 9.

УДК 94(47).047

Д.А. Ляпин

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В РОССИИ В 1648–1650 ГГ.: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена народным волнениям в России в 1648–1650 гг. Автор обобщает накопленные результаты своих исследований народных волнений. В статье рассматриваются наиболее актуальные вопросы, связанные с данной проблемой,

такие как хронология, социальный состав, география, понятийный аппарат.

Ключевые слова: народные волнения, бунт, мятеж, «городские восстания», абсолютизм.

D.A. Lyapin

POPULAR UNREST IN RUSSIA IN 1648–1650: CURRENT RESEARCH QUESTIONS

The article is devoted to social unrest in Russia in 1648–1650, the Author makes the generalization of the accumulated results of their research unrest. He discusses the most

relevant aspects of this problem: history, social structure, geography, the conceptual apparatus.

Key words: riots, rebellion, mutiny, «urban uprising», absolutism.

В современной российской историографии народные волнения середины XVII века еще не получили достаточно объективной оценки. В данной статье нам бы хотелось сделать обобщение накопленных нами результатов исследований народных волнений, частично апробированных в журнальных статьях. Прежде всего, мы остановимся на наиболее актуальных вопросах этой проблемы: хронология, социальный состав, география, понятийный аппарат.

Историография нашей проблемы связана, главным образом с современным этапом. Скучная историографическая традиция изучения народных волнений середины XVII в., с сильным перекосом в сторону восстания в Москве в июне 1648 г., рассматривалась нами ранее [7; 8].

В целом следует обратить внимание на отсутствие объемных исследований народных волнений 1648–1650 гг. в отечественной и зарубежной историографии. Особенно заметен спад интереса к этой проблеме в последние двадцать лет. Причиной этому является значительная идеологизация этой темы в годы советской власти. Обе тенденции (отсутствие должного внимания исторической науки последних лет и советская идеологиза-

ция) отрицательно сказались на понимании тех важных процессов, которые происходили в русском обществе на протяжении всего XVII в. Без внимательного и объективного изучения волнений в русских городах у нас никогда не будет верного восприятия важнейших социально-политических изменений, протекавших в русском обществе XVII века.

В историографическом плане следует также обратить внимание на лакуну, образовавшуюся сегодня в отечественной историографии. Еще в 1988 г. вышла книга Н.Н. Покровского о волнениях в Томске в 1648–1649 гг. [9]. Мятеж в Пскове в 1650 г. затрагивался В.А. Аракчеевым в работе, изданной в 2003 г. [1]. В 2012 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 г.: причины, ход событий, итоги», автором которой является Е.В. Градобойнова [3]. Эти исследования выполнены на добротном научном уровне и помогают понять региональную специфику событий. Они посвящены трем из пяти основных регионов (кроме Москвы), где в 1648–1650 гг. вспыхнули волнения: Томску, Новгороду и Пскову.

Итак, остановимся на проблеме хронологии и географии бунтов. Безусловно, бунты, как общее явление, связаны с собы-

тиями в Москве в июне 1648 г. Именно с этого момента следует начинать описание волнений в городах как единого процесса. Последним годом, в который волнения завершились, стал 1650. Именно в это время состоялся т.н. «Собор примирения», где участвовали жители Пскова. В этом же году правительство начинает активную политику по «замирению», рекомендуя воеводам учитывать мнение местного общества. Например, в наказе воронежскому воеводе В. Еропкину читаем: «Людям обид, и насильств, и никаких налог не делать...» [10, л.33]. В указе к другому воронежскому воеводе кн. В.П. Кропоткину стояло требование держать «ласку и привет добрый и расправу меж ими делать по нашему указу и по Соборному уложению, в правду». За различные притеснения воронежцам, «посулы и поминки», несправедливый суд, воеводе грозила «великая» опала и наказание: «велим на тебе доправить все сполна» [11, л.114–115 об.; 12, л.34–35].

Внутренняя политика правительства стала более конкретной и последовательной, начинается рассылка копий Соборного Уложения в города. А, главное, крупные народные волнения, связанные с антиправительственными выступлениями, в 1650 г. прекратились.

Итак, в 1648–1650 гг. в нескольких крупных городах России вспыхнули бунты против местной власти. Впрочем, острая социально-политическая борьба развернулась в некоторых городах еще в начале 1640-х гг. После того, как к власти пришло в 1645 г. правительство Б.И. Морозова – воспитателя молодого царя Алексея, недовольство в городах пограничья стало принимать форму массовых жалоб в Москву и различных интриг местного уровня, которые увеличивались параллельно росту повинностей и налогов. В июне 1648 г. в Москве произошло открытое выступление против правительства Б.И. Морозова, и эти события стали сигналом и примером для пяти городов Юга России (Воронеж, Курск, Козлов, Челнавский острог, Сокольск), Томска – в Сибири, а также – для двух городов на Севере

(Устюг, Сольвычегодская). В одном из крупнейших городов Юга, Ельце, волнения начались в 1647 г. и не были связаны с московскими событиями июня 1648 г. В 1649 г. волнения охватили еще несколько городов Юга (Добрый, Ливны, Лебедянь), а также продолжился мятеж в Томске. Наконец, в 1650 г. крупное народное выступление случилось в Пскове, небольшие волнения прошли также в Новгороде. В этом же году продолжились волнения на южном пограничье, теперь они охватили и город Усмань.

Социально-политическая борьба происходила во многих городах России, конфликты местного уровня были обычным явлением жизни провинциального города. Однако не все эти конфликты должны быть отнесены к перечню народных волнений 1648–1650 гг. На наш взгляд в список «мятежных городов» следует относить только соответствующие следующим критериям: 1. Связь с событиями в Москве в июне 1648 г. (Воронеж, Курск, Козлов, Челнавский острог, Сокольск, Устюг, Сольвычегодская); 2. Попытка отстранения от власти воеводы под предлогом его предательства, измены или некомпетентности (Добрый, Ливны, Лебедянь, Усмань, Томск, Псков, Новгород).

Только Елец не входит в эти критерии, и поэтому события здесь не следует рассматривать как составную часть общих волнений в России в этот период. Мятежников в различных регионах объединяла также ненависть к правительству Б.И. Морозова, и поэтому волнения были попыткой демонстрации своего отношения к политической ситуации, сложившейся в Москве. В этом отношении события 1648–1650 гг. оказали большое влияние на политический курс правительства, сделали правительство более внимательным к нуждам местного общества.

Большинство городов, где случились волнения, были типичными военными крепостями, и поэтому социальный состав выступавших был представлен, прежде всего, служилым населением. Только в Устюге и Сольвычегодской основную массу бунтовщиков составляли посадские люди, значитель-

ное число их было и в Пскове. Социальный состав участников определил в некоторых городах ход событий. В Томске, Пскове, Усмани и Сокольске населению удалось полностью отстранить воеводу от власти и взять ситуацию под контроль. В других городах воевода сам покидал место службы, и население, пользуясь этим, захватывало власть (Козлов, Челнавский острог). В других случаях бунтовщики не стремились захватить власть, демонстрируя свое отношение к правительству Б.И. Морозова другим способом: устраивался пьяный разгул, погромы и грабеж. Сам факт того, что местное служилое общество, которое было подчинено армейской дисциплине и находилось на военном положении, осмелилось пойти на открытый бунт, заслуживает внимания.

Большие перспективы имеет изучение событий на Юге России. Здесь волнения охватили не один или два города, как в других регионах, а сразу десять. По числу участников, вовлеченных в волнения, общей протяженности событий и последствиям Юг России занимает первое место среди других регионов. Здесь, также как и в Пскове, не обошлось без жертв, и также, как в отдаленном Тобольске, в некоторых городах воевода был силой отстранен обществом от управления. В этой связи события в регионе были наиболее показательными.

Следует также отметить, что массовых волнений такого масштаба в стране не было со времен Смуты начала XVII в. За этот период выросло новое поколение людей, не имевших опыта участия в открытых антиправительственных выступлениях и уже вполне привыкшее находиться под скипетром династии Романовых. Тем не менее, бунты произошли, и ни военная дисциплина, ни отсутствие опыта политической борьбы не стали препятствием для массовых выступлений.

Сегодня мы должны решительно отказаться от понятий «соляной бунт» и «городские восстания». Эти закрепившиеся в учебной и научно-популярной литературе термины не отвечают сущности явлений и искажают их смысл.

Начиная с XIX в., в историографии до наших дней бытует понятие «соляной бунт». Сущность этого мифического термина заключается в том, что причиной волнений, якобы, стал налог на соль. Очевидно, что участники волнений 1648 г. в Москве никогда не называли подобной причины в личных разговорах (известных по сохранившимся «сказкам») и в своем главном документе – большой челобитной от 2 июня 1648 г. Молчание восставших по поводу соли понятно, ведь налог на соль был отменен за год до этого и был уже не актуален. Тем не менее, это странное определение – «соляной бунт», оставаясь никем не доказанным, постоянно фигурирует в учебной литературе, имеющей соответствующие грифы [4–6].

Нет необходимости показывать корни происхождения термина «городские восстания», он возник также, как и термин «крестьянская война», которым в советской историографии называли Смутное время. Эти штампы были введены в оборот в 1930-е годы, и хотя долго не могли устояться, все же закрепились, и весьма надежно, в 1960-е годы. Современные российские историки давно не называют Смуту «крестьянской войной», однако пересмотр такого же идеологизированного понятия как «городские восстания» не произошел. Это связано с тем, что Смутное время, в силу различных причин, изучается последние годы очень подробно, чего нельзя сказать о событиях 1648 г.

Конечно, термин «городские восстания», введенный в научный оборот и основанный на классовом подходе, сегодня не может быть признан полностью объективным. Ведь восстанием называют массовые открытые выступления против действующей власти с целью ее замены при условии сохранения существующего общественно-политического строя (в противном случае речь идет о революции). Очевидно, что у мятежников не было никаких программ и планов свержения верховного носителя власти – царя Алексея, не шла речь и о его замене.

Однако случившиеся события можно считать восстаниями только с большими оговорками, ведь бунт был направлен про-

тив правительства Б.И. Морозова. Несомненно, влиятельный царедворец реально управлял страной, но высшая власть была сосредоточена в руках Алексея Михайловича, и все, что происходило в стране, совершалось по воле царя. Напротив, сам государь вполне благоволил политическим тенденциям, способствовавшим волнениям. Разговоры о том, что «Морозов у государя царство отнял», были только слухами (хотя и основанными на многочисленных фактах огромного влияния боярина на молодого царя), свидетельствующими о непонимании в народной среде истинного положения дел в Кремле. Более того, часто бунтовщики, которые находились далеко от Москвы и совсем уж далеко от истинного положения вещей, выступали именем царя, считая, что действуют в его интересах.

Неудачен и термин «городские», ведь среди сотен русских городов более-менее реальные волнения зафиксированы всего в нескольких (кроме 10 городов южного пограничья, это Москва, Устюг, Соль Вычегодская, Томск, Псков и Новгород).

Рассуждая о том, как следует называть события 1648 г., не лишним будет обратиться к сведениям очевидцев происходящего, а между тем русские люди называли «городские восстания» термином «смута» или «мятеж» [2, с. 104]. Слово «мятеж» – общеславянское и обозначало в русском языке «приводить в беспорядок». Близкими к слову «мятеж» были термины «смута», «мутъ», «мутить» [13]. Таким образом, слова «мятеж» и «смута» значили в сознании людей тех лет беспорядок, отсутствие власти, безнаказанность, которые сопровождались разбоем, грабежом, убийствами.

События 1648 г. не воспринимались населением как выступления против высшей государственной власти. Интересно, что участники мятежей в документах называются «ворами». Сегодня считается, что так называли в XVII в. политических преступников. Отчасти это верно. Рассмотрим, например, слово «вор» в употреблении устюжанки Натальи Яхлаковой. Рассказывая об участии своего мужа в грабеже и разбое

9 июля в Великом Устюге, она сетовала на то, что «с ним.... живет не в совете, [муж] воровал с ыными жонками, а ее не любил» [2, с. 172]. Очевидно, что здесь «воровство» понимается как супружеская измена, нарушение клятвы верности, данной на кресте во время венчания. Вероятно, «ворами» называли людей, нарушивших клятву государю, которая заключалась, прежде всего, в обязательстве верно служить и не устраивать смуты и сопровождалась клятвой на кресте («крестным целованием»).

На наш взгляд, события 1648–1650 гг. уместнее называть словом «бунты». Этот термин достаточно обтекаем и верно определяет сущность явления. Бунтом называется массовый мятеж, возмущение, заговор против установившихся обстоятельств, установленного порядка.

В заключение отметим, что волнения в городах являлись отражением происходящих в стране важных социально-политических изменений. Хотя они и имели региональную специфику и различный характер, но были явлением общего порядка, отражали один и тот же процесс – становление абсолютизма в России и формирование новой политической культуры. Бунты были отражением важнейших перемен, происходящих в стране, и через анализ этих событий можно вплотную подойти к пониманию более общих проблем, связанных с социально-политической и военной эволюцией Российского государства XVII в.

Таким образом, можно отметить, что сегодня российская историография только начинает объективное изучение народных волнений 1648–1650 гг. Намечились тенденции к новым оценкам и подходам к этому явлению. Поскольку народные волнения представляют собой высшую степень социальной активности, они создают хорошую почву для применения новейших методик в русле политической антропологии, связанных в частности, с политической культурой, политическим сознанием и прочим.

Однако учебная литература в этом вопросе отличается большим консерватизмом, здесь не наблюдается како-

го-либо прогресса к освещению событий середины XVII в., которые именуются штампами как дореволюционной лите-

ратуры («соляной бунт»), так и советской историографии 1930-х годов («городские восстания»).

Литература

1. Аракчеев В.А. Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003.
2. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сб. документов / составитель К. В. Базилевич. – М.: Соцэкгиз, 1936.
3. Градобойнова Е. В. Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 году: причины, ход событий, итоги: автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 2012.
4. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История государства и народов России. – М.: Марис Мультимедиа, 2000.
5. Журавлева О. Н., Пашкова Т. И., Кузин Д. В. История России. 10 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. – М.: Вентана-Граф, 2013.
6. Кириллов В. В. История России: учебник. 3-е издание. – М.: ЮРАЙТ, 2010.
7. Ляпин Д. А. Народные волнения в России в середине XVII в. // Вопросы истории. – 2010. – № 4.
8. Ляпин Д. А. К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII века // Российская история. – № 4. – 2010.
9. Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989.
10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 1908.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп.1. Д. 333.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп.1. Д. 606.
13. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-ое. – М.: Русский язык, 1971.

УДК 316.342:947(470.6)

П.Г. Немашкалов

ПРОЦЕСС ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ., И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Исследование посвящено изучению проблем, повлиявших на упадок нравственного облика священнослужителей Северного Кавказа, раскрываются причины и последствия этого явления.

Ключевые слова: Северный Кавказ, история церкви, священнослужители.

P.G. Nemashkalov

PROCESS OF DESACRALIZATION OF PRIESTS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES, AND ATTEMPTS TO OVERCOME IT

The research paper is devoted to studying issues which contributed to the decline of priests' morale in the North Caucasus, as well as the causes and consequences of this phenomenon.

Key words: North Caucasus, church history, priests.

После окончания Кавказской войны на Северном Кавказе можно наблюдать тенденции к либерализации церковной жизни,

обусловленные многими факторами, в числе которых можно выделить: разнородный и полиэтнический состав духовенства, миро-

воззрение приходского духовенства и населения региона, иноверное и сектантское окружение, и как следствие, проведение миссионерской деятельности. В этот период наблюдается процесс обмирщения церковной жизни с одной стороны, и попытки ее реформирования «сверху». Обмирщение церкви особенно сильно проявлялось в десакрализации образа священника в глазах верующих и самого духовенства.

Духовенство включало выходцев из самых различных слоев населения, как правило, не высокообразованных и имеющих низкий культурный уровень. Казаки и выходцы из горских народов нередко вводили в приходскую практику многочисленные этнокультурные элементы (например, национальные и местные традиции, праздники и т. д.). Нередко слой духовенства пополнялся выходцами из других епархий, безграмотных, находящихся в той или иной степени канонического запрещения (вплоть до запрещенных в священнослужении), а также обратившимися из раскола. Принимались они в епархию из-за большого числа вакантных священнических мест, которые долгое время неким было восполнить.

Кавказское епархиальное руководство до начала 70-х гг. XIX в. вынуждено публиковало по всей империи вызовы диаконов с обещанием иерейской хиротонии и предоставления места в приходе [14, с. 155]. Каждый из таких священников привносил в церковную жизнь и литургическую практику порядки своей прежней епархии. В приходах Северной Осетии дело обстояло еще хуже, поскольку они окормлялись преимущественно грузинским духовенством, полагавшим, что священнослужение – это заработок [13, с. 25, 49].

Процессу десакрализации священства так же способствовало падение авторитета Церкви в глазах верующих, низкий уровень нравственности среди священно- и церковнослужителей, высокая степень бюрократизации Церкви, небрежное отношение некоторых священников к совершению богослужения [18]. Самовольно покидая места службы, священнослужители

не торопились возвращаться, предпочитая заниматься своими делами, подобные проступки часто строго наказывались не только приостановкой выдачи доходов от священнического места [7, с. 1–4]. Процедура рассмотрения дел благочинными затягивалась порой на целые годы, что позволяло творить произвол и самоуправство, не опасаясь наказания.

Объясняется это так же слабой богословской подготовкой священнослужителей, стремившихся получить знания по общеобразовательным, а не богословским предметам [17, с. 187], что, в свою очередь, влекло потерю призвания священников к своему служению. Подобная ситуация осложнилась разрешением священникам и дьяконам православного вероисповедания, имеющим аттестат об окончании полного курса духовных семинарий, обучать в частных домах арифметике, чтению и письму на русском, латинском и греческом языках без испытания, утвержденная Синодом 31 июля 1836 года [9, с. 2].

Возникали случаи увольнения из духовного звания в светское в поисках лучшей жизни. При этом нужно отметить, что одного собственного желания было недостаточно. Необходимым условием перехода было получение одобрения епархиального начальства, которое из-за дефицита кадров шло на различные уступки священнослужителям. Если таковое получали, то нужно было еще прошение и требование из светского учреждения, но если такого не поступало, тогда ждали месяц, и если о нем ниоткуда не поступало требование, то документы передавались в местное губернское правление для последующего их перехода на новое место работы [8].

Вопрос финансирования приходов и духовенства в епархии стоял остро даже в начале XX века. Поскольку государственное финансирование было ограниченным, то взимание приходскими священниками оплаты за все требы являлось единственным способом выживания [21, с. 1255]. Участились случаи неприязненных взаимоотношений священников между собой и с

прихожанами. Широкое распространение получили ложные доносы в среде духовенства друг на друга в поисках «лучшего местечка». Бывали случаи, когда некоторые священники одного прихода не желали делиться доходами за исправление духовных треб, разрешение подобных споров требовало вмешательства на уровне епархии [12, с. 1–2]. Изменения в воззрениях духовенства на природу церкви и священнослужения, а также политических идеалов сопровождалось распространением пьянства, случаев хулиганства и дебошей в приходе [19, с. 888]. В церковной среде обнаруживается склонность к мщению, изощренность к ябедам, что не могло не сказываться на взаимоотношениях духовенства с прихожанами.

Не добавляло авторитета священнослужителям исполнение надзорно-полицейских обязанностей [26, с. 136–137], особого рвения к которым многие из них не испытывали. Доказательством тому может служить большое количество жалоб со стороны местной администрации о затягивании следствия производимых земскими судами из-за отсутствия от духовной консистории депутатов [11].

Практически с самого начала образования Кавказской епархии ее руководители пытались преодолеть низкий культурный уровень духовенства и верующих, его подверженность прозелитизму со стороны других конфессий. Этот шаг был сделан ещё при первом ставропольском архиерее епископе Иеремии (Соловьеве) открытием Ставропольской Духовной Семинарии, готовившей кадры духовенства для епархии. Появление её положило начало идее создания духовно-просветительских учреждений для борьбы со старообрядческим расколом и сектантством, и проповеди православия среди местных народов [2, с. 53–56], в том числе мусульманского и буддистского вероисповедания.

Общее падение нравственности, бедность белого духовенства и семинаристов детерминировали распространение в их среде социалистических идей, в значительной степени влиявших на поведение как

приходского духовенства, так и, особенно, семинаристов. Ставропольские священники и семинаристы, социально близкие крестьянству и мещанству, поддерживали, в отличие от столичного духовенства, левые партии. Наибольшей популярностью пользовалась партия социалистов-революционеров [20, с. 14].

В 80-е гг. XIX в. среди семинаристов возникла и начала воплощаться идея бунтарства, имевшая социалистический подтекст [24, с. 61]. В период первой российской революции она нашла выражение в угрозах и ругани с преподавателями, административными лицами, избииении администрации, битье стекол, свистах и криках. Восстановление отчисленных, улучшение условий проживания, увольнение инспекции выполнялись только частично, и то не всегда, а бунты оканчивались отчислением зачинщиков [10, с. 3–3 об.].

Нередко семинарское бунтарство перерастало в профессиональную революционную деятельность. Наиболее известным семинаристом-революционером на Ставрополье стал принадлежавший к партии эсеров К. Добровольский, в Северной Осетии – Г. Дзасохов [27, с. 144], тяготевший к партии социал-демократов.

Образованная в 1843 г. Кавказская епархия в 1885 г. была разделена на три: Ставропольскую и Екатеринодарскую, Владикавказскую и Моздокскую, Сухумскую. Ставропольская епархия занимала особое положение в сравнении с другими регионами, поскольку на ее территории проживало большое число неправославного населения. Учитывая многоконфессиональность региона, власть испытывала потребность в усилении идеологии православной церкви и ослаблении роли мусульманства.

Тяжелые материальные условия, малочисленность церковных приходов неблагоприятным образом отражались на деятельности епархиальных учреждений, на состоянии духовного образования и миссионерской работы в целом. Этому способствовало и то, что помимо православных христиан и мусульман в регионе прожива-

ли: римо-католики, армяно-григориане, лютеране и протестанты других толков, мусульмане, буддисты-ламаисты, старообрядцы и представители различных сект. На фоне десакрализации священнослужителей возникают новые формы протеста населения региона – массовый уход в сектантство. Росту авторитета протестантских и старообрядческих сект способствует слабая миссионерская деятельность, распространение религиозно-рационалистских идей, здоровый коллективизм сектантов, что очень привлекало крепких хозяев [1, с. 33, 42–43]. Положение еще больше осложнялось тем, что старообрядцы не пытались распространять христианство среди мусульман и язычников. В среде поселенцев получили распространение секты адвентистов, жидовствующих, баптистов, молокан, хлыстов, духоборцев, белоризцев, скопцов, кроме сектантов имелись раскольники (поповцы и беспоповцы).

В 1860 г. к Ставропольской губернии были присоединены калмыки Большедербетовского улуса, исповедующие буддийскую религию. На первых шагах своей деятельности руководство епархии уделяло особое внимание христианскому просвещению иноверцев, населяющих Северный Кавказ. В частности, Андреевским братством в 1873 г. вблизи калмыцких кочевий была основана в с. Дербетовке школа. Под его попечение была взята школа в с. Большая Джалга, а для обучения калмыков были установлены стипендии [14, с. 61]. Священники приходов, близких к калмыцким кочевьям, брали к себе на воспитание калмыцких мальчиков.

Миссионерское дело имело много недочетов и промахов, которые старались исправлять личным участием настоятели епархии. Владыка Герман первым из кавказских епископов посетил в 1874 г. калмыцкие стойбища, беседовал с владельцем Больше-Дербетовского улуса нойоном Д. Гахаевым, с главным бакшей ставропольских калмыков Ивановым [14, с. 62]. «Он, – по словам архимандрита Гурия, – убеждал калмыков не чуждаться сближения с русски-

ми, не отказываться от образования детей, в свою очередь просил и русских относиться к калмыкам с лаской и любовью, истинно христианским отношением привлекая их в лоно Православной церкви» [16, с. 581].

Отсутствие в епархии надлежащего миссионерского опыта и хороших миссионеров не позволило пойти дальше первых робких шагов в отношении проповеди христианства. Случаи крещения калмыков носили лишь единичный характер и вызывались влиянием близости к русским (проживание в найме у русских, женитьба и т. п.), а не проповедью христианства миссионерами.

Проблемой являлась неприязнь местным населением соплеменников, воспринявших греко-российскую веру, поэтому еще с 1830 года на сновании Положение комитета министров оказывалась материальная помощь на необходимое первоначальное обзаведение выкрещенным иноверцам. Помимо предоставленных льгот все иноверцы, по принятии святого крещения, должны были «избирать себе род жизни о причислении их в то податное сословие, в которое они вступить пожелают» [6, с. 2]. Подытоживая неудачи православных миссионеров в регионе, еще в 1864 г. барон Н.Е. Торнау отмечал, что «ввиду несгибаемых религиозных убеждений ... несбыточно обращение мусульман по приказу правительства в христиан» [14, с. 103].

В таких условиях на помощь приходят различные религиозные общественные организации. Широкое распространение получила миссионерская деятельность в форме создания религиозно-просветительских и благотворительных братств. Причиной их появления стала попытка епархиального руководства решить проблемы не только духовного образования и миссионерской работы, но и деятельности епархиальных учреждений и материального обеспечения приходов. Впервые к решению церковных проблем привлекалось белое духовенство и миряне, представители местной элиты: руководство города и губернии, архиерей и духовенство, занимающее высшие посты в епархии, интеллигенция, купцы и буржуазия.

Образцом православных общественных организаций на Северном Кавказе стало основанное 9 июня 1860 г. «Общество восстановления христианства на Кавказе», направленное на миссионерскую работу среди автохтонного населения. В 1873 г. усилиями епископа Германа (Осецкого) было образовано Братство святого апостола Андрея Первозванного, а в 1888 г. с участием епископа Владимира (Петрова) сформировалось Братство святого равноапостольного князя Владимира. В конце 1892 г. братства были объединены в Ставропольское Андреевско-Владимирское братство, деятельность которого осуществлялась по трем основным направлениям: религиозно-просветительском, миссионерском и благотворительном [23, с. 82].

На рубеже веков произошла смена религиозного сознания духовенства региона – выпал образ императора как защитника русского православия. После начала революции 1905 года российский государь перестал упоминаться как покровитель и неперемненное условие благополучия. Священнослужители упоминали как значимые силы общественного развития только Отечество, народ, духовенство и интеллигенцию, а царь воспринимался как недействительный символ [3, с. 2–4].

Рост антиклерикальных настроений вызвал стремление духовенства найти свое место в новых исторических условиях. Не оторвавшись от низших слоев населения социально, священники, к этому времени, стали образованнее и стремились создать своего рода слой новой интеллигенции, ассоциируя себя с прогрессивным слоем народа. Широкое развитие получила мысль направленная преимущественно на укрепление авторитета духовного сословия и церковно-реформаторскую деятельность. Себе духовенство в этом процессе отводило руководящие роли. Например, в VI благочинническом округе Ставропольской губернии широкое распространение получили заявления о скором объединении всех христиан в одно государство всеобщего благоденствия во главе с Иисусом Христом [5, с. 5].

Появлению подобных идей так же способствовал хилиазм, т. е. вера в тысячелетнее Царство Христа на земле (одна из фундаментальных предпосылок христианского социализма), перенесенный на церковную почву, как из левых сект протестантского толка, так и из правых старообрядческих беспоповских и неохлыстовских сект, имяславцы и близкие к ним правораскольничьи группы [22; 23, с. 325].

В это же время среди духовенства и верующих возник идеал первых христианских общин. Вся церковная история начала восприниматься как деградация христианства, а начало XX в. мыслилось как выбор между историческим коллапсом христианства и церковным возрождением в результате реформ, возвращающих Церковь в первобытное состояние применительно к современным историческим реалиям.

В сложившихся условиях епархиальное руководство с легкостью шло на уступки либерально-обновленческим требованиям священнослужителей, реагируя на требования времени. Обстановка осложнялась и тем, что миссионерская деятельность духовенства и религиозных активистов иных конфессий направлялась не друг против друга, а на православное население.

Архиепископ Агафодор должен был сделать церковную жизнь соответствующей духу времени, не нарушая канонических норм [14, с. 29]. На Съезде духовенства Ставропольской епархии, состоявшемся в мае 1906 г., было установлено равноправие священнослужителей и низшего клира в решении церковно-приходских проблем (кроме дел, касающихся непосредственно пастырского служения) и при выборах административных должностных лиц: благочинных, следователей [4, с. 137–138]. Вводились приходские советы, а также было решено привлечь мирян к заведыванию приходским хозяйством. Все же десакрализацию духовенства в глазах народа и падение авторитета Церкви не удалось остановить предпринятыми мерами в предреволюционные годы, однако эти мероприятия привели к частичному оздоровлению религиозной жизни.

Литература

1. Беликова Н. Ю. Православная церковь и государство на юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). – Краснодар: Атриум, 2004.
2. Васильев А.И. Историческая Записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии. – Ставрополь, 1896.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 58. Д. 898.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 264.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1019.
6. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 154.
7. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 509.
8. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 560. Л. 1; Д. 355. Л.1.
9. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 814.
10. ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 79.
11. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д. 463; Д.674; Д. 679.
12. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д. 681.
13. Гатуев А.Г., свящ. Христианство в Осетии. – Владикавказ: типолитография В.П. Просвирнина, 1901.
14. Гедеон (Докукин), митр. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.-Пятигорск: Издательский отдел Штаб-квартиры Всецерковного православного молодежного движения, 1992.
15. Гедеон (Докукин), митр. Расцвет христианства на Северном Кавказе // Родная Кубань. – 2000. – № 1.
16. Гурий, архимандрит. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Калмыки. – Казань, 1915. Т. I.
17. Дейниковский Ф. Свящ. духовенство и его авторитет // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6. – 14 февраля.
18. Журнал № 147 епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 32. – 14 августа.
19. Журнал № епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 28. – 17 июля.
20. Забелин В. М. Политические партии на Ставрополье и Кубани в 1905 – 1907 гг. Ставрополь: Гл. упр. высш. учеб. заведений, СГСХА, 1996.
21. Иванов В., свящ. К вопросу о способах обеспечения духовенства // Ставропольские епархиальные ведомости. –1916. – № 46. – 20 ноября.
22. Иларион, (Домрачев), схим. На горах Кавказа. – Баталпашинск, 1907.
23. Лушников О. А. Деятельность Андреевско-Владимирского братства в Ставропольской губернии // Общественные организации Юга России в контексте становления гражданского общества: история, проблемы и перспективы развития: Материалы региональной научно-практической конференции 15–16 октября 2009 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.
24. Павленко Т. А. Бунты ставропольских семинаристов (опыт реконструкции культурного кода протестной акции) // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 2.
25. Половинкин С. М. Имяславцы Кавказа // Восточно-христианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. – М.: Иф РАН, 2004.
26. Резолюция съезда духовенства 4-го благочиннического округа Кубанской области в Ставропольскую духовную консисторию о проектируемой реформе. 5 июля 1916 г. // Православная Церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.): Сборник документов. Краснодар: Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив, 2001.
27. Цховребов З. П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Наука, 1972.

УДК 94(44).017-94(44).02

С.А. Польская

ПЭРЫ ФРАНЦИИ В РЕГЛАМЕНТЕ КОРОЛЕВСКОЙ ИНАУГУРАЦИИ
(ПО ДАННЫМ ORDINES IX–XIV ВВ.)

Статья посвящена анализу ритуальной иерархии французских пэров в процедуре церемонии королевского посвящения (*le sacre royal*) и выявлению общеисторических причин подобной традиции. Основой исследования служат коронационные

ordines – регламенты инаугурационной церемонии французской монархии на протяжении IX–XIV вв.

Ключевые слова: Французское королевство, светские пэры, пэры Церкви, церемония королевского посвящения, ритуал пэров.

S.A. Polskaya

FRENCH PEERS IN REGULATIONS OF ROYAL INAUGURATION
(ACCORDING TO ORDINES OF IX-XIV CENTURIES)

The article analyzes the ritual hierarchy of French peers in the procedure of the royal ceremony of initiation (*le sacre royal*) and the causes of this general historical tradition. The basis of the research paper is the coronation or-

dines – regulations of the inaugural ceremony of French monarchy during the IX-XIV centuries.

Key words: the Kingdom of France, Secular peers, the peers of the Church, the ceremony of the royal consecration, peers' ritual.

Инаугурационная церемония французских королей, как в основе своей сложившаяся ритуальная процедура, берет свое начало в специальных протоколах – т.н. коронационных *ordines*, традиция создания которых связана с утверждением династии Каролингов [I], но в еще большей степени – Капетингов [II], как их преемников Валуа [III]. Как всякий средневековый ритуал, королевское посвящение (именно таким образом – *lesacreroyal* – стала именоваться эта церемония в текстах *ordines*, равно как и в последующей традиции), он оказался наполнен сложной совокупностью вербальной, жестовой, знаковой, цветовой и прочей символики, среди всего многообразия которой в настоящей статье речь пойдет только об одном, но крайне значимом, аспекте – иерархическом принципе участия высшего эшелона светской и духовной знати – пэров Франции.

Впервые об их вовлеченности в *lesacreroyal* упоминает т. н. *ordo* Реймса 1230 г., сразу же определяя статус первых лиц государства как основополагающий, поскольку рассматривает их ключевыми фигурами в коронации нового монарха.

Для этого процедура *ordo* предусматривает специальный ритуал – созыв пэров. Ему, в свою очередь, предшествует упоминание о герцоге Бургундском, как первом из светских пэров. Он появляется в тот момент, когда «Король, стоя перед алтарем, снимает свои одеяния, за исключением плаща и шелковой рубашки, глубоко открытой спереди в груди и сзади между плечами и развязывает расшитый серебром плащ. Затем появляется первый великий камергер короля Франции (*primis a magno camerario Francie*). А потом герцог Бургундский должен снять обувь с ног короля» [12, р. 341–302]. Далее следовал ритуал благословления королевского меча [IV], в ходе которого глава Бургундского дома должен обуть короля, стем, чтобы «...надеть и затем снять шпоры...» [12, р. 302] с его сапог. Следует заметить, что эта привилегия сохранилась за Бургундским домом вплоть до последней церемонии 1825 г., что давало бургундским герцогам право претендовать на титул «владык Запада» и именоваться первыми из пэров. Если капетинские *ordines* допускают только указанное краткое упоминание нем, то *ordo* Карла V четко обозначает его статус:

«Камерарий Франции надевает королю сапоги. И затем подает герцогу Бургундскому, как первому пэру, шпоры, и он тут же надевает их» [12, р. 241].

Кроме того, *ordo* Карла V приводит подробное описание процедуры созыва пэров и их последующих действий. Примечательно, что вызов осуществляет «.. канцлер, либо равный его рангу от своего имени, если таковой присутствует, но не от имени архиепископа: первыми следуют светские пэры, затем – церковные, которых вызывают по очереди, и тогда архиепископ берет с алтаря корону, и как только приподнимает ее над головой короля, духовные, равно, как и светские (пэры – С. П.) становятся вокруг короны и прикасаются к ней. Затем архиепископ произносит молитву, по окончании которой корона водружается на голову короля, но пока молитва не окончена, держит ее (корону – С. П.) достаточно высоко ...» [12, р. 247].

Еще одним символом союза короля и коллегии пэров выступает ритуал вручения архиепископу Реймскому т.н. королевского приношения – 13-ти, специально отчеканенных с этой целью, серебряных монет (*treize pieces d'or* или *XIII aures*, как называет их *ordo* Реймса) [10, р. 302]. Традиция их использования, восходит, как показали нумизматические исследования, еще к посвящению и коронации Пипина Короткого, Людовика II, Гуго Капета и всех французских монархов со времен Людовика VI (кроме Карла IV и Людовика XII), т. е. с XII в. [1, р. 191–197], но письменно были зафиксированы лишь в *ordo* Реймса. Проблема происхождения монет не решена однозначно даже узкими специалистами. Число 13, по мнению Р. Джексона, может означать союз короля и 12-ти пэров, хотя сам же исследователь оговаривается, что к моменту написания *ordo* Реймса институт пэрства еще не сложился [3, р. 91].

Вряд ли это так, если учесть наличие в капетинских *ordines* ритуала пэров, который был бы невозможен при отсутствии данного сообщества. Гипотезу о влиянии византийского коронационного ритуала, якобы про-

никшего на Запад после крестовых походов Людовика Святого, отвергает П. Шрамм, говоря, «... что нет ни одного доказательства в ее поддержку» [14, с. 136]. Г. Шпигель полагает, и с ним согласен Р. Джексон, что Людовик IX, желая продемонстрировать особое расположение к Реймскому архиепископству, увеличил количество монет, обычно ежегодно приносимых в дар королем аббатствам, находящимся на территории Иль-де-Франс, с 4-х до 13-ти. Поэтому упоминание о монетах, преподносимых королем архиепископу Реймскому, окончательно закрепляется в последнем капетинском *ordo*. Заметим, что 13-ю монетами королевское приношение не исчерпывалось. В него включались хлеб и вино, также традиционные для французских монархов, желающих показать свое расположение и признательность прелату Франции [V].

Если задаться вопросом о количественном и поименном составе участвующих, то следует обратиться к более ранним текстам *ordines* Каролингской эпохи – Карла Лысого и Людовика Заики, составленные, как уже указывалось выше, во второй половине IX в. архиепископом Реймса Хинкмаром. Они достаточно скупо описывают непосредственную инаугурационную процедуру, ограничиваясь текстами сопровождающих ее молитв, антифонов и прочих литургических канонов. Однако именно здесь содержится первое упоминание аккламаций, направленных посвященному королю по окончании церемонии со стороны светской и духовной знати. Церемония *lesacre royal* Карла Лысого, имевшая место в Меце, в соборе св. Стефана 9 сентября 869 г., начинается с риторического вступления епископа о значимости происходящего и завершается призывом: «... честные люди (т. е. присутствующая аристократия – С. П.) должны услышать о том, что нам надо посвятить самого христианнейшего короля (*rex christianissimus*)» [6, р. 163]. Епископ призывает их: «если это вам по нраву, откликнитесь своими голосами» и после раздавшихся возгласов одобрения, восклица-

ет: «давайте единодушно возблагодарим Господа, пропев «Тебя, Господи, славим» (Te Deum laudamus)» [6, р. 163].

Оценивая это процессуальное нововведение, большинство исследователей сходятся на мысли, что возгласы, издаваемые находящейся в церкви знати, есть не что иное, как прямое продолжение германской традиции приветствия поднятого на щите вождя и римского обычая приветствия императора армией и Сенатом [VI]. Несомненно, составляя свои *ordines*, Хинкмар создавал в первую очередь священную, церковную церемонию, но он не мог не считаться с уже сложившимся влиянием светской аристократии на королевскую власть. Монархии было необходимо заручиться ее согласием, и древний германо-римский обычай возгласов одобрения отвечал этой цели как нельзя лучше. Разумеется, Хинкмар придал ему более подобающую для литургии форму. Место воинственного возгласа оказалось потеснено молитвой, произносимой всеми собравшимися. Однако при инаугурации Карла V она все же была дополнена отдельной аккламацией совершенно мирского содержания, когда порядок предписывает: «Пэры восклицают «Да здравствует король» (Vivele Roi!)», – уточняя, – «И вслед за епископами и светские пэры, которые поддерживали его корону, говорят то же самое (за архиепископом Реймским – С. П.)» [12, р. 249].

Ordo, предписывающий правила инаугурации Карла Лысого в декабре 877 г. в Компьене, открывается молитвами присутствующих на церемонии прелатов, среди которых епископы Реймса, Бовэ, Лана и Лангра [VII] – большинство из будущих пэров Церкви. Это позволяет вернуться к проблеме уточнения состава этой коллегии. Институт пэров, как особо приближенных к королю вассалов, держащих непосредственно от него ленные владения, начал складываться в правление Людовика VII, т. е. в середине и второй половине XII в., хотя свое формирование начала еще в эпоху Карла Великого. Теоретически все вассалы короля являлись пэрами, но поскольку в конце XII в. возникает необходимость под-

черкнуть разницу между крупными и мелкоземельными вассалами и самыми значимыми, носившими титул графа или герцога, появляются понятия «*par regni*» (букв. «равный королю») и «*par Franciae*» («равный Франции») [16, р. 301–302]. До Людовика VII пэрство Франции являлось личным, и владельцы феодалов, главы провинций и первые должностные лица короны состояли при королевском дворе, т. е. подлежали верховному суду короля; и достоинство коллегии, которой он поручался, не было ни ограниченным, ни наследственным.

По мере роста доходов в родах герцогов и графов в конце каролингской эпохи формируется вторая череда пэрств, получивших наследственный статус, когда гранд, в зависимости от своих экономических возможностей, правового и политического могущества, мог претендовать на статус пэра. В 1216 г. насчитывалось девять пэров: архиепископ Реймский, епископы Лангрский, Бовэ, Шалона и Нойона, герцоги Бургундский, Норманнский и Гиеннский и граф Шампанский [2, р. 28]. В итоге Людовик VII сократил число пэров Франции до 12-ти наиболее древних: герцогства Бургундское, Нормандское, Аквитанское, Реймское, Ланское и Лангское; графства Шампанское, Фландрское, Тулузское, Бовэ, Шалона и Нойона (несложный подсчет убеждает, что одна половина из них относилась к духовной, а вторая – к светской знати) [13]. Все прочие феодальные владения являлись или частью французских пэрств, или перешли в руки Плантагенетов, и, наконец, образовались шесть равных между собой, что позволило отделить их статуса от прочих феодальных владений. Очевидно, они первоначально предназначались для членов королевской семьи и прочих принцев крови, чтобы выступить в качестве их прерогативы. В дальнейшем, начиная с 1297 г., короли, если желали оказать честь различным видным семьям, которые, по их мнению, имели большие заслуги перед государством, возводили для них новые пэрства и повышали их достоинство по своему желанию, хотя право предписывало учитывать мнение уже сложившейся коллегии пэров.

Однако на практике, как верно замечал еще Ф. Лот, «коллегия из двенадцати пэров всегда оставалась более теоретической, чем реальной», приводя тот аргумент, что только после того, как в 1225 г. епископ Лана и графы Фландрский и Тулузский получили пэрства, общее количество их стало равно двенадцати [7, р. 35].

С другой стороны, общеизвестно, что в 1204 г. Филипп II Август конфисковал Нормандию у Иоанна Безземельного; та же участь постигла Тулузу в 1271 г. при Людовике IX и Шампань, с момента ее окончательного присоединения Филиппом IV Красивым в 1285 г. и окончательной ан-

нексии 1314 г. [VIII]. Этот процесс продолжался в течении XIV–XV вв. и закончился только к моменту окончательной централизации Французского королевства. В конечном итоге количество пэрств выросло до 26-ти, что привело к очередной их градации на «старые», т. е. созданные теперь уже до XIII в. включительно (к их числу следует отнести герцогство Бретань и графства Анжу и Артуа, приобретшие этот статус в 1297 г.) и «новые», не столь давно образованные. Число первых неуклонно сокращалось, и к концу XV в. осталось только два – герцогство Бургундское и графство Фландрское, но и они будут аннексированы в 1477 г. [IX].

Примечания

- I. Среди них следует выделить *ordines* Карла Лысого 869 г. и Людовика Заики 877 г., составленные архиепископом Реймса Хинкмаром, заложившим процедурные основы королевской инаугурации. [9, s. 456–458; 8, s. 461–462]. К ним примыкают аналогично написанные Хинкмаром главы «Анналов Сен-Бертен» за 843 – 882 гг. [6, р. 10–155].
- II. Особенными нововведениями отмечены протоколы т.н. капетингских *ordines*, составленный в период правления Людовика Святого: *ordo* Реймса 1230 г., *ordines* 1250 г. и *ordo* 1270 г. (т.н. «последний капетингский *ordo*»). Они были опубликованы в нескольких редакциях, из совокупности которых автор настоящей статьи обратился к наиболее полной, предпринятой представителем американской школы Р. Джексоном [10, р. 291 – 340; 11, р. 341 – 365; 6, р. 419–454].
- III. В данном случае речь идет об *ordo* Карла V 1364 г. [12, р. 341–365]
- IV. Как уточняет эту процедуру *ordo* Карла V: «Король берет меч из рук архиепископа и кладет его на алтарь, ставя его вёрхом. Архиепископ снова берет его и предлагает королю, который тотчас отдает его тому, кто ему угоден, чтобы держать его перед королем до окончания мессы ...» [12, р. 302].
- V. Дело в том, что уже *ordo* Карла V предусматривал вручение хлеба и вина архиепископу Реймса по окончании церемонии [15, р. 43–44; 12, р. 232]
- VI. Э. Канторович называет эти восклицания *collaudatio*, определяя их значение как необходимое для признания нового монарха: «Издать приветственный возглас, означало возвести нового правителя в королевское достоинство и публично признать его новое звание» [4, р. 76].
- VII. Кроме себя (*Hincmarus archiepiscopus*), Хинкмар называет 6 епископов, присутствующих на посвящении [9, s. 456].
- VIII. Некоторые пэрства отдавались в виде апанажа, другие просто возвращались короне. Так, Бургундия отошла к Французскому королевству в 1361 г. со смертью Филиппа Смелого, последнего из герцогов. В 1363 г. дофин, будущий Иоанн II Безрассудный, получил Бургундию как апанаж. Что касается герцогства Гиеннского, то после признания его английской территорией в 1360 г., оно вернулось к Франции в 1401 г. как апанаж Людовика XI. Данной проблеме автор посвятил ряд статей [17–19].
- IX. Аналогичная участь несколько ранее, в 1453 г., постигнет и Аквитанию.

Литература

1. Blanchet A. Médales et jetons de sacre des rois de France // *Études de numismatique*. – 1892. – № 1.
2. Jackson R.A. Peers of France and Princes of the Blood // *French Historical Studies*. – Vol. 7. – 1971. – № 1.
3. Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France. – Paris, 1985.
4. Kantorowicz E. *Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship* / Trans. for M.F. Bursofzer // *University of California Publication in History*. – Berkeley – Los-Angeles, 1946. – № 33.
5. *Last Capetian Ordo* // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages* / Ed. by R. A. Jackson: Vol. 2. – Philadelphia, 2000.
6. *Les Annales des Saint-Bertin* / Éd. F. Grat, A. Viellard, S. Clemenset. – Paris, 1964.
7. Lot F. Quelques mots sur l'origine des paires de France // *Revue historique*. – 1994. – C. IV.
8. *Ordo coronationis Hludowici Balbi* // *Capitularia regum francorum* / Ed. Al. Boretius, V. Krause. – Bd. 22. – № 2. – Hannover, 1897.
9. *Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae* // *MGH. Capitularia regum francorum* / Ed. Al. Boretius, V. Krause. – Bd. 22. – № 2. – Hannover, 1897.
10. *Ordo de Reims* // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages* / Ed. by R. A. Jackson: Vol. 2. – Philadelphia, 2000.
11. *Ordo of 1250 – 1240–1250* // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages* / Ed. by R. A. Jackson: Vol. 2. – Philadelphia, 2000.
12. *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem* // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789* / Éd. de A.-J. - L. Jourdan, F. A. Isambert, Decrusy, A. - H. Taillandier: 29 vol. – Paris, 1821–1833. – Vol. 5.
13. Sainte-Marie Anselme de, Père. *Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume*: 9 vol. – Paris, 1726–1733.
14. Schramm P.E. *Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert Staates*. 2nd edn. – Weimar, 1960. – Bd.1.
15. Spiegel G. The Cult of Saint-Denis and Capetien kingship // *Journal of Medieval History*. – 1975. – № 1.
16. Viollet P. *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*. Vol. 3. – Paris, 1903.
17. Польская С.А. Борьба за бургундское наследство и становление особого статуса апанажа Филиппа Смелого в 30-е гг. XIV в. // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. – 2010. – № 13 (84). – Вып. 15.
18. Польская С. А. Династические и правовые проблемы становления права неотчуждаемости французской короны второй половины XIV в. // *Вестник академии права и управления: научный и общественно-политический журнал*. – 2011. – № 23.
19. Польская С. А. «... Передача собственности никогда не имела места ...». Французская корона и система апанажей: практика манипулирования // *Право в средневековом мире. 2008: сборник научн. ст. / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой*. – М.: ИВИ РАН, 2008.

УДК 94(470.63).082

Н.Д. Судаццов**БОРЬБА АЛЕКСАНДРИЙСКИХ КРЕСТЬЯН ПРОТИВ ЗЕМСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ**

В статье идёт речь о борьбе крестьян против значительного повышения земством платежей, что нашло наиболее яркое выражение в выступлении крестьян села Александрии в ноябре 1914 г., закончившееся столкновением с полицией и человеческими жертвами. Военно-окружной

суд вынес суровый приговор. Но, в связи с протестами общественности губернии, наказания были значительно смягчены, часть осужденных амнистирована.

Ключевые слова: земство, война, революция, крестьянство, окладные платежи, губерния, суд, защита, повинности.

N.D. Sudavtsov**FIGHT OF THE PEASANTS OF ALEXANDRIA VILLAGE AGAINST STAVROPOL ELECTIVE DISTRICT COUNCIL**

The subject of the article is peasants' struggle against significant increase in local taxes, the climax of which was the uprising of peasants in the village of Alexandria in November 1914. The revolt resulted in clashes with the police and took a toll of human lives. Military

District Court sentenced the peasants to severe punishments. However, the sentence was mitigated under the influence of public opinion.

Key words: elective district council, war, revolution, peasantry, the accountant fees, province, court, defense, servitudes.

100 лет назад в период Первой мировой войны в селе Александрии Благодарнинского уезда Ставропольской губернии произошло одно из крупнейших выступлений крестьян против земства, которое было введено Законом от 9 июня 1912 года, принятому Государственной думой и подписанному императором Николаем II, с 1 января 1913 года [11]. Либеральная общественность Ставрополя с удовлетворением встретила этот законодательный акт, о котором мечтала не одно десятилетие. Его приветствовали видные общественные деятели Ставрополя. После проведения всех организационных мероприятий, выборов уездных и губернских гласных, земские учреждения стали функционировать во второй половине 1913 года.

Ставропольские земцы, изучив результаты работы «старых» земств, которые начали свою деятельность ещё в 60-е годы XIX века и, увидев их достижения, особенно в социальной сфере, решили в максимально сжатые сроки достичь таких же резуль-

татов в губернии в сфере образования, здравоохранения и других жизненно важных вопросов для населения. Планы были разработаны грандиозные. Земцы пошли не от реального наличия финансовых возможностей, а от желания. Уже в 1914 г. в губернии вместо 21 врачебного участка должно было работать 43, следовало ввести в строй 98 комплектов в школах и т. д. [12, с. 232]. Кроме того, чтобы избавить крестьян от натуральных повинностей – подводной, дорожной, квартирной и других, они переводили их на денежное содержание, выплачиваемое крестьянами. К этому следует присовокупить и то, что добавились дополнительные расходы на содержание самих земских учреждений. Таким образом, при разработке планов ставропольские земцы пошли не от реальности, а от желаемого. На всё это требовались значительные финансовые средства, которых не имелось.

Поэтому, когда стали искать источники финансирования для выполнения намеченного, то оказалось, что они всё те же: земля,

крестьянское хозяйство, поскольку в аграрной губернии другой недвижимости было ничтожно мало. После подсчётов оказалось, что окладные земские платежи увеличивались в 6–8 раз. И всё это легло на плечи крестьян. В то же время государственный поземельный налог не изменился. Он остался таким же, каким и был – две копейки с десятины и составлял в губернии 67 тыс. рублей в год. Так что крестьянам было с чем сравнивать. Трезво мыслящие общественные деятели видели в этом плохое предзнаменование, которое могло вылиться в недовольство крестьян и скомпрометировать земство. И они в этом не ошиблись.

Крестьяне, не будучи толком информированными о предстоящих земских платежах, ко всему этому отнеслись довольно спокойно, пока весной 1914 года не началась раскладка окладных платежей на сельских сходах, которые проходили весьма бурно. Они часто заканчивались тем, что крестьяне категорически отказывались утверждать развёрстку платежей и подписывать окладные листы.

В губернии для многих ещё до введения земства было очевидным, что необходимо совершенствовать систему земского обложения, сделать ее более справедливой и привлечь к ней всех, кто владеет недвижимостью. Все понимали, что это повлечёт за собой рост платежей. Поэтому никто в губернии к этому не приступал, откладывая решение данного вопроса до введения земства, которое и должно было заняться этим неблагодарным делом. Получилось так, что тем самым земство столкнули с крестьянами, вызвав у них негативное отношение к нему.

Поскольку крестьяне отказывались от окладных платежей, то в дело была включена государственная система с её репрессивной системой. 19 апреля 1914 г. губернатор издал специальный циркуляр земским начальникам губернии. В нём, констатируя отказ некоторых обществ от добровольной раскладки окладных сборов, в связи с чем это приходится делать в принудительном порядке, указывал: «Принимая во внимание, что уклонение от раскладки

земских сборов по существу является отказом от несения государственных повинностей, а потому такие выступления надлежит считать нарушением, предписано уездным земским начальникам безотлагательно лично разъяснить подведомственным и сельским обществам о предмете назначения земских сборов, объяснить участникам сходов бесцельность уклонения их от раскладки земельных сборов и предупредить лиц, виновных в руководстве противозаконной в этом направлении агитации, что они как подстрекатели к неповиновению законных требований правительственной власти будут подвергнуты мною самим строгим взысканием» [3, л.16].

Недовольство сельского населения введением земства начало наблюдаться почти повсеместно в губернии после рассылки окладных листов, когда крестьяне, не будучи в достаточной степени осведомлены о задачах деятельности земских учреждений, вступивших только в первый год своего существования, узнали о чрезвычайно повышенном земском обложении. Это представлялось населению произвольным и беспочвенным, ибо не основывалось на каких либо уже осуществленных земскими организациями полезными для населения мероприятиями. Недовольство и озлобление крестьян против земства особенно возросло при предъявлении населению требований об уплате земских сборов. Весной 1914 года многие сельские общества принимали постановления об отказе от раскладки земских платежей. С началом Первой мировой войны сопротивление крестьян активизировалось.

На одном из сходов крестьяне сельского общества Александрии Благодаринского уезда приняли решение о том, чтобы земских сборов не платить. Однако волостной старшина, сборщики податей под нажимом властей вписали земский сбор в податную тетрадь на 1914 год вместе с другими налогами. 14 сентября на сельском сходе крестьяне потребовали от старшины объяснения, на каком основании он это сделал. Раздались крики: «Мы тебя выбирали не для

начальства, а для общества». Крестьяне, требуя уничтожения податных книг, нанесли в грубой форме оскорбления и угрозы волостному старшине, писарю и сборщику податей за то, что они против желания общества, отказавшегося от платежа земских сборов, внесли этот сбор в податную тетрадь.

После произведённого по этому поводу дознания в целях предупреждения подобного рода незаконных выступлений Ставропольский губернатор 5 ноября на основании Правил о местностях, объявленных на военном положении, постановил подвергнуть главных виновников Архипа Коршунова, Степана Шуваева и других (всего 9 человек) штрафу по 100 рублей каждому или тюремному заключению на один месяц, а Андрея Анлыкина штрафу на 500 рублей или тюрьмы на три месяца [1, л.13]. Это вызвало всеобщее недовольство среди жителей села.

Позже губернатор вынужден был признать, что беспорядки в селе Александрии «произошли вследствие создавшегося во многих сельских местностях губернии враждебного отношения крестьянского населения к земским учреждениям, причиною которого послужило сильно повышенное в текущем году земское обложение, по сравнению с тем, какое существовало в губернии до введения названных учреждений. Брожение на этой почве в селе Александрии началось с момента получения окладного листа, когда сельское общество, несмотря на предпринятые убеждения и разъяснения участкового земского начальника, категорически отказалось от добровольной раскладки земских сборов и таковую пришлось произвести принудительным путем».

По мнению властей, независимо от этого в виду ничтожного поступления земских сборов в селе Александрии, население которого, отличаясь зажиточностью и получив в текущем году средний урожай хлебов, было вполне платежеспособно, власть начала действовать. По распоряжению участкового земского начальника, александрийским волостным старшиною на пополнение недобора земского оклада, установленного

на текущий год, было описано движимое имущество восьми домохозяев, наиболее активно агитировавших против земства и упорно уклонявшихся от платежа земских сборов. Продажа описанного имущества была назначена на 25 ноября в уездном центре селе Благодарном.

Жители села Александрии, узнав о предстоящей продаже имущества, твердо решили защитить своих односельчан и воспрепятствовать её осуществлению. Получив информацию об этом и для предупреждения активных выступлений населения, губернатор 5 ноября издал постановление об аресте главных агитаторов против земских учреждений.

Пристав 4-го стана, получив об этом предписание, 22 ноября выехал в село Александрию для исполнения постановления. Но так как наказанные наотрез отказались платить штраф, то пристав Прошкин заключил их под стражу в сельскую тюрьму. 23 ноября пристав решил отправить арестованных в тюрьму села Благодарного в сопровождении урядника и стражника. Но вскоре появилась толпа крестьян, которая потребовала, чтобы арестованные шли домой. Пристав пригрозил применить оружие. Толпа отступила.

Арестованных направили под конвоем полицейского урядника в Благодаринский тюремный замок для отбытия наложенного на них наказания. Это возмутило жителей села. Группа верховных крестьян в количестве 25–30 человек в двух верстах от села Александрии отбила арестованных, избив урядника. Затем они вместе с арестованными возвратились в село, где «избивали всех урядников до полусмерти».

Постепенно толпа крестьян увеличилась и направилась к дому зажиточного крестьянина Акима Лелекова, являвшегося членом Благодаринской уездной земской управы, губернским гласным и начала громить его постройки. В это время группа крестьян из 40 человек подожгла в селе Александрии строящуюся земскую школу. Для наведения порядка в село прибыл становой пристав Прошкин с 12 стражниками

и двумя полицейскими урядниками. Поставив к дому Лелекова охрану из двух стражников и одного урядника, пристав с остальными стражниками разместился в здании волостного правления для предупреждения возможного его разгрома и хищения хранящихся в нем денег.

На следующий день в селе Александрии произошли беспорядки. Причиной тому, как признавало и само губернское начальство, послужило значительное повышение в текущем году земского обложения по сравнению с тем, какое существовало в губернии до введения названных учреждений. В пять часов утра 24 ноября к волостному правлению стали собираться крестьяне небольшими группами по 10–20 человек. Разбившись на группы, они вели оживлённые разговоры, обсуждая план дальнейших действий. К 12 часам дня толпа увеличилась до 2000 человек, среди которых было немало подростков и женщин [1, л.15].

Подростки, подстрекаемые старшими, и женщины, имея в руках палки, стучали в ставни и двери волостного правления, с криками «отворяй». Возбуждение среди собравшихся крестьян нарастало. Около часу дня в толпе появились два человека, неизвестных полицейским, и стали возбуждать и без того враждебно настроенную толпу, крича «бей их», имея в виду пристава и стражников. В это время в ближайшей церкви ударили в набат. Толпа, быстро увеличиваясь, приблизилась к запертым дверям волостного правления и под её натиском дверь затрещала.

Пристав вышел на крыльцо и попытался уговорить крестьян одуматься, но всё было безрезультатно. Толпа ничего не хотела слышать. Напротив, при появлении пристава пришла в ярость. В пристава, с криками «бей его», начали бросать камни и палки, бить окна и громить камнями и палками волостное правление. В пристава, из толпы, попало несколько камней, в том числе в левую руку и живот. Из толпы последовал выстрел. Стоявшие близко к крыльцу пытались стащить пристава вниз, хватая его за ноги. Пристав неоднократно предупреждал толпу, что если

не прекратится нападение, то он вынужден будет стрелять. Однако разгорячённая толпа продолжала ломиться в волостное правление, намереваясь обезоружить и избить пристава вместе со стражниками.

Убедившись в бесполезности дальнейших уговоров, пристав приказал старшему стражнику Нещеретному открыть огонь. К этому времени выстрелом из толпы был ранен в правое плечо урядник Тенищев. После первого залпа толпа не отступила. Был сделан повторный залп. Некоторые жители побежали, но наиболее упорные остались, вступив с отрядом стражников в перестрелку. Часть нападающих, вооруженная ружьями, зашла сзади и через крыши соседних построек пытались проникнуть во двор волостного правления. Стражникам пришлось выбивать их с крыш и заборов поодиночке, но при каждом выстреле стражников нападающие укрывались за прикрытие. Стражниками было израсходовано 58 патронов. В результате столкновения оказалось убитыми из толпы 3 человека и ранены 9 [2, л.29]. Пристав, во избежание возможного нападения с тыла, вывел отряд стражи из волостного правления и рассеял остатки толпы.

После происшедшего события в село Александрию стали прибывать жители окрестных сел, и был организован отряд, чтобы отправиться в уездное село Благодарное и разгромить там земскую управу и другие земские учреждения. Однако этого не удалось сделать, так как губернатором на место происшествия был командирован вице-губернатор князь Шервашидзе с отрядом из 70 донских казаков. Прибыв в село Александрию, вице-губернатор произвёл аресты главных зачинщиков и окончательно навел порядок [1, л.4–5]. В селе сразу же началось следствие, которое длилось более года.

Одновременно для расследования в губернии инцидентов, связанных с земством, в начале декабря 1914 года в Ставрополь прибыли два чиновника МВД России. Было выяснено, что к концу 1914 года в губернии сложилось очень тяжелое положение с уплатой земского сбора. Результатом сопротивления крестьян резко возросшим окладам

явилось то, что, не смотря на мощный пресс со стороны властей, они отказывались вносить платежи. Всего в 1914 году должно было поступить по губернии окладных платежей и земских сборов 2733,7 тыс. рублей, фактически было собрано 1309,4 тыс. рублей, то есть меньше половины [5, с. 195]. С участием правительственных чиновников губернатор провел совещание, на котором все пришли к выводу о необходимости пересмотра сметы на 1915 год, по возможности сократив расходы, оставив только на неотложные нужды.

Следствие по делу Александрийских крестьян продолжалось больше года. Власти тянули время с расчетом на то, что со временем интерес у общества к этому делу пропадет. Но он не проходил.

Наконец 7 января 1916 года в селе Благодарном началось рассмотрение военно-окружным судом под председательством генерал-лейтенанта Игнатьева дела о вооруженном сопротивлении крестьян с. Александрии Благодаринского уезда. Обвиняемых было 67 человек, из которых Зуев и Шальнев в начале войны были мобилизованы, а затем после ранения возвратились на поправку в село. В качестве свидетелей было привлечено около 300 человек. Опасаясь возможных инцидентов во время судебного процесса, наместник на Кавказе распорядился направить в с. Благодарное на время разбора дела роту солдат и полусотню казаков. По распоряжению губернатора князя Оболенского в с. Благодарное было также командировано 25 стражников из губернского резерва. В первые два дня на суде присутствовал Ставропольский губернатор князь Оболенский [1, л. 5].

Следствие и суд над александрийцами получили широкий резонанс на Ставрополье. Обвиняемых защищали известные на Ставрополье общественные деятели и юристы, присяжные поверенные Г.Н. Прозрителев, В. Краснов и Дементьев. Руководителем защиты александрийцев был Г.Н. Прозрителев. Адвокаты очень внимательно изучили материалы следствия. В ходе судебного разбирательства они приложили немало

усилий к тому, чтобы максимально снизить тяжесть предъявляемых крестьянам обвинений, указывая на несправедливости, которые применялись против крестьян, привели немало примеров незаконных действий властей, несправедливого отношения к крестьянам. Их выступления в суде присутствующие воспринимали с одобрением. Это придавало больше уверенности адвокатам и подзащитным в том, что процесс удастся выиграть. Однако, как ни умело защищали адвокаты обвиняемых, репрессивная машина была запущена, цель перед судьями была поставлена: наказание должно быть максимально суровым.

Общественность губернии с напряженным вниманием следила за ходом суда, который хотя и скуп, но освещался в печати. Позже Г.Н. Прозрителев и другие адвокаты заявляли, что на суде они сделали всё возможное, чтобы оказать помощь в облегчении наказания подсудимым крестьянам. Практически все слои населения губернии выражали сочувствие подсудимым.

Военно-окружной суд, рассмотрев дело об александрийцах, приговорил 4 человека к смертной казни через повешение: Андрея Чечелева, Лазаря Кучменко, Павла Евгеньевского, Михаила Золотарева. Евдоким Скороходов, Назар Кузнецов, Федор Кучеренко, Архип Лелеков приговаривались к 20 годам каторги, 16 человек к каторжным работам до 15 лет, 22 были приговорены к арестантским ротам и разным срокам тюремного заключения, 17 человек оправданы. В то же время суд, предвидя обостренную реакцию общественности на решения суда и учитывая возможные последствия, постановил ходатайствовать о смягчении участи приговоренных к смертной казни [1, л.11–17; 11].

После известия о вынесении военно-окружным судом приговора по делу александрийцев общественность губернии была возмущена его результатами. По сообщению помощника начальника Терского областного жандармского управления в г. Ставрополе подполковника Бруна, приговор вызвал негативную реакцию среди об-

ственности губернии и приведение его в исполнение могло вызвать взрыв недовольства, привести к непредсказуемым последствиям и вылиться в беспорядки [1, л.13].

20 гласных губернского земства, пользуясь консультациями Г.Н. Прозрителева, обратились в губернское земское собрание с заявлением: «Мы считаем крайне необходимым и весьма срочным ходатайствовать через его сиятельство и т. д. Ставропольского губернатора перед Его императорским Высочеством Наместником Его Императорского Величества на Кавказе о помиловании осужденных по так называемому Александрийскому процессу приговоренных к смертной казни и о смягчении наказания для всех вообще признанных виновными. Означенную просьбу, как весьма спешную, следовало бы препроводить по телеграфу и одновременно путем подробного письменного мотивированного ходатайства, которое может быть поручено губернской Управе. Наше заявление просим рассмотреть немедленно» [4, с. 186].

После оглашения данного заявления собрание сделало перерыв на полчаса для рассмотрения его финансово-распорядительной комиссией, в работе которой приняли участие присяжные поверенные Г.Н. Прозрителев, В. Краснов и Дементьев. После перерыва губернское собрание единодушно решило телеграфно обратиться к наместнику на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу с ходатайством о помиловании осужденных [8].

Князь Оболенский направил помощнику наместника на Кавказе генералу князю Орлову телеграмму: «Прошу Ваше Сиятельство соизволить доложить Его Императорскому Высочеству нижеследующее постановление третьего очередного Ставропольского губернского земского собрания 25 января сего года: возбудить по телеграфу ходатайство перед Его Императорским Высочеством наместником Его Императорского Величества на Кавказе о смягчении и помиловании наказания осужденных по Александровскому процессу». Руководитель защиты александрийцев

присяжный поверенный Г.Н. Прозрителев получил из управления наместничества в Тифлисе в связи с делом александрийцев телеграмму: «Желателен ваш приезд для представления наместнику» [9].

Правда, два дня в газетах публиковалось письмо Г.Н. Прозрителева о том, что вызов к наместнику не связан с александрийцами, но этому никто не верил. Наместник великий князь Николай Николаевич решил проконсультироваться с руководителем защиты осужденных, чтобы лучше узнать общественное мнение на Ставрополье о судебном приговоре, да и о возможных последствиях. Протесты общественности, поездка Г.Н. Прозрителева в Тифлис были безрезультатными.

В начале февраля губернатор князь Оболенский получил от помощника наместника генерал-лейтенанта Орлова телеграмму: «В случае возбуждения военным судом ходатайства о помиловании и смягчении наказаний по Александрийскому процессу мною будет доложено Его Императорскому Высочеству сообщенное вами ходатайство о сем Ставропольского земского губернского собрания, которое, несомненно, будет принято во внимание Августейшим Наместником» [7].

Учитывая ходатайства земства, общественных организаций губернии, а также возможные последствия, наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич произвёл конфирмацию приговора военно-кружного суда по делу крестьян с. Александрии. Смертную казнь четверем приговоренным к ней крестьянам заменил десятилетней каторгой. Каторжные работы приговоренным к ним крестьянам были сокращены на одну треть. В остальном, т. е. различных сроков арестантские роты относительно 21, тюрьма для 10 и оправдали 4-х обвиняемых. В конечном итоге приговор суда утвержден [10]. Применение репрессивных мер было чревато тяжелыми последствиями и могло привести к социальному взрыву.

Борьба крестьян против земства в губернии была не безрезультатной. Власти вынуждены были принять срочные меры

по сокращению окладных платежей, ложившихся на крестьян тяжёлым бременем. И начали, в первую очередь, с губернской сметы. Утвержденная на 1915 год губернская смета в сумме 724603 рубля была сокращена до 352777 рублей. Это было сделано в основном за счет народного образования – с 426278 рублей до 112648 рублей, медицины – с 69473 руб. до 55778 руб. [5, с. 124].

Аналогичную работу провели уездные земские управы. При этом было решено закрыть 5 больниц, оставив на уезд лишь 1. В губернском земстве был упразднен агрономический отдел. Было решено прекратить

выдачу содержания призванным в армию по мобилизации, выселить из земских квартир семьи мобилизованных фельдшеров. Обложение на десятину земли уменьшилось по губернии в среднем с 61 копейки до 43 копеек. Главным мотивом к сокращению были тяжелые обстоятельства военного времени и недоброжелательное отношение к земству из-за тяжести обложения.

Таким образом, протесты крестьянства и выступление александрийцев против политики земских учреждений в условиях продолжавшейся войны вынудили власти пойти на уступки и значительно снизить бремя земского обложения.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366.
2. ГАСК. Ф. 852. Оп. 2. Д. 43.
3. ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 33.
4. Журналы третьего очередного Губернского земского собрания. Сессия 1915 года и доклады к ним губернской управы. – Ставрополь, 1916.
5. Земское дело. – 1915. – № 3.
6. Северокавказский край. – 1916. – 22, 27 января.
7. Северокавказский край. – 1916. – 10 февраля.
8. Северокавказский край. – 1916. – 23 января.
9. Северокавказский край. – 1916. – 27 января.
10. Северокавказский край. – 1916. – 6 февраля.
11. Ставропольские губернские ведомости. – 1912. – 14 августа.
12. Судавцов Н. Д. Ставропольское земство (К 100-летию со времени учреждения) // Ставропольский хронограф на 2012 год: краеведческий сб. – Ставрополь: СГКУНБ имени М. Ю. Лермонтова, 2012.

УДК 94(100)»1914/1918»

А.И. Сыч

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье рассматриваются цивилизационные аспекты происхождения и последствий Первой мировой войны, а также её роль в трансформации основ европейской цивилизации в XX веке.

Ключевые слова: Первая мировая война, цивилизационный кризис европейского общества, последствия войны, кризис парламентаризма и либерализма, упадок европоцентризма.

A.I. Sych

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF WORLD WAR I

The article deals with the civilizational aspects of World War I origins and its aftermath as well as its role in the transformation of the foundations of the European civilization in the twentieth century.

Key words: World War I, the civilizational crisis of the European society, war aftermath, the crisis of parliamentarism and liberalism, the decline of Eurocentrism.

Мировая война 1914–1918 гг. началась в лоне европейской цивилизации, будучи, по выражению одного из её современных исследователей, «междоусобной войной цивилизованных наций» [3, с. 643]. Следует подчеркнуть, что она разразилась в то время, когда всё явственнее проявлялись признаки постоянно усиливающегося системного кризиса, охватившего все важнейшие институты и сферы жизни её важнейшего сегмента, а именно западного индустриального общества.

Переход на индустриальную стадию развития был, с одной стороны, выдающимся достижением западной цивилизации, позволившим ей возглавить общественный прогресс в масштабах всей планеты, что и обеспечило ей фактически мировое господство, но, с другой стороны, породил опасные для неё явления и процессы. К последним можно отнести постоянно углубляющуюся имущественную и социально-классовую дифференциацию, порождавшую социально-политическое неравенство, а потому неизбежно обострявшее социальные противоречия и конфликты; превращение национализма, утратившего свой прогрессивный потенциал и демократическую основу, в реакционный феномен;

разрушительную роль индустриализма и порождённого им технократизма и некоторые другие. Все эти процессы и явления начали разрушать фундаментальные гуманистические ценности и духовную основу западного общества, угрожая ему разрушением или перерождением. Мировая война довела этот системный кризис до опасной черты, фактически поставив в повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе западной цивилизации, которая, как тогда казалось многим интеллектуалам, приблизилась к своей гибели.

Одним из первых ощутил катастрофичность начавшего катаклизма известный французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан, который уже в начале августа 1914 г. сделал такую дневниковую запись: «Я опустошён. Хотелось бы умереть. Это ужасно – жить среди этого безумного человечества и бессильно наблюдать разрушение цивилизации. Эта европейская война – самая страшная историческая катастрофа за последние столетия, это крах наших самых святых надежд на человеческое братство» [12, с. 36].

Вызванные войною потрясения воспринимались как своего рода смертный приговор западному миру и прежде всего

Европе, где она началась. Так, Арнольду Тойнби, который был современником войны, она представлялась опытом самоуничтожения Запада. Впрочем, не только ему. Вспомним хотя бы характерные названия книг, появившихся в те годы и оказавшихся в центре общественного внимания: «Трагедия Европы» и «Вырождение Европы» известного политического и общественного деятеля Франческо Нитти, ставшего в июне 1919 г. премьер-министром Италии, или книгу немецкого философа Освальда Шпенглера «Закат Европы», имевшую сенсационный успех. Ощущение тупика, упадка и даже неминуемой гибели цивилизации стали характерной чертой общественного сознания западного общества после Первой мировой. Именно такие настроения сделали популярными произведения Ф. Ницше, который ещё раньше пророчески предсказывал, что западная цивилизация утратила свою творческую силу. Известный писатель Герберт Уэллс образно охарактеризовал состояние послевоенного общества такими словами: «Мир западноевропейских цивилизаций в первые годы после окончания мировой войны напоминал человека, которому очень небрежно сделали жизненно важную хирургическую операцию и который ещё точно не знает, будет он жить или вскоре свалится и умрёт. Это был потрясённый и ошеломлённый мир» [8, с. 884].

Неслучайно также, что именно в то время появились силы (прежде всего фашизм и коммунизм), открыто бросающие вызов существующей общественной системе, отрицавшие либерально-капиталистические ценности и предлагавшие альтернативы западному пути развития, что, в свою очередь, объясняет, почему в период между двумя мировыми войнами «основным содержанием европейской политики сделались попытки слабеющей либеральной демократии выдержать двойственный натиск фашизма и коммунизма» [3, с. 651]. Такая ситуация политико-идеологического противостояния была особенно опасна в обстановке глубокого разочарования, душевной опустошённости и предчувствия новой ката-

строфы. Тот же Шпенглер несколько позже так охарактеризовал послевоенное состояние европейского общества: «Глубокое потрясение большой войной, вырвавшей мир из усыпляющих иллюзий безопасности и прогресса как смысла истории, отчётливее всего обнаруживается в том душевном хаосе, который оставила война. В этом хаосе никто не может разобраться...» [10, с. 177].

Как известно, наиболее общими причинами Первой мировой войны принято считать борьбу имперских амбиций; экономическое соперничество между великими державами; рост милитаризма и национализма; противостояние военно-политических блоков, которые разделили народы Европы на враждебные лагеря; стремление правящих кругов воспользоваться войной, чтобы остановить опасное для них усиление социальной напряжённости в своих странах. Между тем цивилизационная парадигма изучения войны 1914–1918 гг. позволяет рассматривать её не только как борьбу объединённых в военно-политические блоки государств, стремившихся разрешить таким способом возникшие между ними территориальные, колониальные, экономические противоречия, но и как столкновение двух моделей развития европейского общества, дальнейшее сосуществование которых в рамках одной цивилизационной системы оказалось невозможным. Первая модель, которую можно назвать западноевропейской (или либерально-демократической), была представлена Францией, Великобританией и США, вторая – центрально-европейская (или военно-авторитарная, консервативно-монархическая) – Германией и Австро-Венгрией. Фактически этот исторический спор – в несколько преобразованном виде – продолжился и в годы Второй мировой войны.

Таким образом, война, как представляется, была одновременно и порождением, и отражением глобального кризиса западной цивилизации, который стал реальностью на рубеже XIX–XX вв. Более того, сама война, её результаты и последствия представляли собой глубокий цивилизационный

кризис европейского общества. Его ощущали и простые люди, и интеллектуалы. «Мы видим в каждой стране распад, ослабление внутренних уз, вызов основным принципам, упадок веры, ослабление надежд на теструктуры, от которых в конечном итоге зависит существование цивилизованного общества» [7, с. 178], – писал Уинстон Черчилль. А вот мнение известного немецкого писателя и мыслителя Эрнста Юнгера, участника Первой мировой: «Обдумываю, почему чувствовал себя после Первой мировой войны более растерянным, ослабленным, морально раздавленным, чем после Второй, хотя катастрофа последней была в сотни раз более ужасной. Наверно потому, что Первая взорвала наши самые глубокие начала, самый фундамент нашего тогдашнего бытия» [11, s. 51]. Немецкий журналист Оскар Ференбах, много лет возглавлявший влиятельную газету «Штутгартер Цайтунг», свидетельствует: «Было даже ощущение, что причинённые ею раны никогда не заживут до конца. Почему? Да потому, что эта война не только отняла жизни миллионов людей, но и до основания разрушила государственные, общественные и политические структуры, а также основательно подорвала моральные устои» [9, с. 35]. Война, несомненно, была огромным потрясением для европейской морали [14, р. 308].

Первая мировая война в корне отличалась от всех предыдущих войн, причём не только невиданными масштабами, ожесточённостью военных действий, миллионными жертвами, но и своими последствиями, которые не ограничились обычными по окончании войн территориальными переделами, изменением границ, выплатой контрибуций и т. п. Итоги и последствия Первой мировой войны оказались чрезвычайно глубокими и далеко идущими, отразившимися практически на всех сторонах жизни западного общества. Остановимся только на тех из них, воздействие которых на базовые характеристики западного общества проявилось особенно рельефно и имело для него особое значение.

Во время войны в воюющих странах значительно сузилась сфера действия рыночных отношений и невиданных размеров достигло вмешательство государства в сферу производства и распределения, которое часто сопровождалось мерами внеэкономического принуждения. Следствием резкого возрастания роли государства в жизни общества стало разбухание государственного аппарата, многократное увеличение числа чиновников, управленцев, служащих, что, в свою очередь, чрезвычайно усилило их влияние на разработку и реализацию государственной политики. Такую смену роли государства в лице правительства и бюрократического аппарата некоторые историки не без оснований называли «административной революцией» [4, с. 13–15].

Вмешательство государства в экономический процесс и сферу социальных отношений поставило под сомнение утвердившиеся в западном обществе принципы либерализма и буржуазной политической экономии. Вместе с тем государственное управление экономикой, элементы планирования, распределения ресурсов и т. п. имели для правящих классов и побочный эффект, а именно: заметно усилили привлекательность социалистических идей, которые декларируют – в теоретическом плане – подобные принципы и раньше. Кроме того, длительная и жестокая война потребовала создания более эффективного механизма принятия государственных решений и оперативного руководства военно-политическими операциями, чем это могла обеспечить довоенная парламентская система. Поэтому одним из важнейших политических последствий войны стал кризис парламентаризма и либерализма как доктрины и политической практики. Он углублялся также из-за того, что большинство населения воюющих стран, возмущённое огромными жертвами и резким ухудшением своего материального положения во время войны, не без оснований ассоциировала их с теми политическими силами и институтами, которые несли ответственность за развязывание войны. К тому же позиции конституционно-представитель-

ных органов ослабли вследствие расширения полномочий исполнительной власти в лице правительств воюющих стран, которая всё чаще стремилась выступать от имени всего государства. Как известно, во время войны в воюющих государствах было сильно ограничено или вообще свёрнуто функционирование демократических институтов и норм, что, в свою очередь, создавало условия для появления такого феномена, как тоталитаризм.

Глубокое разочарование в традиционных – умеренных и элитарных по своей природе – институтах власти и формах конституционного правления классического либерального образца побуждало людей прибегать к прямым действиям, требовать прямой демократии, рождало стремление к созданию органов прямого народовластия. Эти настроения подпитывались и порождённым мировой войной потенциалом озлобленности, и психологической готовностью немалого числа людей к разрешению возникших перед обществом проблем посредством радикальных методов, вплоть до насильственных [6, с. 109–113]. Об этом с тревогой писал уже упоминавшийся Ф. Нитти: «Микробы ненависти, которые отравили всю европейскую жизнь, понизили культурный уровень молодого поколения и отвлекли его энергию с пути творческих мыслей и стремлений. Ещё немного лет тому назад у молодёжи были благородные идеалы, теперь почти в каждой стране она проповедует идеалы насилия. Подростающее поколение, воспитанное войной, преклоняется больше перед насилием, чем перед справедливостью. Среди миллионов погибших на войне были те, которые жили великими идеалами. Они верили, что сражаются за цивилизацию, они не знали и не могли предвидеть, что Европу наводнит дух варварства» [2, с. 139–140].

В результате либерально-демократические институты западной цивилизации стали мишенью для ожесточённых атак как справа (фашизм), так и слева (коммунизм). И хотя коммунисты и фашисты не менее яростно боролись друг с другом, всё же

подлинная ненависть последних, по словам Осборна, «предназначалась либерально-демократическому парламентаризму – общественному строю, который, по их мнению, позволил слабым повелевать сильными» [3, с. 666]. Поэтому период между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.) стал временем не просто кризиса, но и почти повсеместного краха конституционного либерализма. До конца этого периода представительные собрания (парламенты) были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских стран, и ещё пять прекратили существование в ходе начавшейся Второй мировой войны [3, с. 662]. Процесс разрушения западной цивилизации в межвоенное время происходил такими темпами, что от неё остались только отдельные островки – Великобритания, США, Канада, а общее число демократических стран в мире сократилось с 33-х в начале 1920-х гг. до 11-ти в начале 1940-х гг.

Обострившийся в результате войны кризис парламентаризма и либерализма происходил на фоне политической социализации широких слоёв населения, а расширение электората (в том числе за счёт предоставления избирательного права женщинам) стало заметно влиять на содержание и ход политической жизни. Война усилила процессы внутренней миграции и социальной мобильности населения, резко ослабила сословные различия, обусловила появление значительных маргинальных социальных групп, которые стали играть заметную и далеко неоднозначную роль в формировании политической атмосферы и морального состояния послевоенного общества.

Большие и неоднозначные изменения произошли в общественной морали, в настроениях и поведении людей [5, с. 62–70]. Ф. Нитти оценивал их однозначно негативно, когда писал, что «Европа не только лишена моральных устоев, но настолько далеко отброшена назад от Европы, каковой она была сто лет назад..., что не можешь даже понять, как стало возможно такое вырождение.... Европа сделала шаг назад на пути цивилизации» [2, с. 15]. Не углубляясь

в анализ проблемы: чего было больше в этих изменениях – позитивного или негативного, констатируем лишь очевидный факт – морально-этические установки западного общества разительно отличались от таковых в довоенное время.

Война привела не только к невиданным человеческим жертвам и страданиям и огромным материальным потерям, но и разрушила одну из главных интеллектуальных основ, на которых, как считалось, зиждилась западная цивилизация на протяжении предшествующих четырёх столетий истории, – веру в могущество человеческого разума и основанную на ней веру в прогресс. После войны ощущение безысходности и даже отчаяния заменили наивную веру людей в дальнейший прогресс западной цивилизации. «Преобладающим ощущением межвоенных лет, выразившимся в большинстве значимых произведений культуры, было ощущение утраты системы координат» [3, с. 658–659], – справедливо заметил Роджер Осборн, автор интересного исследования, посвящённого западной цивилизации.

Среди многочисленных геополитических изменений, вызванных войной, одним из наиболее важных стал начавшийся упадок ведущей роли собственно европейской (которая была ядром западной) цивилизации, что стало явлением, безусловно, эпохального значения. Это резко ослабило позиции европоцентризма, определявшего направление цивилизационной эволюции мира в предыдущие несколько веков. Тот же Р. Осборн пишет: «Первая мировая положила конец вере европейских наций в своё богоданное превосходство и «естественный» прогресс; также она показала безосновательность присвоения ими морального права повелевать другими...» [3, с. 643]. Известный британский историк Джон Киган сформулировал этот тезис в нескольких сло-

вах: «Европа перестала существовать как центр мировой цивилизации» [1, с. 551].

После войны отмеченные явления в основном сохранились, что свидетельствовало об их не временном, порождённом чрезвычайными обстоятельствами, т. е. мировой войной, характере, а о закономерном, объективно обусловленном происхождении.

Итоги и последствия Первой мировой войны обусловили глубинные изменения фактически во всех компонентах тогдашнего общества и определили главные тенденции его развития, по крайней мере, в первой половине XX ст. Автор популярной книги по истории западной цивилизации Дж. Шпильфогель писал: «Первая мировая война была определяющим событием XX столетия. Она разрушила довоенный экономический, социальный и политический строй Европы, в то время как её сомнительные результаты подготовили путь для ещё более разрушительной войны» [13, р. 886]. А известный американский дипломат Джордж Кеннан в своих мемуарах вообще пришёл к выводу, что в контексте XX века Первую мировую вообще «нужно рассматривать, как рассматривают её многие думающие люди – в качестве «зародышевой» катастрофы этого столетия, которое в итоге привело западную цивилизацию к упадку» [9, с. 40].

И последний существенный момент. Первая мировая война и её последствия инициировали процессы, которые привели в середине XX века к существенной, а в ряде аспектов и сущностной трансформации западного общества (и капитализма как его социально-экономической составляющей). Всё это даёт основания рассматривать войну 1914–1918 гг. не просто как ещё невиданную до этого в истории, действительно мировую войну, но и как феномен цивилизационного значения.

Литература

1. Киган Д. Первая мировая война. – М.: АСТ, 2002.
2. Нитти Ф. Выходение Европы. – Москва-Петроград: Издательство Л.Д. Френкель, 1923.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / пер. с англ. – М. Колопотина. – М.: АСТ: Хранитель, 2008.

4. Сич О. Історія західного суспільства в міжвоєнний період (1919–1939 рр.): Навчальний посібник. – Чернівці: Наші книги, 2008.
5. Сич О.І. На зламі двох епох (до питання про зміни в суспільній свідомості після Першої світової війни) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтва. – 2001. – № 4.
6. Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. – 2001. – № 11–12.
7. Уткин Ан. Уинстон Черчилль. – М.: Эксмо, 2002.
8. Уэлмс Г. Очерки истории цивилизации. – М.: Эксмо, 2004.
9. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. – М.: Аграф, 2001.
10. Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
11. Kałużyński Z. Jak zaczął się wiek XX // Polityka. – № 15. – 1999. – 15 kwietnia.
12. Rolland R. Das Gewissen Europas. Tagebuch der Kriegsjahre 1914–1919. Aufzeichnungen und Dokumente zur Moralgeschichte Europas in jener Zeit. Band I. Juli 1914 bis November 1915. – Berlin, 1983.
13. Spielvogel J. J. Western Civilization. – Vol. 2. Since 1600. 3rd ed-n. – Minneapolis et al., 1997.
14. Stearns P. N. European Society in Upheaval. Social History Since 1800. – London, 1970.

УДК 94(47).083:002.2

Т.И.Толчинская

ИСТОКИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕЧАТНЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье автор попытался обосновать точку зрения о том, что именно в начале XX века печать стала целенаправленно использоваться для формирования общественного мнения.

Ключевые слова: печать, общественное мнение, коммуникация, агитация, пропаганда, агентство печати, социально-политические условия.

T.I. Tolchinskaya

THE ORIGINS AND CIRCUMSTANCES OF TRANSFORMATION OF PRESS BODIES INTO A SINGLE MECHANISM OF PUBLIC OPINION FORMATION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

In the article the author has tried to justify the point of view that it was in the early twentieth century that the press started to get used for the formation of public opinion.

Key words: the press, public opinion, communication, agitation, propaganda, press Agency, socio-political conditions.

В начале XX века, когда окончательно сложились печатные средства передачи информации, стала возможной идея массовой манипуляции читательской аудиторией. Информация стала не привилегией меньшинства, а бытовым содержанием широкой общественности. Таким образом, изменилась политическая коммуникация,

у которой появились новые средства, а соответственно, и цели. Массовая политическая коммуникация стала транслятором всей информационной среды общества, а средства массовой информации – важнейшим политическим инструментом.

Как показывает история развития отношений между властью и обществом, перед

отечественными печатными средствами массовой информации сначала самодержавным правительством, а затем и пришедшим ему на смену партийно-советским руководством ставилась задача воздействия словом на общественное сознание. Во времена Советского Союза пристальный взор к общественному сознанию, его постоянный учет были одной из характерных черт политики КПСС. Современная российская медиареальность свидетельствует о том, что и сегодня некоторые российские СМИ продолжают претендовать на роль манипулятора общественным мнением.

Интересен вопрос создания системы управления общественным мнением, деятельность которой была сопряжена с опасностью компрометации самой власти и ее начинаний. Региональный аспект развития рассматриваемой проблемы на фоне общероссийских событий исследуемого периода дает возможность не только повысить степень объективности и приблизиться к реалиям выделенного времени, но и показать их в плоскости восприятия обществом, воссоздать масштабность и конкретизировать последствия.

Первые труды по данной теме были изданы в дореволюционной России, когда закладывались основы работы отечественной печати, а патриотическое воспитание населения являлось их ключевой задачей. Они, как правило, отличались объективностью и достаточно реально отражали состояние проблемы, хотя и не содержали глубокого анализа политики правительства в сфере печати и механизмов ее реализации. В основном наблюдалась констатация принимавшихся мер, в том числе на региональном уровне. Труды, вышедшие в советский период, отличались тематическим разнообразием, хотя и освещали интересующую нас проблему, а также закономерности развития советского общества исключительно с партийных позиций. Современный период изучения влияния печати на массовое сознание связан, прежде всего, с теми преобразованиями, которые произошли в нашей стране в начале 1990-х годов. Изме-

нившиеся социально-политические условия позволили ученым расширить круг изучаемых проблем, привлечь ранее недоступные для анализа источники, обогатить методологическую базу исследований.

В начале XX столетия, прежде всего, военные теоретики рассматривали сотрудничество с прессой как механизм воспитания духа армии и поддержания ее боеготовности. В последующий исторический период возможность воздействия на общественное мнение через печать перешла в плоскость политики и стала активно использоваться в борьбе за власть. Одержавшие победу большевики не только активно использовали накопленный опыт взаимодействия с прессой, но и значительно расширили ее общественно-политический потенциал.

Следует отметить, что в европейских государствах вопрос о распределении информации был отрегулирован еще в первой половине XIX века, тогда как в России положение дел с органами печати находилось на очень низком уровне. Во Франции, например, агентство печати действовало с 1835 года, английское «Рейтер» было создано в 1851 году, а к концу столетия газеты и журналы ведущих стран Европы получали из этих органов порядка 90 % информации для своих выпусков и полностью материалы о важнейших событиях в международной жизни [5, с. 90–91]. Вполне естественно, что правительства разных стран стремились подчинить печатные агентства своему влиянию, интересам государства. Чаще всего это им удавалось, потому что во главу угла ставились национальные интересы. Особенно в периоды обострения социально-политической обстановки на международной арене агентства печати начинали массированную обработку общественного мнения, изо дня в день распространяя выгодную государству информацию, и тем самым убеждая и настраивая читателей на соответствующую реакцию. Так было, например, во всех странах-участницах Первой мировой войны перед началом боевых действий. При этом средства массовой информации не утруждали себя доказательствами, они

просто использовали психологическое давление на аудиторию. По этому поводу известный исследователь германской прессы П. Эльтцбахер указывал на необходимость «внушить читателю убеждение в том, что мысли, которые хотят вложить в его голову, еще раньше родились у него самого... При этом надо иметь в виду легковерие масс. Нет на свете ничего столь невероятного, чему нельзя было бы заставить поверить массы... Подвести массы к ложному выводу очень легко. Одно из средств для этого – публикация информации из сомнительного источника» [1, р. 120–130]. Специалисты в области формирования общественного мнения постоянно подчеркивали, что для достижения успеха все публикации должны быть, в первую очередь, нацелены на повышение авторитета правительства. Важна также и переориентация деятельности прессы. Указанный выше П. Эльтцбахер указывал, что перед началом войны пресса Германии имела «не менее важное значение, чем ее армия и флот, ее сельское хозяйство и промышленность, ее транспорт и ее финансы» [1, р. 233].

В этом смысле весьма полезным для всех участников международных событий в начале XX столетия, в том числе и для России, оказался опыт Японии, которая довольно успешно манипулировала своими информационными ресурсами, вводя в заблуждение противоборствующую сторону и одновременно оказывая позитивное для себя влияние на мировое общественное мнение.

К концу русско-японской войны представители российского военного командования пришли к выводу о том, что запретительные цензурные меры не всегда способствуют успеху, они выразили мнение о том, что «... меры цензуры должны... составлять такую же естественную принадлежность борьбы, как щит в древнем вооружении воина и как зарывание в землю и маскировка во всех видах боевой обстановки – в войнах настоящего времени» [4, с. 453]. Примечательно, что сами русские цензоры говорили о том, что цензура существенно облегчается в войне, «подготовлен-

ной в умах населения и армии», что только при условии единения народа и армии может сохраняться терпимость в отношении цензурных мер [4, с. 453–454].

Именно после окончания русско-японской войны в России силами ее участников из числа высшего командного состава был обобщен опыт фронтовой практики. В результате появились теоретические труды, в которых рассматривались государственные вопросы организации военных действий регулярной армии. Не в последнюю очередь к ним относилось и информационное сопровождение военных операций. Известный российский военный теоретик А.А. Незнамов, например, боевые успехи связывал не только с мерами политического и финансового характера, но и подготовкой общественного мнения.

Опыт Первой мировой войны показал, что по форме информационное воздействие на массовое сознание населения своей страны должно быть открытым и доступным. В противном случае, может возникнуть подозрительность и недоверие не только к информации, но и ее источникам, а также средствам распространения. Кроме того, и источники, и средства распространения информации должны находиться под постоянным государственным контролем, утрата которого чревата развитием негативных тенденций в сфере организации работы печати. В ходе войны четко определились три основных способа воздействия печатных органов на массовое сознание: информирование, агитация и пропаганда. При этом важно, чтобы подбор информации осуществлялся в соответствии с целями ее применения. Это означает, что этот процесс тесно связан с политической стратегией субъекта, иницирующего воздействие на массовое сознание (в данном случае государства). Иными словами, информирование не должно было ограничиваться простой передачей сведений, для достижения большего эффекта перед публикацией их нужно было анализировать и обобщать. Причем успех гарантировали не объемы информации, а частота обращения средств

печати к какой-либо определенной теме. Будучи постоянно на слуху, она с большей ответственностью и адекватно целям ее распространения воспринималась массовым сознанием. Важным моментом являлась своевременность подачи информации, т. е. представление ее именно в тот момент, когда общество не только готово к ее восприятию, но и ожидает появления в прессе соответствующих материалов.

Что касается агитации, то этот способ воздействия на массовое сознание формируется на основе информации и направлен на возбуждение интереса в обществе к какому-либо конкретному вопросу или его составной части, которая приобретает на определенном отрезке времени важное значение. Агитация для своего успеха, наряду с убедительностью и логичностью, требует настойчивости и подтверждения достоверности той информации, на которой она базируется. В таком же подходе нуждается и пропаганда, которая отличается от агитации масштабом, расширенным, более глубоким представлением в обществе идей или мнений. На начальном этапе агитация и пропаганда делились на множество тематических направлений, например, отдельно говорилось о военной, политической, экономической агитации и т. п. Однако в рассматриваемом ракурсе, когда речь идет о заинтересованности государства в утверждении в общественном мнении своих идеологических посылок, агитация и пропаганда должны охватывать все области одновременно.

Применительно к России очень точно подходят слова полковника В. Николаи, возглавлявшего разведывательную службу кайзеровской Германии во время Первой мировой войны, хотя эти слова были сказаны в отношении Германии. Он подметил, что в правительстве и военном руководстве «... очень многие занимались тактикой печати, но стратегией печати не занимался никто» [2, с. 167].

Наступивший 1917 год ознаменовал собой не только коренную ломку устоев российской государственности, но, прежде всего, кардинальное переустройство институтов

ее эволюции. Пришедшее к власти Временное правительство в числе первоочередных мер провозгласило свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек [9, с. 220–221], 26 апреля 1917 года оно утвердило закон о печати, в котором подчеркивалось, что «печать и торговля произведениями печати свободны. Наказания за нарушения правил о печати, а равно за преступления, совершенные путем печати, налагаются не иначе как по суду. Никакие меры, направленные к задержанию, аресту и изъятию из обращения произведений печати, до судебного о том приговора по существу предъявленного обвинения, не допускаются» [3].

В первую очередь, деятельность прессы была направлена в армейскую среду, где практически беспрепятственно распространялось большое количество журналов и газет, в том числе и тех, которые ранее находились под запретом. В этих целях различными политическими партиями были созданы специальные военные бюро, кроме того, появилось множество культурно-просветительных организаций и общественных движений. При этом правительство не упускало из своих рук рычаги управления печатью, финансирование средств массовой информации в большинстве случаев осуществлялось через резервные военные фонды, которые возглавляли высокопоставленные военные чиновники. Так, по данным А. Деникина, только армии Юго-западного фронта было выделено на развитие военной печати 100000 рублей [6, с. 102].

Большевики после прихода к власти также не стали откладывать утверждение политической стратегии в отношении использования печати. Соответствующий декрет был подписан уже 9 ноября 1917 года. В нем, в частности, отмечалось, что «в критический момент, когда новая власть только упрочивается, невозможно было оставить это оружие целиком в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы» [7, с. 52].

В среде гражданского населения по территориальному принципу назначались комиссары по делам печати, которым было

дано право разрешать или запрещать выпуск печатных изданий. Вместе с комиссарами по типографиям они входили в состав отделов по делам печати и информации до тех пор, пока 19 мая 1919 года не было создано государственное издательство, взявшее на себя контроль над деятельностью всех печатных органов [11].

В то же время большевики коренным образом изменили подходы к организации агитационно-пропагандистской деятельности в войсках. Теперь руководство этой сферой осуществлялось не по территориальному принципу, как это было раньше, эту функцию выполнял центральный политический аппарат. Организационно-агитационный отдел был создан в составе Всероссийской коллегии по организации Красной Армии [12].

Нужно отметить особенность развития газетной периодики России в годы революции и гражданской войны. Она заключалась, прежде всего, в том, что, несмотря на репрессии белых и красных властей, осуществить монополизацию газетного дела в полной мере не удавалось, и оппозиционные газеты продолжали выходить. Этому, в первую очередь, способствовало сопротивление журналистов. Редакторы возобновляли издания под другими названиями, пользовались искусным подбором информации и всякого рода оговорками. Издания переводились с дневных выпусков на вечерние, менялась периодичность выхода газет. Со страниц газетной прессы убиралось указание на принадлежность к политическому направлению. Газеты называли себя «народными», «демократическими» и т. п. Например, на территории советской России официальный орган кадетов – газета «Речь» – неоднократно меняла название и продолжала выходить. Она называлась: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Наш век», «Новая речь». Часто менял название и орган правых эсеров «Дело». Он назывался и «Дело народное», и «Дело народов» и т. п. А центральный орган ЦК РСДРП (объединенной) «Рабочая газета» с 21 по 30 ноября 1917 года выходил под названиями: «Луч», «Заря», «Клич», «Пламя», «Факел».

Газета «День», выражавшая взгляды крайне правых групп меньшевиков-оборонцев, с октября 1917 по май 1918 года имела несколько названий: «Новый день», «Ночь», «Полночь», «Грядущий день», «В глухую ночь».

Это касалось и региональных изданий. Например, на Ставрополье газета «Ставропольские губернские ведомости», которая выпускалась с января 1850 года, в течение первых трех лет после революции сменила несколько названий. В этот период она называлась: «Известия Ставропольского губернского комитета общественной безопасности», «Известия Ставропольского губернского комитета общественных организаций», «Ставропольский вестник», «Ставропольские ведомости». Наконец, в 1919 году она вновь была зарегистрирована под названием «Ставропольские губернские ведомости». Однако в феврале 1920 года газета была запрещена как печатный орган контрреволюции [2; 8; 9].

Тем не менее пресса оказалась очень приспособленной к резким изменениям обстановки в том или ином регионе страны. Несмотря на постоянные репрессии белых правительств против газет социалистического направления, они продолжали существовать, а в ряде случаев их количество даже увеличивалось.

Общественно-политическая жизнь страны в 1900–1930-х годах полна драматизма, насыщена неопределенностью, реформами и поиском путей построения общества достатка и благоденствия. Ее изучение помогает понять сущность происходившего, определить содержание внутренней политики, а заодно и характер государственной власти. Информационно-пропагандистская деятельность печати – это отражение концептуальной политической стратегии любого государства. Сегодня эта сфера деятельности в России находится в кризисном состоянии. Если в советский период развития страны наблюдалась одна крайность: пропаганда строилась и реализовывалась по законам доминирующей идеологии, то сегодня налицо другая – она расчленена на множество

направлений, форм и методов, равное количеству активных политических партий и движений. Ни то, ни другое положение не отвечает потребностям цивилизованного общества. Информационно-пропагандист-

ская деятельность, на наш взгляд, должна быть государственной, т. е. отвечающей интересам общества, но внепартийной и в то же время обладающей могучим мобилизующим потенциалом.

Литература

1. Eltzbacher P. *Die PressealsWerkzeug der auswärtigen Politik*. – Jena, 1918.
1. Nicolai W. *Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmungim Weltkrieg*. – Berlin, 1920.
2. Беликов Г. Дорога из минувшего. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1991.
3. Вестник Временного правительства. – 1917. – 27 апреля.
4. Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2-х ч. Ч. 1. – СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2003.
5. Гейдорн Г. Монополии, пресса, война. – М.: Прогресс, 1964.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1990. № 9.
7. История Советской Конституции. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.
8. Кудряшова С. По страницам «Ставропольских губернских ведомостей»: к 150-летию газеты. Архивные материалы // Ставропольские губернские ведомости. – 1999. – 12 ноября.
9. Леденев А. Откуда «Ведомости» есть – пошли // Ставропольские губернские ведомости. – 1999. – 16 апреля.
10. Падение царского режима. Том 1 (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства). – М.: Госиздат, 1924.
11. Центральный музей Вооруженных сил. Гражданская война (1918–1922 гг.). Инв. № 4/38047.
12. Центральный музей Вооруженных сил. Инв. № 4/16260.

УДК 294.321

А.А.Фокин, Р.В. Нутрихин**ИСТОРИЧЕСКАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА У КАЛМЫКОВ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье рассматриваются научные проблемы исторического соответствия буддизма российских калмыков конца XIX – начала XX века тибетскому оригиналу данного вероучения, а также религиозные связи калмыцкой буддийской общины (сангхи) с духовным центром ламаизма в Лхасе. Данные аспекты тибетского буддизма (ламаиз-

ма) исследованы в контексте дореволюционной культуры Ставропольской губернии. Показано влияние этой религии в провинциальной культуре на примере публикаций в газете «Северный Кавказ» и экспозиции музея в Ставрополе.

Ключевые слова: религия, тибетский буддизм, ламаизм, калмыки, Северный Кавказ.

A.A. Fokin, R.V. Nutrichin**HISTORICAL AUTHENTICITY OF THE TIBETAN BUDDHISM AMONG KALMYKS
OF STAVROPOL PROVINCE**

The article deals with the scientific problem of historic conformity of the Buddhism of the Russian Kalmyks at the end of XIX – the beginning of the XX century with the Tibetan original of this dogma, as well as religious links of the Kalmyk Buddhist community (Sangha) with the spiritual center of Lamaism in Lhasa. The aspects of the Tibetan Buddhism (Lamaism) are

examined within the context of pre-revolutionary culture of Stavropol province. The authors show the influence of this religion on provincial culture on the example of publications in the newspaper “The North Caucasus” and the exposition in the Stavropol Museum.

Key words: religion, Tibetan Buddhism, Lamaism, Kalmyks, the North Caucasus.

Одной из самых интригующих загадок в истории Ставрополя является распространение на его территории такого, казалось бы, далекого – как в географическом, так и в культурном отношении – тибетского буддизма. История Ставропольской губернии с незапамятных времен связана с калмыками. А они, в свою очередь, являются давними и наиболее близкими к Ставрополю приверженцами тибетского буддизма.

Еще в 1722 году, когда русский царь Петр I во главе большого войска пришел на Северный Кавказ, к нему в качестве союзника примкнул калмыцкий тайша Аюка, чем надолго расположил русское правительство к своему народу. Между тем, уже тогда калмыки были не только последовательными исповедниками буддийской веры, но и поддерживали тесную связь с Лхасой – главным религиозным центром тибетского буддизма. В частности, С. В. Фарфоровский отмечал,

что «тайша Аюк правил пятьдесят лет, получив от Далай-ламы титул хана» [7, с.73].

На важность для калмыков духовной связи с Лхасой указывал и знаменитый польский граф Ян Потоцкий, который побывал в «калмыцкой орде» во время экспедиции по Северному Кавказу. В своем путевом дневнике 1797 года Потоцкий пишет: «Авторитет Далай-ламы настолько велик среди монголов и калмыков, что их князья или ханы при восхождении на трон отправляют к нему посланников с богатыми дарами. Они также часто отправляют к нему прах своих предшественников, чтобы получить конфирмацию и благословение. Калмыцкие ханы, находящиеся под покровительством России, отправляли своих посланников секретно. Однако несколько раз им разрешали посылать их от Сибири» [6, с. 37].

В 1860 году из Астраханской губернии в состав Ставропольской перешел один из калмыцких улусов – Больше-Дербетовский.

К началу XX века, по данным С.В. Фарфоровского, в Ставропольской губернии на землях Больше-Дербетовского улуса «надел ламайского духовенства» составлял 3765 десятин, что равнялось по величине наделу земельной собственности всего калмыцкого дворянства. Кроме того, на Ставрополье имелось «два больших и три малых хурула и при них до 180 человек духовенства под начальством бакшей (из которых один старший). Духовенство ламайское, – писал ученый в 1908 году, – состоит из 26 гелюнгов, 23 гецулей, 21 манджика. При хурулах состоит до 180 учеников» [7, с. 84, 88]. Тибетский буддизм, стало быть, процветал в этой части Ставрополя.

Насколько же калмыцкая религия соответствовала ее тибетскому оригиналу? Тот же С.В. Фарфоровский оценивал их связь скептически: «В религиозном отношении калмыки придерживаются ламайского вероучения... Ламаизм калмыков является видоизменением буддизма. Секта эта основана реформатором Цгонкавою. Ламайское духовенство в России, удаленное от Тибета и почти не имеющее общения с главой религии Далай-ламой, изменило не только религиозную обрядность, но даже догматическую и каноническую сторону вероучения» [7, с. 87–88].

Трудно согласиться с выводами С.В. Фарфоровского, поскольку «ламаизм калмыков» никогда не был «видоизменением буддизма». Во всех странах, где распространена эта религия, она приобретает свой неповторимый, местный колорит и особую национальную окраску. Буддизм сравнивают с алмазом, который всегда окрашивается в цвет той поверхности, на которую он положен. Индийский, тайский, китайский, тибетский и многие другие национальные формы буддизма весьма между собой различны. Но каждая из них сама по себе вполне самодостаточна.

Подчеркиваемый Фарфоровским отрыв калмыцкого буддизма от своих тибетских корней не соответствовал действительности. Иначе этот вопрос освещался в 1902 году ставропольской газетой «Се-

верный Кавказ». В статье «Современное положение калмыцкого духовенства» отмечалось: «Ламаизм калмыцкий, которому до сих пор еще не посвящено специального исследования, по существу не отличается от монгольского, как и утверждает профессор Позднеев в предисловии к своему сочинению «Очерки быта буддийских монастырей». Приходится встречать мнение, что калмыки уже значительно забыли свою религию, что она во многом отличается у них от буддизма монголов. Мнение это совершенно неправильно. Правда, калмыки не имеют у себя хутухт или живых воплощений Боддисатв, но что же это значит? Они совершают те же самые обряды перед кумирами Будд и Боддисатв. У калмыков нет четырехсаженных кумиров Майдери, какие мы находим в Урге или Гусино-озерском дацане, но не все ли равно для существа религии, будет ли бурхан измеряться вершком или саженью? В последнее время калмыцкое духовенство религиозные указания непосредственно получает из Тибета. Фактами служат путешествие в Тибет из астраханских калмыков бакши База Менкеджеева и бакши Власовской станицы донских калмыков Бакбушова и других» [5, с. 2]. Из всего этого следует, что религиозная связь российских калмыков с тибетской Лхасой, которая отмечалась историками еще в XVIII столетии, не прерывалась и в начале XX века. Сегодня, благодаря этой связи, у калмыков появляется традиция лам-перерожденцев. Нынешний Шаджин-лама – верховный лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче – признан Его Святейшеством XIV Далай-ламой реинкарнацией великого буддийского святого Тилопы.

В чем прав был С.В. Фарфоровский, так это в том, что историческим основоположником буддийской школы, к которой принадлежали ставропольские калмыки, являлся знаменитый тибетский святой XIV века Цзонхава. На калмыцких территориях Ставропольской губернии господствовала основанная им духовная линия Гелугпа (или «школа желтых шапок»), которая и по сей день остается доминирующей в традиционной буддийской сангхе России.

«Цгонкава, – писал Фарфоровский, – составил свое учение из целого ряда исповеданий тибетско-буддийских сект. Догматика Цгонкавы признается всеми буддийско-тибетскими сектами, которые отличаются между собою своими ритуалами... Цгонкава, изучив все, чему только в его время можно было научиться, не мог не видеть в грубых и наглых проделках шаманства жалкого состояния веры и народа. Он остановился на мысли, что человек может возвыситься, когда ему будет указан путь, по которому он должен следовать в этом мире, – путь обетов. «Если кто болен, – говорит Цгонкава, – то, желая избавиться от болезни, принимает лекарство. Почему же мы, испытывая болезнь мирских сует, не можем излечиться от них путем обетов?» Вот почему исполнение обетов, как выражение доброй воли, есть нравственное лекарство» [7, с. 88–90].

Догматика Цзонхавы исповедовалась этническими буддистами дореволюционной России весьма строго, без каких-либо заметных отклонений от тибетского оригинала этого вероучения. У калмыков Ставропольской губернии тибетский буддизм действительно был чрезвычайно развит. Он представлял собой довольно сложную систему религиозных доктрин, обрядов и духовных иерархий, которые в главных своих чертах ни в чем не расходились с буддизмом в самом Тибете.

Иерархия калмыцкого духовенства не отличалась от монгольской, а, следовательно, – и от той, что процветала тогда в тибетской Лхасе. Причем в Ставропольской губернии и сопредельных с нею областях, населенных калмыками, эта духовная иерархия соответствовала высоким тибето-монгольским образцам не только по форме, но и по содержанию, так как продвижение в ней здесь тоже предполагало качественное постижение большого объема разных знаний по тибетскому буддизму.

«Гелюн, удостоенный официального звания «штатного манчижа», – сообщала ставропольская газета, – обязан усвоить следующие богословские сочинения в пространных переводах: 1) двенадцать томов Дол-ва (закона духовной дисципли-

ны – санскрит. Виная Питака – под названиями: «Шил», «Лавжад-Дарду», «Намсалрамэ» и так далее; 2) восемнадцать томов сочинения Занкавы; 3) тома сочинений 5-го Далай-ламы Галсон-Джамцо – исторических, философских, этических (санскрит. Тант-тры – тайные изречения); 4) сочинения Джанджа Хатухту, семь томов – общие литературные произведения – шаштарин аймак; 5) сочинения Гаван Чандени, семь томов, излагающие правила посвящения в духовные саны, обрядов освящения вообще, правила устройства монастырей, правила иконописи и прочее; 6) медицинские сочинения: а) Зави-джюд, б) Шаби-джюд, в) Монгак-джюд, г) Чима-джюд, Лзонтаб, д) Дждю-нигнор; е) все комментарии к ним» [5, с. 3]. Столь солидное наполнение религиозного образования у российских калмыков до революции говорит о полной аутентичности местного буддизма канонам тибетской традиции, не оставляя никакой возможности для его серьезного отклонения от азиатских стандартов ни в вопросах вероучения, ни в ритуальной практике.

Основы буддийской веры ставропольских калмыков в начале XX века прекрасно изложил краевед С.В. Фарфоровский: «Ламаизм калмыков признает миры духовный (нирвана) и материальный (сансара) и сущность обоих их объединяет в понятии пустоты, конечной по отношению к миру материальному и бесконечной по отношению к миру духовному. Все предметы мира материального пусты по своей сущности, не вечны, подвержены изменениям и разрушению, а внешние формы их призрачны и обманчивы. Характерной чертой всего материального мира является мучение. Мир духовный или нирвана непостижима формам человеческого мышления, ибо сам свободен от всяких форм» [7, с. 88]. Удивительнее всего то, что это возвышенное учение, впервые проповеданное две с половиной тысячи лет назад в Индии Буддой Шакьямуни, столь полно дошло до Ставропольской губернии и на заре XX века исповедовалось здешними калмыками в его незамутненной чистоте!

Просто дух захватывает от мысли о том, что в ставропольских степях, среди войлочных кибиток кочевников и скотоводов, чьи житейские заботы редко выходили за рамки разведения овец и лошадей, приготовления нехитрых продуктов и ремесленных изделий, а также торговли всем этим, – что среди этих потомков воинственных орд Чингисхана, которых местное епархиальное начальство безуспешно пыталось обратить в православие, на протяжении стольких лет процветала традиция тибетского буддизма, учившая благородным истинам о космосе и пустоте, об иллюзорности внешних форм и смысле жизни.

Безусловно, все сказанное С.В. Фарфоровским о калмыцком религиозном укладе на Ставрополье касалось и всех остальных российских калмыков. Региональный акцент, сделанный в данной статье, обусловлен краеведческим характером настоящего исследования и спецификой используемого нами сугубо ставропольского исторического материала.

Рядом с вероучением ставропольских калмыков, которое, как видно, практически ничем не отличалось от чистейших форм тибетского буддизма, исповедываемых в те времена в самой Лхасе, в самом тесном соседстве стоит еще и практика религиозных ритуалов. И она тоже буквально до мелочей совпадала с храмовыми действиями, которые можно было наблюдать в буддийских монастырях на заснеженных вершинах и в предгорьях Тибета. Тесные контакты ставропольских калмыков с Лхасой касались даже получения оттуда предметов богослужебной утвари.

Итак, буддизм в Больше-Дербетовском улусе Ставропольской губернии соответствовал всем традиционным тибетским канонам. Географическая близость приверженцев буддийского вероучения не могла не сказаться и на культуре самого губернского города Ставрополя-Кавказского, где в начале XX века наблюдался большой интерес к буддизму [9, с. 238–242]. Особенно ярко это проявилось в творчестве ставропольского писателя Ильи Сургучева, который учился на восточном факультете

Петербургского университета и знал о буддизме отнюдь не понаслышке [8, с. 120–129]. Об интересе ставропольской публики к буддизму можно судить и по сообщениям местной прессы.

Так, например, в 1902 году ставропольская газета «Северный Кавказ» в рубрике «Заграничная жизнь» напечатала такую любопытную заметку: «Буддийская библия. Наши соседи монголы, по словам «Восточного Обозрения», придумали издать нечто необыкновенное, грандиозное, дорогостоящее, внушающее страх и твердую веру в буддизм. Один из халхаских князей западной части Монголии, по имени Саин-Наин-Хан, в местности Хукшин Тэли, издает одно из сочинений Будды – Ганжур. Издание это будет замечательно тем, что оно будет написано по черной толстой бумаге девятью, имеющими символическое значение красками, а именно: золотом, медью, железом, жемчугом, налитом (синий камень), луном (белые раковины), аю (зеленый камень), серебром и кораллом. Все издание будет состоять из 108 томов по 360 листов в каждом томе, длина листа один аршин, ширина – шесть вершков. Вес в деревянных папках будет равняться двумстам пудам. Перепиской, приготовлением бумаги и красок занято в настоящее время сорок восемь человек. Со временем число переписчиков должно увеличиться. При успешной работе труд этот будет окончен не ранее, как через пять лет. Стоимость издания, не считая работ по переписке, обойдется до 20'000 лан, что составит на кредиты, по теперешнему курсу серебра, до 250'000 рублей. Средства для этого – пожертвования» [1, с. 4].

Понятно, что интерес ставропольской читающей публики к подобным темам во многом был вызван тем фактом, что в населении губернии немалую долю составляли калмыки-буддисты. Их вера и уклад жизни, конечно, вызывали неподдельное любопытство в Ставрополе.

В 1902 году губернская газета опубликовала еще одно знаковое сообщение в том же духе – о планах строительства в российской столице святилища для буддистов: «Буд-

дийский храм в Петербурге. В Петербурге сооружается буддийский храм для китайского идолослужения. Место для этого языческого капища избрано вблизи Таврического сада. Закладка здания состоится с подобающе торжественностью по прибытии нового китайского посланника. По слухам, князь Ухтомский, редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей», жертвует для этого храма великолепную бронзовую статую Будды и, кроме того, целую коллекцию маленьких Будд с четырьмя, пятью и даже восьмью руками. На Парижской выставке эти боги князя Ухтомского производили фурор» [2, с. 3].

И это далеко не единственные заметки о буддизме, появлявшиеся в начале XX века на страницах ставропольских газет. Данной теме уделяли внимание не только журналисты, но и историки. В Музее Северного Кавказа, который создал Г.Н. Прозрителев, калмыкам и их религии была посвящена отдельная экспозиция. До нас дошли ее дореволюционные фотоснимки и скупое описание: «За стеклами выставлен калмыцкий хурул с полной обстановкой и священнослужителями. «Что же кал-

мыки не молятся и в трубу не трубят? Знать, нас перепугались», – острит молодой солдатик с рукой на перевязке» [4, с. 67].

В советские времена буддийская экспозиция из Ставропольского краеведческого музея исчезла и была восстановлена лишь в 90-е годы прошлого века. Сегодня в ней выставлены уникальные бронзовые статуи Будд, наполненные святынями, которые из Больше-Дербетовского улуса привез сам Прозрителев. Есть там и замечательные фотографии, и свитки с буддийскими мантрами, и хурульные музыкальные инструменты, но самое главное – трехметровая, вышитая шелком калмыцкая тханка Зеленой Тары.

Все эти вещи являются яркими свидетельствами того, что когда-то тибетский буддизм пустил глубокие корни в Ставропольской губернии, сделавшись одним из самых загадочных и притягательных явлений в ее культуре, роднящим ее провинциальное бытие с эзотерическими доктринами Страны Снегов, с ее великими духовными достижениями и мистическими практиками.

Литература

1. Буддийская библия (Заграничная жизнь) // Северный Кавказ. – 1902. – №77. – 29 июня.
2. Буддийский храм в Петербурге (По России) // Северный Кавказ. – 1902. – № 79. – 4 июля.
3. Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 50-му (Хроника и библиография, выпуск 24). – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913.
4. Отчет о деятельности Ставропольской Ученой Архивной Комиссии за 1914 год. – Ставрополь: Тип. С.В. Хаймовича, 1915.
5. Современное положение калмыцкого духовенства // Северный Кавказ. – 1902. – № 85. – 18 июля.
6. Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». – Пятигорск: Спецпечать, 2003.
7. Фарфоровский С. В. Калмыки Ставропольской губернии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40-й (Отдел первый). – Тифлис: Канц. Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1909.
8. Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Мистический свет Азии в творчестве Ильи Сургучева // Теегин Герл [Свет в степи]. – 2010. – № 6.
9. Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Сакральный символизм Востока в архитектурном и литературном тексте города Ставрополя // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2006.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.451

М.А. Бычко

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РИМСКОМ КЛАССИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Нормы, защищающие потребителей, своими корнями восходят к римскому праву, а затем дополняются, видоизменяются и находят свое отражение в современном праве зарубежных стран и российском праве. Римское право довольно подробно регулировало права покупателя и обязанности продавца при обнаружении недостатков проданного товара. Уже в римском праве проявляются особенности правового поло-

жения потребителей, присущие современному потребительскому законодательству, вытекающие из ответственности продавца за ненадлежащее качество товара, за продажу товара, имеющего скрытые недостатки, а так же из права покупателя на получение правдивой информации о товаре.

Ключевые слова: договор купли-продажи, потребитель, римское право, продавец, недостатки, покупатель.

М.А. Bychko

FEATURES OF LEGAL POSITION OF CONSUMERS IN CLASSICAL ROMAN LAW

The rules that protect consumers could be traced back to Roman law. Later they were supplemented and modified, and now they are reflected in modern law of foreign countries and Russian law. Roman law regulated in detail the rights of the buyer and the seller's obligations in case of defects of goods sold. Roman law manifests the features of the le-

gal position of consumers, which are inherent in modern consumer legislation, arising from the liability of the seller for inadequate quality of goods and for selling goods that have hidden defects, as well as the buyer's right to receive truthful information about the product.

Key words: contract of sale, the consumer, Roman law, the seller, defects, the buyer.

Проблема защиты прав потребителей, ставшая первоочередной для большинства современных экономически развитых стран, появилась еще в глубокой древности. Корни проблемы уходят в особенности одного из наиболее древних и распространенных договоров, регулирующих отношения между потребителем (покупателем) и продавцом, к договору купли-продажи. Дело в том, что одним из основных прав потребителей является право на надлежащее качество товаров, а вопрос об ответственности за недоброкачественность предоставляемого во исполнение возмездного договора имущества обычно ставился и разрешался законодательством как встарь, так и в наше

время, применительно к товару, переданному по договору купли-продажи.

История правового регулирования этого договора насчитывает почти четыре тысячи лет. В процессе многовекового развития правовых систем происходил своеобразный отбор норм о купле-продаже, а вместе с тем и норм, направленных на защиту прав потребителей, выявляя особенности правового положения покупателей (потребителей).

Возникновение договора купли-продажи связано с разделением труда и возникновением товарных отношений. Уже тогда, появилась одна из особенностей положения потребителей, проявившаяся в древнем наи-

вно-недобросовестном принципе, нашедшем отражение в многочисленных народных поговорках и афоризмах: «Augenturgeld», «Augenante der Beutelant», «Augenaut – Kantist Kaup» – у немцев и русская поговорка «видели очи, что покупали» [1, с.11].

Возможное ущемление прав покупателей вытекает и из принципа договорной свободы (*Implicite*), на основании которого заключается любой гражданско-правовой договор, в том числе и договор купли-продажи. Этот принцип содержит в себе юридическую возможность заключать договоры на любых условиях. Именно вследствие свободы договорных соглашений возможны случаи жесткой экономической эксплуатации: сторона, экономически сильнейшая (продавец в нашем случае), пользуясь нуждой стороны слабейшей (покупателя), ставит ей тяжелые условия, на которые та по необходимости должна согласиться. Этот факт поставил перед правом труднейшую проблему: как относиться к подобным эксплуататорским договорам и нельзя ли найти какие-либо средства для защиты экономически слабых? С проблемой этого рода право встречается с древнейших времен, и уже очень рано начинаются попытки ее разрешения. Так, знаменитый эдикт Диоклетиана *De pretiis rerum venalium* (о ценах продаваемых вещей) 301 года установил для всех товаров и работ и для всей империи единую таксу цен, а всякое отступление от него карал весьма серьезными наказаниями. Таким образом, уже римское право обращает внимание на экономически слабых и зависимых от продавцов покупателей.

Действительно, говоря о возникновении проблемы защиты прав потребителей интересно вспомнить нормы римского права, регулирующие договор купли-продажи, и тем самым отражающие положение потребителей. Дело в том, что именно римское право благодаря своей «универсальности» вошло через рецепцию в практику средневековых государств, а затем стало составной частью и буржуазного гражданского права. Кодексы Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии и многие другие восприня-

ли римскую систему гражданского права, конструкцию различных институтов вещного и обязательственного права. Россия тоже не осталась в стороне от римского права и, начиная с кодификации Сперанского, наблюдается заимствование римских юридических конструкций. В проектах Гражданского Уложения начала XX века, влияние римского права еще больше усилилось. В советский период при составлении гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 гг. были так же использованы основные модели имущественных отношений, сложившихся в римском классическом праве. В последней кодификации гражданского права имеется ряд заимствованных из римского права гражданско-правовых институтов, таких как: сервитут, ипотека и т. д.

Таким образом, можно сказать что, нормы, защищающие потребителя, своими корнями восходят к римскому праву, а затем дополняются, видоизменяются и находят свое отражение в современном праве зарубежных стран и российском праве.

Остановимся на основных положениях римского права, регулирующих договор купли-продажи и стоящих на защите интересов потребителей.

Согласно римскому праву, продавец обязан передать покупателю вещь в надлежащем состоянии по качеству. Если же «вещь передана в таком виде, что ее невозможно использовать по назначению, или она обесценена вследствие имеющихся в ней недостатков, в этой передаче нельзя было видеть исполнение продавцом принятой на себя по договору обязанности» [4, с. 176].

Нормы права об ответственности продавца за надлежащее качество проданной вещи развивались постепенно. В течение ряда столетий цивильное римское право характеризуется принципом ответственности лишь за то, что было прямо обещано. То есть, продавец несет ответственность перед покупателем, если он прямо обещал, что вещь имеет какие-либо положительные качества, а их на самом деле нет, или, что вещь не страдает определенными недостатками, а между тем они имелись в вещи.

Причем продавец отвечает только за те обещания и заявления, «которые делались серьезно с целью установления ответственности, а не представляли собой простого расхваливания товара, которое нельзя понимать как принятие на себя продавцом ответственности» [4, с. 176].

В кодифицированном в первой половине VI века при Юстиниане сборнике, получившем название *Digesta* (собранные) [2, с. 121] предусмотрена ответственность продавца в тех случаях, когда в его действиях можно усмотреть намеренное сокрытие, умолчание об известных продавцу и неизвестных покупателю недостатках с целью сбыть негодную вещь; например, зная, что продаваемый раб страдает определенной болезнью, продавец скрывает его болезнь от покупателя. Ответственность за умолчание была обусловлена тем, что недостатки продаваемой вещи не известны и не должны быть известны покупателю, а продавец этим пользуется и старается склонить покупателя к договору. В *Дигестах* приводились такие примеры: «покупатель слепой, а продавец ничего не говорит о недостатках, – в данном случае продавец отвечает за недостатки проданной вещи; наоборот, покупатель (зрячий) покупает слепого раба, продавец не отвечает, так как покупатель должен был видеть, какого раба покупает» [4, с. 177]. Такая ответственность продавца за ненадлежащее качество вещи была установлена по общегражданским договорам продажи, но эти нормы не удовлетворяли торговый оборот. Они были расширены относительно рыночной продажи в практике курульных эдилов. Курульные эдилы издавали эдикты, в которые входили специальные правила, устанавливающие ответственность продавца за скрытые недостатки вещи. Скрытыми признавались такие недостатки, которые не бросаются в глаза и их нельзя обнаружить даже при внимательном осмотре товара. Притязания, возникающие из эдильского эдикта, не зависят от того, имел ли продавец сведения о недостатках товара и мог ли он получить эти сведения [3, с. 265]. Они допускаются и в том случае,

если, например, проданный скот был болен уже во время продажи, но болезнь еще невозможно было распознать. Но такие притязания могут быть направлены лишь на расторжение сделки или уменьшение ее цены, но не на возмещение всего интереса покупателя. Покупатель в этом случае не может требовать вознаграждения за вред, причиненный ему, например, тем, что купленный скот заразил его стадо. В случае обнаружения ложных уверений относительно товара или скрытых недостатков, покупатель, согласно эдильскому праву, мог предъявить два иска: «один иск был направлен на то, чтобы сделать вещь не купленной», т. е. вернуть стороны в то положение, в котором они были при заключении договора» [4, с. 177], он носил название *actionredhibitoria*. Этот иск, главным образом, был направлен на возвращение уплаченной стоимости вещи. Если же стоимость еще не уплачена, то покупатель освобождался от долга перед продавцом. Стоимость вещи должна быть уплачена с процентами, обычными в данной местности и исчисляемыми с момента платежа. В обязанности покупателя по общему правилу входила необходимость возвратить купленную вещь с ее принадлежностями, с плодами и другими выгодами, которые она ему доставила. А так же, вознаградить продавца в случае уменьшения стоимости вещи, происшедшей по вине покупателя. Без выполнения этих обязанностей покупатель не мог осуществить свое притязание. В свою очередь, покупатель имел право на возмещение издержек, которые понес в связи с заключением сделки. Необходимо отметить, что расторжение сделки являлось правом, а не обязанностью покупателя. Поэтому, если покупатель уже после состоявшегося решения суда все же откажется от расторжения сделки, то продавец не может настаивать на этом.

Риск случайной гибели или повреждения вещи в то время пока она находилась у покупателя лежит на продавце. Продавец обязан возвратить стоимость вещи даже в том случае, если она уничтожена. Римляне употребляли по этому поводу своеобразное

выражение «Mortuus redhibetur» – возвращается мертвый раб, т. е. ничего не возвращается [2, с. 266]. Даже если уничтожение товара произошло по вине покупателя, это не лишает его права на предъявление action redhibitoria. Если продано несколько предметов вместе, и в одном из них обнаруживаются недостатки, то action redhibitoria неизбежно распространяется на все предметы, если они, по воззрениям гражданского оборота или в силу заявления сторон при самой продаже, были куплены, как одно целое. Единство цены в данном случае не имеет решающего значения. Об этом говорит классическая юриспруденция и прежде всего Ульпиан. Древние римские юристы при единстве цены – Unitaspretii – предполагали всегда и единство купленных предметов. Так считали Африкан, Помпоний, Лабейон. Отличной от этих точек зрения придерживался Фиск, считая, что единство цены дает покупателю право выбора между расторжением сделки лишь по отношению к тем предметам, которые страдают недостатками, и возвращением всего проданного товара [3, с. 268]. При купле-продаже малоценных вещей action redhibitoria не допускался.

При покупке вещи, имеющей недостатки, покупатель мог так же предъявить action quanti minoris, направленный на уменьшение покупной цены в размере, в котором купленная вещь вследствие недостатка уменьшилась в своей ценности по сравнению с той ценностью, которая предполагалась. Если вещь имеет несколько недостатков, то action quantiminoris можно предъявить по поводу каждого недостатка в отдельности. В тех случаях, когда проданная вещь не имеет никакой ценности,

action quanti minoris влечет за собою такие же последствия, как и action redhibitoria. Здесь ценность вещи при определении ее действительного размера сводилась бы к нулю, поэтому вся покупная цена подлежит возмещению, но взамен ее должна быть отдана и сама вещь.

Дигестами Юстиниана был установлен срок, в пределах которого покупатель мог предъявить требования продавцу. Так, action redhibitoria погашается 6-месячной давностью. Для action minoris установлена годичная давность. Срок исчисляется с момента продажи. Незнание покупателя о недостатках вещи препятствует началу давности, если только такое незнание не является следствием грубой небрежности. Покупатель имеет право выбора между двумя исками. Предъявление action redhibitoria не лишает покупателя права заменить его на action quantiminoris. Покупатель, использовавший action quantiminoris, не может уже, по поводу того же самого недостатка, требовать расторжения сделки, так как предъявлением иска об уменьшении цены он высказался за сохранение договора в силе.

Таким образом, римское право довольно подробно регулировало права покупателя и обязанности продавца при обнаружении недостатков проданного товара. Уже в римском праве проявляются особенности правового положения потребителей, присущие современному потребительскому законодательству, вытекающие из ответственности продавца за ненадлежащее качество товара, за продажу товара, имеющего скрытые недостатки, а так же из права покупателя на получение правдивой информации о товаре.

Литература

1. Винавер А. Ответственность продавца за недостатки проданного имущества // Право и жизнь. Кн. 1. – М.: Право и Жизнь, 1923.
2. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. – М.: Наука, 1984.
3. Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право. – М.: Универ. тип., 1911. Т. 2.
4. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1960.

УДК 34:002

З.Т. Золоева

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы создания единого информационного пространства в субъектах Российской Федерации. Намечены пути разработки государственной стратегии, которая в кратчайшие сроки могла бы обеспечить создание еди-

ного информационного пространства в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: информационное пространство, Российская Федерация, региональная информатизация.

Z.T. Zoloeva

LEGAL ASPECTS OF CREATING SINGLE INFORMATION SPACE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problem of creating single information space in the subjects of the Russian Federation. The author outlines the ways of development of the state strategy which in the shortest possible time

would ensure the creation of a single information space in the subjects of the Russian Federation

Key words: information space, the Russian Federation, regional informatization.

Современная Россия реализует свою экономическую, социальную и правовую политику, исходя из интересов формирующегося информационного общества. Действуя в русле общемировых тенденций, в России проводятся многоэтапные реформы, принимаются программные документы, нормативные акты, приближающие построение информационного общества. Таким образом, своевременно реагируя на вызовы современной эпохи, государство предпринимает необходимые шаги к достижению поставленной цели. Одним из таких шагов является создание единого информационного пространства страны.

Термин «единое информационное пространство», часто используемый в научной литературе, в настоящее время все еще не имеет единого определения, более того, данное понятие не имеет и законодательного закрепления. Так, по мнению И. Дзялошинского, строгого определения понятию «единое информационное пространство» никто не давал. И до сих пор, хотя словосочетание «информационное пространство» применяется чрезвычайно широко, его содержание как научного понятия почти не

разработано. Без риска ошибиться, отмечает он, можно сделать вывод о том, что данное понятие употребляется в своем общем смысле скорее как метафора, чем как строгий научный термин. Более определенное и точное содержание имеют лишь его частные смыслы, опирающиеся на конкретные модельные представления, которые еще не упорядочены в общую систему [4, с. 36].

По мнению ряда ученых, единое информационное пространство – это совокупность разнонаправленных информационных потоков государства, регулируемых средствами массовой информации, и напрямую зависящих от средств получения, передачи, обработки и хранения информации [1, с. 150]. На наш взгляд, данное определение является односторонним, и не отражает полностью суть единого информационного пространства.

Характеризуя единое информационное пространство, Е. Прохоров сравнивает его с единым правовым пространством, т. е. закрывающим все правовые ниши законодательством. Под единым информационным пространством он понимает наличие в любой точке страны информационного

поля такой плотности, которая дает возможность каждому получить всю необходимую и достаточную информацию для адекватной, отвечающей всем его информационным потребностям ориентации в реалиях жизни – региона, страны, мира, для выработки мнений, взглядов, позиций, которые обеспечивали бы достаточные основания для принятия верных решений [14, с. 5]. По нашему мнению, данное определение также не раскрывает всю полноту изучаемого явления, Е. Прохоров рассматривает его в узком смысле, связывая единое информационное пространство лишь с возможностью доступа в информации, что является неверным.

Интересен подход к определению данного понятия Бачило И. Л., Лопатина В. Н., Федотова М.А. [3, с. 118], которые понимают под единым информационным пространством страны совокупность информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, позволяющая на основе единых принципов и по общим правилам обеспечивать безопасное информационное взаимодействие государства, организаций и граждан при их равнодоступности к открытым информационным ресурсам, а также максимально полное удовлетворение их информационных потребностей на всей территории государства при сохранении баланса интересов на вхождение в мировое информационное пространство и обеспечения национального информационного суверенитета. Данное определение, на наш взгляд, хорошо отражает сущность изучаемого явления и его внутреннее строение.

Что касается правового регулирования вопросов создания единого информационного пространства, то можно констатировать отсутствие в федеральных законах соответствующих норм. Как известно, еще в 1995 г. была принята Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов. Концепция под единым информационным пространством, понимает совокупность баз и банков данных, технологий их

ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей [8]. На наш взгляд, подход к понятию единого информационного пространства в Концепции имеет определенные недостатки, связанные с отсутствием учета отношений между субъектами. В этой связи интересна позиция Магдиловой Л. В., отмечающей что, информационное пространство это не просто механическая сумма ресурсов и средств их обработки, а ещё и определенная конфигурация отношений различных общественных субъектов к данным ресурсам и средствам [10].

В 1999 г. вступила в силу Концепция государственной информационной политики, имеющая областью своего применения конкретизацию и уточнение основных направлений деятельности органов государственной власти по становлению информационного общества в России, формированию Единого информационного пространства России и ее вхождению в мировое информационное сообщество [7]. Концепция в большей степени посвящена вхождению в мировое информационное пространство, и рассматривает вопрос создание единого информационного пространства России немного опосредованно.

Как известно, а последнее время был принят ряд программных и нормативно-правовых документов, ставящих цель построения в России информационного общества. В Стратегии развития информационного общества, в частности, отмечается важность формирования «единого информационного пространства, в том числе, для решения задач обеспечения национальной безопасности» [16].

Важное значение в процессе построения единого информационного пространства имеет Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г.

№ 149-ФЗ, закрепляющий основные принципы регулирования отношений в информационной сфере, правовой статус информационных ресурсов и т. д.

На федеральном уровне осуществляется политика, направленная на формирование нового и обновления уже действующего законодательства в сфере информатизации и повышения открытости органов государственной власти и местного самоуправления, которая непосредственно влияет на процесс формирования единого информационного пространства. Начиная с 2009 года, были приняты достаточно прогрессивные для нашего государства нормативно-правовые акты: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Данные законодательные акты, являясь новеллами отечественного законодательства, выступают в качестве одной из основ электронного государства, к построению которого стремится Россия.

Информационное пространство будет эффективным, если оно будет открытым для общества, дающим возможность реализовывать согласованные интересы граждан, общества и государства на комплексной и системной основе [9, с. 8]. Важнейшим фактором, влияющим на формирование единого информационного пространства, является целенаправленная государственная информационная политика, основанная на опыте преуспевающих в деле построения информационного общества государств, на использовании новых технологий, и исходящая из интересов гражданского общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что создание единого информационного пространства страны невозможно без его

развития в субъектах РФ, так как непосредственное взаимодействие граждан и органов государственной власти (государства), формирование и накопление информационных ресурсов и т. д. происходит именно на уровне регионов.

Таким образом, единое информационное пространство региона можно определить как совокупность информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, обеспечивающих информационное взаимодействие государства (в лице субъекта федерации), организаций и граждан, на основе равнодоступности к открытым информационным ресурсам субъекта федерации, и удовлетворения их информационных потребностей.

На наш взгляд, создание информационного пространства региона должно опираться на самостоятельную правовую базу, так как это позволит наиболее эффективно регулировать отношения в обозначенной сфере. Такие нормативные документы не всегда существуют в регионах. Во многих субъектах РФ вопросы информатизации и построения информационного общества регулируются на уровне подзаконных актов, что не всегда является эффективным.

Для обеспечения процесса создания и функционирования единого информационного пространства региона должны быть созданы соответствующие государственные органы специальной компетенции. Так, в Республике Северная Осетия – Алания, например, органом, обеспечивающим организацию единого информационного пространства Республики и его интеграцию в информационное пространство России, является Комитет Республики Северная Осетия – Алания по связи и информационным технологиям [6], в Ханты-Мансийском автономном округе это Департамент информационных технологий Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [5], а в Республике Татарстан – Министерство информатизации и связи Республики Татарстан [11].

Несмотря на имеющиеся успехи, в деле построения информационного общества в России и ее отдельных регионах (в том чис-

ле в Республике Северная Осетия – Алания) невозможно пока констатировать наличие единого информационного пространства. Это обусловлено рядом причин:

- отсутствие единого законодательного акта, посвященного вопросам информатизации, построению информационного общества;
- отсутствие, в подавляющем большинстве органов государственной власти, электронного документооборота;
- разрозненность информационных ресурсов;
- отсутствие и недостаточное финансирование;
- дефицит квалифицированных пользователей среди государственных и муниципальных госслужащих;
- отсутствие у населения знаний и возможностей пользования новейшими информационными технологиями и т. д.

Как известно, компонентами единого информационного пространства региона являются информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационная инфраструктура. Относительно их правового регулирования так же существуют определенные проблемы.

Информационные ресурсы, доступные для широких слоев населения, являются необходимым атрибутом информационного общества. Информационный ресурс представляет собой массив или отдельный документ, другой визуально воспринимаемый информационный объект, который аккумулирует сведения (информацию), сформированные по определенному признаку или критерию [2, с. 211]. Следует отметить, что в Федеральном Законе «Об информации, информационных технологиях» от 3 июля 2006 г. № 149-ФЗ, понятие информационного ресурса не нашло отражения. В Законе лишь содержится положение о том, что информация, содержащаяся в государственных информационных системах, а также иные имеющиеся в распоряжении государственных органов сведения и документы являются государственными информационными

ресурсами. Это свидетельствует о снижении эффективности правового регулирования общественных отношений в информационной сфере.

Информационные ресурсы являются неотъемлемым элементом единого информационного пространства. Поэтому, на наш взгляд, ослабление их правового регулирования может повлиять на целостность информационного пространства страны.

Между тем некоторые регионы шагнули дальше, чем федеральное законодательство. В них приняты специализированные законы, посвященные характеристике правового режима информационных ресурсов (Закон Ханты-Мансийского автономного округа «Об информационных ресурсах Ханты-Мансийского автономного округа» от 18.03.1998 № 18-ОЗ, Закон г. Москвы «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» от 24 октября 2001 г. № 52).

Особо следует отметить проблему доступа к информационным ресурсам региона. Зачастую такой доступ становится затруднительным, к примеру, в связи с редкостью обновления необходимой информации на официальных сайтах органов государственной власти субъектов РФ.

Известный исследователь проблем информационного права С.И. Семилетов справедливо отмечает, что действующее законодательство РФ не отвечает ни текущим потребностям, ни потребностям завтрашнего дня. Так, например, о каком едином пространстве доверия можно говорить, если до настоящего времени нет единой корневой системы удостоверяющих центров во главе головным УЦ уполномоченного федерального органа [15, с. 19].

Информационная инфраструктура в современном обществе должна иметь не меньшее, если не большее, значение, чем традиционные инфраструктурные составляющие: транспорт, связь, энергоснабжение и т. д. Поэтому формирование и развитие информационной инфраструктуры нуждаются в долгосрочном планировании и научно-технической политике государства [13]. Построение в России информационного

общества станет возможным тогда, когда научно-техническая политика государства в этой области будет закреплена нормативно-технической базой формирования и развития информационной инфраструктуры. Такая политика, кроме Концепции формирования информационного общества в России, декларирующей предпосылки и стратегические цели, нуждается в методологических основах создания комплекса нормативно-технических документов – профиля информационной инфраструктуры [12].

Формирование и развитие единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов – проблема межотраслевая и межрегиональная. Она требует решения сложных организационных и технико-технологических вопросов, значительных затрат и не может быть решена одномоментно. При этом

необходим комплексный учет социально-экономических, правовых и политических аспектов информатизации общества, всестороннее использование организационного, технологического, технического и нормотворческого опыта, полученного при развитии информационных пространств ведущих стран [7].

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что единое информационное пространство в России пока находится в стадии формирования, и чтобы сформировать его наиболее эффективно, нужна четкая государственная политика, основанная на всесторонней поддержке регионов. Государственная политика, в свою очередь, должна опираться на действенную правовую базу, исходящую из интересов гражданского общества, и преследующую глобальную цель – построение информационного общества.

Литература

1. Андреев Н. С. Единое информационное пространство Российского государства: взаимодействие печатных и электронных СМИ: дисс... канд. полит. наук. – М., 2006.
2. Бачило И. Л. Информационное право. – М.: Юрайт, 2009.
3. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право. – М.: Юридический центр Пресс, 2001.
4. Дзялошинский И. М. Информационное пространство: политическая метафора или научное понятие // Право знать: история, теория, практика. – 2001. – № 7–8 (56–57). – Июль-август.
5. Департамент информационных технологий Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] URL: <http://www.eduhmao.ru/info/1/5281/> (Дата обращения: 12.09.2014).
6. Комитет Республики Северная Осетия – Алания по связи и информационным технологиям [Электронный ресурс] URL: <http://www.komsit-rso.ru/> (Дата обращения: 12.09.2014).
7. Концепция государственной информационной политики. Концепция государственной информационной политики / под общей ред. О. Финько. – М.: НИЦ «Инженер», 1999.
8. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов от 01.07.1994 [Электронный ресурс] URL: http://www.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm (Дата обращения: 12.09.2014).
9. Лазарев А. Ю. Проблемы формирования информационного общества в России // Информационное право. – 2005. – № 3.
10. Магдилова Л. В. Правовые основы формирования и развития информационного пространства субъектов РФ (на примере Республики Дагестан) // Российское право в Интернете. – 2012. – №01. [Электронный ресурс] URL: http://www.rpi.msa.ru/prints/201201_11magdilova.html (Дата обращения: 12.09.2014).
11. Министерство информатизации и связи Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: <http://www.admhmao.ru/> (Дата обращения: 12.09.2014).
12. О Концепции научно-информационного обеспечения программ и проектов государств – участников СНГ в инновационной сфере: решение Эконом. Совета СНГ от 13 марта 2009 г., г. Москва [Электронный ресурс] URL: <http://www.cis.minsk.by> (Дата обращения: 12.09.2014).
13. О плане мероприятий по реализации концепции региональной информатизации до 2010 г.: распоряжение Правительства РФ от 01.02.2007 г. № 118-р. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus004> (Дата обращения: 12.09.2014).

14. Прохоров Е. Региональные СМИ в информационном пространстве России // Факс. – 1999. – № 1–2.
15. Семилетов С. И. Законодательная база электронного документооборота в Российской Федерации // Информационное право. – 2011. – № 3 (26).
16. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 года // Российская газета. – 2008. – 16 февраля.

УДК 342.7

В.В. Ковалев, А.В. Мелкумян**МЕХАНИЗМ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РФ**

Статья посвящена проблемам конституционного закрепления обязанностей граждан РФ, рассмотрению их исторического аспекта; вопросам практической реализации основных обязанностей граждан РФ.

Ключевые слова: обязанности, Конституция, граждане, государство, общество, право, ответственность.

V.V. Kovalov, A.V. Melkumyan**THE MECHANISM AND PROBLEMS OF EXERCISING DUTIES OF MAN AND CITIZEN
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The article deals with problems of enshrining duties of Russian Federation citizens in the constitution. The authors examine the historical aspect of constitutional duties and

problems of practical realization of basic duties of RF citizens.

Key words: duties, Constitution, citizens, State, society, right, liability.

Реформирование социально-экономической и политической системы Российской Федерации обусловило возникновение определенных проблем в социально-правовой сфере, что повлекло за собой нестабильность, нескоординированность, а, следовательно, и недостаточную эффективность деятельности государства по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина, сохранению и поддержанию материальных и духовных ценностей общества.

Необходимо обратить внимание на то, что проблема прав и обязанностей человека всегда занимала центральное место в науке. Ее теоретическому обоснованию и многостороннему исследованию были посвящены многочисленные работы отечественных ученых. Однако многоаспектность и значимость данной проблемы выявляет все новые ее стороны, нуждающиеся в научном осмыслении и требующие разработки практических рекомендаций.

С начала 90-х годов XX века по настоящее время особое значение в обществе придается правам, свободам и интересам личности, при этом забывается важнейший правовой институт – обязанности человека и гражданина. Строгое и четкое исполнение субъектами права обязанностей является условием реализации нормативных правовых актов, восстановления справедливости в обществе, обеспечения стабильности, безопасности и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Каждый участник общественных отношений имеет не только права, но и обязанности. Как справедливо заметил Ф. Энгельс, «вместо «за равное право» я предлагаю: «за равные права и равные обязанности всех». Равные обязанности являются для нас особо важным дополнением к буржуазно-демократическим равным правам, которое лишает последних их специфически буржуазного смысла» [6, с. 271].

Институт обязанностей в современном российском обществе находит немало проблем при своей реализации. Почти все они связаны с несовершенством законодательства и низким уровнем правосознания у населения. Это выражается в игнорировании гражданами своих обязанностей, их несоблюдении или появлении противоречий между гражданами и органами исполнительной власти при попытке их осуществления.

Невыполнение конституционных обязанностей влечёт неосуществление их основной задачи – поддержания равновесного баланса прав различных людей, что противоречит конституционным принципам правового государства.

С реализацией каждой обязанности связаны свои проблемы. Это может быть отсутствие нормативных актов, конкретизирующих саму обязанность и порядок её выполнения, а также меру ответственности за невыполнение оной (обязанность получения основного общего образования). Также препятствием к выполнению обязанности может быть нежелание граждан или уклонение от её исполнения (обязанность нести военную службу). Или даже может существовать широкая нормативная регламентация исполнения обязанности во множественных актах различных законодательных органов, которая приводит к внутренним противоречиям положений этих актов друг другу и делающая исполнение обязанности гражданином трудновыполнимой задачей (обязанность уплаты законно установленных налогов и сборов) [5, с. 121].

В большинстве случаев невыполнение конституционных обязанностей человека и гражданина связано с морально-этическим или даже культурным уровнем развития человека и основывается на его осознанном волеизъявлении, а законодательно в большинстве случаев закреплена мера ответственности за неисполнение человеком возложенных на него обязанностей. Хотя вина государства в этом определённо есть, поскольку именно государство оказывает значительное влияние на формирование

правосознания личности, которое в дальнейшем и является основой правопослушного поведения.

Добиваться реализации обязанностей граждан можно и нужно не только кнутом, но и осознанием авторитета власти, от которой указание этих обязанностей исходит. «Авторитет велений власти основывается всегда на признании их обязательности со стороны общества. Каждый отдельный гражданин вынужден подчиняться велениям органов власти не потому только, что повелевающий от него этого требует, но и потому, что все общество признает для него эти веления обязательными. Но такое признание необходимости исполнения каждым обращенных к нему велений и обусловленное им нравственное понуждение других к подчинению не есть уже исполнение велений, а составляет деятельное к ним отношение. Такое признание, составляющее главное основание государственного властвования, само не может уже основываться на подчинении велениям органов власти» [4, с. 249].

Совершенствование федерального нормативного правового обеспечения целесообразно осуществлять в целях: развития правовых механизмов регулирования отношений в области конституционных обязанностей человека и гражданина, реализуемых в информационной сфере, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства в современных условиях становится одним из наиболее важных и приоритетных направлений работы прокуратуры [7, с. 56].

Выполнение человеком и гражданином правовых обязанностей детерминирует соблюдение в обществе прав и свобод других лиц, выступает необходимым способом правового регулирования, влияет на совершенствование правоотношений и развитие общественных интересов.

По справедливому замечанию выдающегося русского ученого В.О. Ключевского, «права без обязанностей – юридическая нелепость, как следствие без причины – нелепость логическая». Формула «нет прав без обязанностей» получила международное признание. Так, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. указывается, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [2, с. 332].

Таким образом, целесообразно говорить именно о единстве прав и обязанностей, необходимых для гармоничного развития гражданского общества и правового государства. Так, русский ученый-правовед конца XIX в. Б.Н. Чичерин писал, что «свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только и имеет права, что он несет на себе обязанности, и, наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права. Это два неразрывных начала» [1, с. 752].

Исследование теоретических вопросов правовых обязанностей человека и гражданина стало важной проблемой юридической науки на данном этапе развития общества,

когда изменилась концепция прав человека, произошел отказ от представлений о государственной власти и праве как единственном источнике и главном гаранте прав личности. Уместно вспомнить по этому поводу слова знаменитого русского философа И.А. Ильина: «Современный мир переживает глубокий кризис – религиозный, духовный и национальный. Из него необходимо найти выход. Этот выход надо каждому из нас найти, прежде всего, в самом себе; творчески создать его; убедиться и удостовериться в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо самому начать быть по-новому. Обновленные люди, одолевшие соблазн, найдут друг друга. Найдя, они заткут новую ткань духовного бытия. Это единственный путь. Иного нет» [3, с. 570].

Каждому человеку гражданину необходимо постоянно совершенствоваться, четко выполнять возложенные на него обществом и государством правовые обязанности. Без выполнения обязанностей перед государством, обществом, согражданами человек не может пользоваться соответствующими правами и свободами. В то же время использование гражданами своих прав и свобод не должно приносить вред интересам общества и государства.

Литература

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2012.
2. Безуглов, А. А., Беломестных Л. Л. Конституционное право России: учебник для юридических вузов. – М.: АЭФП, 2014.
3. Корельский В. М., Перевалов В. Д. теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 2012.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2012.
5. Мальцев Г. В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: РАГС, 2014.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. – М.: Госполитиздат, 1955–1966.
7. Отчерская Т. Прокурорский надзор: в обход закона // Закон. – 2003. – № 2.

УДК 94(430).087:314.742

Б.Г. Койбаев

**ПРОБЛЕМЫ МУСУЛЬМАН-ИММИГРАНТОВ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ ФРГ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В новейшей истории проблема мусульман-иммигрантов стала злободневной. В немецкоязычном дискурсе появился вопрос о взаимодействии иммигрантов и принимающего сообщества. В этом диало-

ге оказались задействованы и правовые институты.

Ключевые слова: иммиграция, исламский фактор, межкультурное взаимодействие, немецкое общество, законы ФРГ.

B.G. Koybaev

**THE PROBLEMS OF MUSLIM IMMIGRANTS IN THE LEGAL DISCOURSE IN GERMANY
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY**

In the contemporary history the problem of Muslim immigrants has become topical. In the German discourse there appeared a question concerning the interaction of immigrants and the society accepting them. Legal institutes got involved in that dialogue.

Key words: immigration, the Islamic factor, intercultural interaction, the German society, the laws of the Federal Republic of Germany.

Иммигранты из мусульманских стран стали наиболее многочисленной и контрастной в культурном плане группой иностранцев в ФРГ. К началу XXI века на территории страны проживало от 3 до 3,5 млн. мусульман, что составило 4 % населения [3]. Более трети из них выходцы из Турецкой Республики и их потомки, родившиеся в Германии. По состоянию на декабрь 1990 г. их число уже равнялось 2 053 564 человек [15, s. 45].

Выходцы их ближневосточных стран и Магриба являлись на протяжении всего рассматриваемого периода предметом активного правового дискурса. Прибывая в новую для них страну, иностранцы-мусульмане сталкивались с новой инокультурной общностью. Чуждость некоторых культурных норм и понятий приезжих мусульман и немцев проявлялась в различии нравственных норм, норм бытового поведения, отношению к религии и светскости. В некоторых случаях, эта культурная инаковость могла выплескиваться в форме конфликта между определенными группами иммигрантов и государством, как правовым институтом. Примерами тому могут служить такие вопросы как ношение му-

сульманского головного убора в светском учреждении, выступления защитников животных против традиционного для приверженцев ислама метода забоя скота и т. д.

В Основном законе ФРГ, принятом более 50 лет назад, записано, что каждый человек может иметь свои религиозные убеждения, а беспрепятственное исповедание религии гарантируется. Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение по признакам вероисповедания и религиозных взглядов. Свобода религии ограничивается лишь в тех случаях, если та или иная религия или экстремистские группы создают угрозу для других свобод, гарантированных Основным законом [1].

С первых лет рабочей иммиграции мусульманам оказывалось содействие в беспрепятственном соблюдении ритуалов. Так, на многих предприятиях выделялись места для совершения пятикратной молитвы. В меню рабочих столовых включались блюда без содержания свинины. А, например, компания «FordAG» обеспечивала ночную работу столовых для своих рабочих во время поста в месяц Рамадан [19]. Много внимания религиозной практике иноверцев

оказывали и христианские церковные служители. Так, 3 февраля 1965 года бывший в то время кёльнским епископом кардинал Фрингс предоставил в их распоряжение Кёльнский собор для того, чтобы они «могли достойно отпраздновать наступление своего месяца поста – рамадан» [18, s. 59].

С увеличением числа жителей исламского вероисповедания в городах стали все более заметны признаки их присутствия: женщины в платках, моельные дома и новые мечети. В местах проживания восточных иммигрантов предприниматели из их среды быстро осваивали пустующие ниши в инфраструктуре торговли и питания.

Росло также число детей, родившихся на исторической родине или в самой Германии. Юное поколение получило возможность учиться в школе. Однако именно со школьным обучением были связаны одни из первых конфликтов иммигрантов-мусульман со светскостью, принятой в германском обществе.

В начале 70-х годов возмущение традиционно настроенных мусульман вызвало введение в школах нового предмета – полового воспитания. Обязательные для посещения занятия школьники, школьницы и их родители рассматривали как посягательство на моральные ценности и религию. Акции протеста на улицах, сопровождавшиеся молитвами и проповедями, получили освещение в прессе тех лет [4, s. 20]. В 1977 г. Федеральный конституционный суд рассмотрел обращение мусульман и вынес по нему отрицательное решение [10, s. 67]. Однако обращения набожных родителей, пекущихся о нравственном воспитании своих чад, продолжали поступать в судебные инстанции. Одно из последних принадлежало матери-турчанке из Гамбурга. В административном суде она аргументировала свое заявление тем, что обе ее дочери не нуждаются в просветительных занятиях, так как в исламе половая жизнь имеет место только в браке. Суд отклонил заявление в январе 2004 г. на том основании, что данная тема настолько существенна и актуальна, что выходит за рамки семейного уровня.

Таким образом, если до середины 70-х гг. XX в. активисты иммигрантов выступали за единые права с коренным населением лишь в сфере трудовых отношений, то теперь уже речь шла и о выделении особых прав в образовании. Появилась выраженная тенденция перехода от требований унификации прав (иммигрантов и немцев) к наделению мусульманских меньшинств правами особого характера, что обусловлено было морально-ценностными установками верующих. Побочным эффектом от проведения в жизнь особых прав для мусульман-иммигрантов явилось то, что они подчеркивали инаковость этих людей и тем самым наносили вред их интеграции в немецкое общество.

Кульминацией дискурса о сочетании религиозного и светского в повседневной жизни иммигрантов из мусульманских стран стала дискуссия о ношении платка, получившая обозначение «Kopftuchstreit». «Спор о платке» основывался на вопросе правовой допустимости ношения головного убора (прежде всего платка) в качестве символа особой приверженности исламу в специальных областях общественной деятельности, в особенности на государственной службе и в государственных образовательных учреждениях. При этом речь шла о конфликте между свободой вероисповедания граждан – с одной стороны и религиозного нейтралитета государства – с другой стороны.

Платок, как атрибут одежды мусульманки, был в употреблении на территории ФРГ с самого начала иммиграции из восточных стран. На протяжении второй половины XX в. в сознании немецкого обывателя эта часть одежды вместе с паранджой ассоциировалась с отсталостью, невежеством, доминированием мужчины и отсутствием желания интегрироваться в общество.

Однако повод для широкомасштабных дебатов появился на рубеже столетий. Учительница-мусульманка, афганка по происхождению, Фереста Лудин в 1999 г. попыталась устроиться на испытательный срок на должность штатного учителя в федеральной

земле Баден-Вюртемберг. Ведомство по средней школе в Штутгарте отклонило ее заявление о приеме на работе ввиду того, что г-жа Лудин не была готова отказаться от ношения платка во время занятий. В отказе подчеркивалось, что связанное с головным платком «объективное» влияние культурной дезинтеграции не согласуется с государственным нейтралитетом в вопросах веры [6]. Жалобы г-жи Лудин против отказа в зачислении на работу были последовательно отклонены Баден-Вюртембергским административным судом и Федеральным административным судом ФРГ.

Суд следующей инстанции – Федеральный конституционный суд – 24-го сентября 2003 г. отменил решение Федерального административного суда и отослал дело на повторное рассмотрение. Согласно вердикту, противодействующие решения административных судов и компетентных органов земли Баден-Вюртемберг ущемляют учительницу в ее основных (конституционных) правах. И далее: «Ношение головного платка разъясняет в обсуждаемом контексте принадлежность жалобщицы к исламской религиозной общине и ее личную идентификацию в качестве мусульманки. Квалификация подобного поведения как недостаток профессиональной пригодности для должности учительницы начальной и неполной средней школы вступает в противоречие с правом жалобщицы на равный доступ к занятию государственных должностей согласно статье 33 (абзацы 2 и 3) Основного закона в сочетании с гарантированным ей согласно статье 4 (абзацы 1 и 2) Основного закона правом свободного вероисповедания. При этом в настоящее время не представляется необходимым, достаточно точного правового основания для рассмотрения вопроса. Поэтому жалобщице было отказано в доступе к государственной должности по неконституционным судебным решениям» [12].

Итак, изменения в религиозной сфере, которым подверглось общество за миграционный период, требовали нового законодательного регулирования – прежние конституционные и законодательные нормы

входили в противоречие и были явно недостаточны. Этот gordiev узел не мог иметь административное решение, иначе говоря, создание и введение подобной регламентации не входило в компетенцию учебных ведомств. Сгенерировать необходимые правовые нормы в данной ситуации имели право земельные парламенты.

В апреле 2004 г. в §38 Закона о школе (Schulgesetz) земли Баден-Вюртемберг было сделано следующее добавление: «Преподавательскому составу общественных школ согласно §2, абзацу 1 не разрешается внешняя демонстрация политических, религиозных, мировоззренческих или аналогичных им убеждений, которая может создавать угрозу или вредить государственному нейтралитету отношении учеников и родителей, либо политическому, религиозному или мировоззренческому согласию в школе. В особенности недопустимо внешнее поведение, которое может вызвать у школьников или родителей впечатление того, что педагог выступает против человеческого достоинства и равноправия, согласно статье 3 Основного закона, а также против основных прав свободы или свободно-демократического устройства общества. [...] Требование религиозного нейтралитета в предложении 1 не действует на уроках религии, согласно статье 18 предложению 1 конституции земли Баден-Вюртемберг» [2].

На этом дискуссия вокруг мусульманского платка не закончилась. В 2006 г. учительница-мусульманка из Штутгарта выиграла в суде первой инстанции дело о запрете на ношение платка. Жалобщица требовала отменить решение школьного ведомства об ее отстранении от работы. В частности, объяснялось, что положение второго абзаца §38 школьного закона земли Баден-Вюртемберг нарушает ее конституционное право на равенство перед законом вне зависимости от вероисповедания. Как пример положительного отношения властей к религиозной символике – монахини, носящие особое одеяние и преподающие в школах Шварцвальда. Суд принял к рассмотрению жалобу верующей и вынес

решение в ее пользу [7]. Однако высший земельный административный суд, изучив апелляцию проигравшей стороны, отменил решение суда нижней инстанции. При этом подчеркивалась правомерность наложенного запрета и важность права на соблюдение религиозного нейтралитета в отношении учащихся и их родителей. Решение стало окончательным и не подлежащим обжалованию [8].

Кроме земли Баден-Вюртемберг, впоследствии запрет на ношение платка для учителей распространился и в Баварии [9]. Здесь предметом обсуждения стала статья 59 (абзац 2, пункт 3) баварского Закона о воспитании и преподавании, где были правовые основания для запрещения платков. Определяющую роль в споре сыграло решение Конституционного суда федеральной земли. Исламская религиозная община подала иск в Конституционный суд Баварии, направленный против статьи 59 (абзац 2, пункт 3) Закона о воспитании и преподавании. Представители общины обосновали свой иск тем, что закон вступает в противоречие с гарантированным в статье 107 Баварской конституции правом свободы вероисповедания [17], тем самым нарушает права учителей-мусульманок. Кроме данного конституционного противоречия, активисты ислама сослались на статью 118 (абзац 2), конституции Баварии, которая гарантирует равное отношение к гражданам вне зависимости от их религиозных убеждений [17]. Ссылаясь на это положение, податели иска указали на беспрепятственное преподавание католических монахинь в одеянии своего ордена и истолковали это как преимущество, данное представителям христианской конфессии перед магометанами.

Баварский конституционный суд, однако, отклонил иск ввиду его безосновательности. Суд обосновал свое действие тем, что свобода вероисповедания для учителей-мусульманок подлежит ущемлению, так как вступает в противоречие с основными правами родителей и школьников. При принятии решения суд исходил из того, что в основные права граждан имеют в данном

случае решающее преимущество. Что же касается привилегий христианских конфессий перед законом, то суд отклонил иск и по этому вопросу, мотивируя свое решение тем, что учителя-мусульманки, в отличие от преподавателей-монахинь, не являются проводниками западных христианских культурных и правовых ценностей, зафиксированных в Баварской конституции. Таким образом, и в этой федеральной земле закон, запрещающий мусульманский платок, выстоял в противоборстве с мусульманами и мультикультурно настроенной частью общества.

В федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия учителя, студентки педагогических направлений и социальные работники объединились в «Инициативу за самоопределение в вере и обществе». Целью организации стало противодействие новому закону. Ее характеризует активное участие в публичных прениях по данной проблеме, а также распространение в обществе либерального отношения к религиозным символам в школе. Идеино-политический принцип «Инициативы» заключается в том, чтобы не запрещением инаковости мусульман, а наоборот лояльностью к ней способствовать их интеграции. То есть, организация является проводником идей мультикультурализма, под которым понимает свободу национально-религиозного самовыражения, в том числе отрицание секуляризма в обществе [5].

В Берлине также был проведен законодательный запрет на головные платки для преподавательского состава образовательных учреждений. Берлинские законодатели, подобно своим коллегам из других земель, ввели тотальный запрет на религиозную символику на общественной службе. Кроме исламских религиозных деятелей, свой протест заявили также представители Католической и Протестантской церкви Германии.

Один из строжайших немецких законов в лаицистском духе был сформулирован окончательно в земле Гессен в 2004 г., хотя и не смог избежать испытания на прочность. Судебную проверку на совместимость с конституцией закон выдержал достойно.

Его правовые предписания запрещают ношение элементов одежды, которые создают потенциальную угрозу политическому согласию и миру в обществе. При этом запрещающие нормы распространились не только на преподавателей и профессуру, но и на всех без исключения государственных чиновников и служащих.

В результате проводимой государством политики ограничения, а также противостояния с активным мусульманским меньшинством вне рамок запрета на ношение платка остались следующие категории: персонал частных школ, в регионах, где нет государственной монополии на образование, служащие негосударственных сфер и стажеры в области образования.

Помимо «спора о платке», который вызвал оживленное обсуждение, постоянным источником дискуссий на местном уровне стала во второй половине XX столетия постройка мечетей. Мусульманский храм был своеобразным маркером, который как бы сообщал немцам, живущим в округе, что иммигранты осели здесь навсегда, и что перемены, происходящие в германском обществе, уже необратимы. Дискуссии шли в большей степени не на государственно-политическом, а на местном общественном уровне. Спектр дискутируемых вопросов варьировался от целесообразности постройки молельного здания в городском ландшафте того или иного района до протестов недовольных инокультурным соседством граждан. Что касается государственного регламентирования нового в ФРГ архитектурного явления, то административные правила и судебные решения обеспечивали легальность проведения работ по сооружению объекта нетрадиционного типа.

Минареты мечетей оснащались громкоговорителями, из которых вещал непривычный для немцев «азан» – призыв мусульман на молитву. И это явление не обошлось без споров. Например, в земле Райнланд-Пфальц жалобы недовольных соседей отклонялись на простом и, в то же время веском основании: прихожане мечетей являются гражданами ФРГ и составля-

ют большинство в округе. К тому же, нормы строительного права федеральной земли не обеспечивали защиту окружающей среды от громкого призыва на молитву [14].

Однако большой резонанс в Германии получила инициатива пастора Евангелической церкви в Дуйсбурге, который в 1996 г. начал вести компанию, направленную против азана. Этому предшествовало желание различных мусульманских общин сделать призыв на молитву более громким, с тем, чтобы увеличить зону его восприятия. Последовала спорная дискуссия, которая привела к разрешению азана во многих городах страны. Вместе с тем возникли различные вариации этого разрешения. В ряде случаев призыв на совместную пятничную молитву исполняют муэдзин – специальный служитель мечети – как, например, во всех мечетях Дортмунда. А в городе Дилленбург община мечети смогла договориться с властями о том, что за исключением утреннего и ночного намаза, трижды в день азан будет звучать с помощью громкоговорителя. При этом была регламентирована громкость звучания – не более 70 децибел. Дабы смягчить конфликтную ситуацию, некоторые приходы мечетей отказались от требования использовать громкоговоритель [16, s. 105].

Противники азана ссылались в прениях на то, что в отличие от колокольного звона, в законодательстве не прописаны нормы по мусульманскому призыву на молитву. Но вопрос о правовой допустимости был решен в пользу мечетей, так как касался темы свободного вероисповедания. В 2000 г. эту позицию подтвердила Мари-Луиза Бек – уполномоченная федерального правительства по делам иностранцев. В евангелистско-лютеранском журнале «Диалог» была опубликована ее статья, где говорилось о том, что конституционное право отправления религиозных обрядов «бесспорно и непоколебимо» в том числе и для открытого призыва на молитву [16, s. 108].

Неоднозначность, непоследовательность германской законодательной политики в отношении мусульманских меньшинств также проявлялась в поощрении их особых

религиозных требований. Так, в городе Хамм (в Северном Рейне – Вестфалии) земельный суд по трудовым делам разрешил работникам-мусульманам делать в рабочее время перерыв на молитву [11]. А одна из ведущих религиозных организаций – Исламский совет – официально утвердил послеобеденный намаз на рабочем месте как обязательный долг для мусульманина [16, s. 112–113]. Данный вектор требований мог ограничиваться зачастую характером производимой работы или же отсутствием подходящего места, где практикующий молитву мусульманин мог бы помолиться.

Важное место занял в рассматриваемый период дискурс об убойе животных по мусульманскому ритуалу – так называемом теплом зарезе, без предварительного оглушения животного. Нормы закона о защите животных запрещали убой скота по иудейскому обычаю, то есть без оглушения животного электричеством, ударом или каким-либо иным способом. Исключения предусматривались лишь в особых экстренных случаях. Исламские организации поставили своей целью легализацию убоя скотины по мусульманскому обычаю – ибо только мясо животного, зарезанного по правилам, входит в категорию «халяль», то есть дозволенного. В 1988 г. Исламский рабочий круг (ИРОГ), представлявший объединение различных организаций и мечетских общин, выдвинул соответствующую инициативу. В 1989 г. Круг направил соответствующее заявление компетентному министерству земли Северный Рейн – Вестфалия. Диалог с правительством безуспешно велся в течение 1989–1990 гг. Требование Рабочего круга в итоге отклонили, ссылаясь на фетву (исламско-правовое заключение) Каирского исламского университета Аль-Азхар, по которой допускался зарез предварительно оглушенного животного [16].

В 1992 г. Комитет по рассмотрению жалоб Немецкого Бундестага занялся рассмотрением запроса от Исламского рабочего круга. Однако аргументы верующих не были признаны настолько весомыми, чтобы противодействовать позиции защитников жи-

вотных, которые своевременно обратились в данный комитет германского парламента [16]. Тяжбы отдельных граждан с властями имели место в конце 1980-х – начале 1990-х гг., но всегда проигрывались мусульманами на основании отсутствия официального государственного статуса ислама в ФРГ. Барьер в виде отсутствия статуса признанной конфессии удалось преодолеть мусульманам земли Гессен. В предыстории тяжбы государственное ведомство по контролю качества пищевых продуктов, защите животных и ветеринарному обслуживанию округа Оффенбах отклонило требование члена Исламской религиозной общины Гессена о зарезе животных во время «праздника жертвоприношения» – Курбан-байрам. В 1999 г. по решению третьей палаты административного суда г. Дармштадт ИРОГ была признана религиозной общиной, и теплый убой скота по исламской традиции был разрешен. Однако мусульмане должны были при предварительно уведомлять власти заявлением о предоставлении такого права в порядке исключения. Решение суда в данном случае опиралось на преимущество права свободного вероисповедания (Статья 4 Основного закона ФРГ) перед законодательными нормами по защите животных [1]. Однако дело, перенаправленное по апелляции уже в Федеральный административный суд, было рассмотрено иначе. Суд отказал ИРОГ в признании в качестве официальной религиозной общины и отослал дело на повторное рассмотрение, результат которого был уже предreshен [13].

Тем не менее, активная позиция мусульманских объединений и взаимодействие с различными инстанциями все-таки принесли успех в решении этого вопроса. В январе 2002 г. Федеральный конституционный суд постановил, что в порядке исключения мусульманам разрешена практика теплого зареза животных по религиозным мотивам.

Решение Конституционного суда сыграло очень важную роль в определении религиозной общины. Новая дефиниция понятия заключалась в том, что для предоставления исключительного права на соответствующую

ший убой животных вполне достаточно того, что податель заявления принадлежит к группе, связанной общими религиозными убеждениями. В качестве религиозных общин в данном случае могли рассматриваться группы верующих, вне зависимости от направления ислама, к которому они себя относят [13].

Решение Конституционного суда вызвало негодование и многочисленные протесты со стороны организаций по защите животных. Что же касается либерально настроенной в отношении иммигрантов-мусульман части общества, исламских активистов и других заинтересованных лиц, то с их стороны последовала критика в адрес ведомств и административных судов, которые не смогли разглядеть возможность или даже необходимость предоставления иммигрантам-мусульманам права обусловленного религией метода убоя животных в порядке исключения. Критика касалась также ущемления в конституционном праве исповедующих ислам жителей ФРГ. В целом же, отдельные исламские организации приветствовали долгожданное решение как важный шаг для интеграции мусульманского меньшинства в немецкое общество [16, s. 114]. Факт того, что религиозное предписание стало иметь под собой законную регламентацию, в определенной степени способствовал идентифи-

кации иммигрантов и их потомков с Германским государством.

В целом из рассмотренной нами административной и судебной практики ФРГ в решении конфликтных вопросов, а также, обращая внимание на религиозные требования немецких мусульман, можно заключить, следующее. Вплоть до начала нынешнего столетия государственные институты не были готовы адекватно воспринять относительно новое для них явление – мусульманскую иммиграцию. Верующие мусульмане – гастарбайтеры, члены их семей, беженцы и те, кто получил немецкое гражданство, проживают в Западной Германии с начала 1960-х гг. Несмотря на это, за истекший период до конца века не было сформулировано четких решений, регламентирующих нормы ислама относительно законов ФРГ. Кроме того, по противоречивым решениям судебных инстанций мы можем судить о том, что отсутствовала какая-либо определенная концепция в решении спорных вопросов. Государство не проявляло законодательный интерес к нуждам мусульманского меньшинства. Лишь со временем, осознавая неизбежность включения иммигрантов-мусульман в общество, были приняты соответствующие изменения в законодательстве, которые позволили легитимировать статус давно укоренившихся в Германии последователей ислама.

Литература

1. Artikel 4. [Glaubens- und Gewissensfreiheit] // Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Textausgabe Stand: März 2009. – Berlin, 2009.
2. Artikel 18. Verfassung des Landes Baden-Württemberg (LV). – Vom. 11. – November 1953 // Landesrecht BW Bürgerservice. [Электронный ресурс] URL: <http://www.landesrecht-bw.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+BW&psml=bsbawueprod.psml&max=true&aiz=true#jlir-VerfBWpArt18> (Дата обращения: 23.08.2009).
3. Islam und muslimisches Leben in Deutschland // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge – Integrationsportal. [Электронный ресурс] URL: http://www.integration-in-deutschland.de/cln_092/nn_281574/sid_0B6270B350A6B799F53C796720B75021/SubSites/Integration/DE/02__Zuwanderer/ThemenUndPerspektiven/Islam/Deutschland/deutschland-inhalt.html?__nnn=true (Дата обращения: 5.05.2009).
4. Islam gegen die Schule // Frankfurter Rundschau. – 22.03.1976.
5. Initiative für Selbstbestimmung in Glaube und Gesellschaft. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isgg.de/> (Дата обращения: 14.08.2009).
6. In dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde. 1 BvR 902/03 // Seiten des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rk20030924_1bvr090203.html (Дата обращения 19.08. 2009).

7. Kopftuchverbot; Verstoß gegen Gleichheitsgrundsatz; unzulässige Privilegierung anderer Glaubenssymbole. VG Stuttgart Urteil vom 7.7.2006, 18 K 3562/05. // Landesrechtsprechung Baden-Württemberg. [Электронный ресурс] URL: http://lrw.juris.de/cgi-bin/laender_rechtsprechung/document.py?Gericht=bw&Art=en&Datum=2006-7-7&nr=6769&pos=1&anz=5 (Дата обращения: 23.08.2009).
8. Kopftuchverbot für Lehrerin. VGH Baden-Württemberg Urteil vom 14.3.2008. 4 S 516/07 // Verwaltungsgerichtshof Baden-Württemberg. [Электронный ресурс] URL: http://lrw.juris.de/cgi-bin/laender_rechtsprechung/document.py?Gericht=bw&GerichtAuswahl=VGH+Baden-W%FCrttemberg&Art=en&Datum=2008-3&nr=10214&pos=6&anz=17 (Дата обращения: 23.08.2009).
9. Kopftuch-Verbot in Bayern bleibt bestehen // Süddeutsche Zeitung. – 15.01.2007.
10. Lachmann G. Tödliche Toleranz. Die Muslime und unsere offene Gesellschaft. – München, 2005.
11. Lachmann G. Wie Richter falsches Gutmenschentum fördern // Welt Online. Politik. [Электронный ресурс] URL: http://www.welt.de/politik/article773219/Wie_Richter_falsches_Gutmenschentum_foerdern.html. (Дата обращения: 14.08.2009).
12. Leitsätze zum Urteil des Zweiten Senats vom 24. September 2003 2 BvR 1436/02 // Seiten des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20030924_2bvr143602.html. (Дата обращения: 19.08.2009).
13. Leitsätze zum Urteil des Ersten Senats vom 15. Januar 2002. 1 BvR 1783/99. // Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts. [Электронный ресурс] URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20020115_1bvr178399.html (Дата обращения: 15.06.2009).
14. Oberverwaltungsgericht Rheinland-Pfalz. Beschluss vom 20.11.2000. 8 A 11739/00 // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht. – 2001. – Heft 8. 933 – 998.
15. Spuler-Stegemann U. Muslime in Deutschland. Organisationen und Gruppierungen // Der Bürger im Stadt. Islam in Deutschland. – № 51. – Heft 4/2001. – Berlin, 2001.
16. Şen F., Aydın H. Islam in Deutschland. – München, 2002.
17. Verfassung des Freistaates Bayern // Bayerisches Staatsregierung. [Электронный ресурс] URL: http://www.verwaltung.bayern.de/Gesamtliste.115.htm?purl=http%3A%2F%2Fby.juris.de%2Fby%2Fgesamt%2FVerf_BY_1998.htm#Verf_BY_1998_rahmen (Дата обращения: 15.08.2009).
18. Zur Geschichte der Arbeitsmigration aus der Türkei. Materialsammlung. – Köln.
19. 40 Jahre türkische Mitarbeiter bei Ford in Köln // News aktuell. Presseportal. [Электронный ресурс] URL: <http://www.presseportal.de/meldung/292496/> (Дата обращения: 21.08.2009).

УДК 347.195.1

Р.А. Мерзликина, А.В. Бычкова

**ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ
ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье приводятся соответствующие доктринальные источники. Рассматриваются особенности законодательства Российской Федерации о юридических лицах в области физической культуры и спорта. Изучаются проблемы и недостатки законов о спорте. При этом поставленные вопросы затрагивают такую важную общетеоретическую проблему как

границы правового регулирования физкультурно-спортивных организаций и их правовой статус. Проанализировав нормативно-правовые акты в сфере изучения данного вопроса, автор статьи делает соответствующие выводы.

Ключевые слова: законодательство о спорте, физкультурно-спортивные организации, правосубъектность юридических лиц.

R.A. Merzlikina, A.V. Bychkova

**SPORTS ORGANIZATIONS IN CIVIL LEGAL RELATIONS:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

The article is based on relevant doctrinal sources. It deals with the peculiarities of Russian legislation on legal entities in the field of physical culture and sports. The authors study the problems and shortcomings of laws about the sport focusing their attention on such an important theoretical problem as the limits of

legal regulation of sports organizations and their legal status. Having analysed legal acts and regulations relating to the issue, the author arrives to relevant conclusions.

Key words: legislation on sports, physical culture and sports organizations, legal personality of juridical persons.

В складывающихся новых реалиях динамичного развития и появления новых, структурно более сложных форм систематизации законодательства в России и многих других государствах мира необходимо теоретико-правовое исследование правовой природы, правосубъектности юридических лиц в сфере физической культуры и спорта.

Притом, что законодательство в сфере физической культуры и спорта в нашей стране сегодня объективно существует, оно представляет собой не стройную систему правовых норм, а лишь слабоструктурированный массив нормативных актов различных форм. Обозначенные в ряде нормативных документов (включая утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.08.2009 № 1101-р Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года) [6] основные стратегические целевые ориентиры развития физической

культуры и спорта в Российской Федерации, задачи по выработке новой государственной политики в области спорта, подготовка к проведению сразу нескольких крупных международных спортивных мероприятий ближайших лет дают прекрасную перспективу для развития спорта в России. Однако данную задачу нельзя эффективно решать без систематизации действующего законодательства, без определения статуса физкультурно-спортивных организаций.

Следует понимать, что физкультурно-спортивное законодательство – это новейшее направление российской юриспруденции, охватывающее общественные отношения, возникающее в сфере физической культуры и спорта, которое в настоящее время продолжает свое формирование.

Так, С.В. Алексеев, например, считает, что в ходе развития и совершенствования современной правовой теории, предопределяемой переходом России к рыночной

системе хозяйствования, объективно из недр научного правоведения вырастает новое направление российской юриспруденции – спортивное право, в котором должны выделяться наиболее важные аспекты, связанные именно с регулированием физической культуры и спорта, и которые наиболее полно и детально освещают законодательство, регламентирующее данную конкретную деятельность, специфику его применения [1, с. 142].

По мнению В. Сердюкова, несмотря на принятие нового Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», перспективы дальнейшего развития спортивного права России остаются дискуссионными. В числе направлений такого развития все чаще называется кодификация [3, с. 54].

А.А. Соловьев указывает, что эволюция спортивного права оказывается не только непрерывной, перманентной, но и постоянно интенсифицируется, претерпевая на национальном уровне самое существенное влияние глобализации спорта и спортивного права. Это касается доктринального и законодательного измерения, а также судебной практики [4, с. 90]. Не исключает он и кодификацию законодательства о спорте.

По мнению, Ю. М. Шаруненко, в сложившихся рыночных отношениях наступает новая ступень развития, которая требует разработки новых теоретических моделей социального феномена рассматриваемой сферы. Новая система управления должна быть рациональна и эффективна в сфере изменившегося финансового обеспечения деятельности физкультурно-спортивных организаций [5, с. 58].

А. В. Евтеев утверждает, что современная теория спортивного права не может обходиться без накопленных знаний в рамках общей теории спорта и общей теории права, без использования их методологического потенциала. Поэтому инструментальный аспект должен быть взят за основу при исследовании именно юридического аспекта спортивных отношений, с точки зрения правового подхода к пониманию спорта как особой

сферы правового регулирования, аккумулирующей разнообразные по своему содержанию правоотношения [2, с. 136].

В частности законодательство должно определять правовой статус участников физкультурно-спортивной деятельности, устанавливать виды деятельности коммерческих и некоммерческих организаций, определять порядок, условия осуществления этой деятельности, определять формы и способы ответственности физкультурно-спортивных организаций и т. д. Все вышеуказанное актуализирует необходимость поиска, осмысления, исследования и оценки путей и способов совершенствования законодательства Российской Федерации в области спорта.

Среди множества недостатков современного российского правового регулирования в области спорта наиболее существенными являются следующие:

- во-первых, коммерциализация спорта расширяется, а в законодательстве отсутствуют нормы о коммерческой деятельности в спорте. Не учитываются особенности правосубъектности юридических лиц в сфере спорта, иначе, не определяется их правоспособность. Так же существуют нормы самофинансирования и предоставлении субсидий физкультурно-спортивным организациям, при этом отсутствует политика ценообразования на физкультурно-спортивные услуги и т. д.;
- во-вторых, отсутствует институт ответственности физкультурно-спортивных организаций, которая может наступить при осуществлении коммерческой деятельности. Исходя из сказанного, можно констатировать, что к настоящему времени нет единого нормативно-правового документа, регламентирующего основополагающие аспекты коммерческих корпоративных отношений в сфере физической культуры и спорта.

Наличие бланкетных и отсылочных норм в ФЗ «О физической культуре и спорте» № 329-ФЗ[7] подтверждает его декла-

ративный характер в сравнении с законодательными актами Европейских странам. Это подтверждается скудным освещением деятельности физкультурно-спортивных организаций в настоящем законе. Бедно и хаотично разбросаны статьи о физкультурно-спортивных организациях в ФЗ «О физической культуре и спорте», немного больше уделено внимания спортивным федерациям и не более того.

Многочисленные изменения, вносимые в закон о физической культуре и спорте, наличие огромного числа постановлений Правительства РФ, указов президента РФ, приказов министерства спорта РФ создают хаос в системе спортивного законодательства и его неустойчивый характер.

Вместе с тем, Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», занимая приоритетное положение в системе нормативно-правовых актов, должен выполнять не только регулятивные функции, но и иные функции, например, превентивные и др. Речь идет о принципах и функциях, которые призван решать базовый отраслевой закон по отношению к иным видам нормативно-правовых актов.

Исследования вышеуказанных недостатков законодательства в сфере физической культуры и спорта, приводят к необходимости внесения следующих изменений в ФЗ «О физической культуре и спорте».

Несмотря на постоянное совершенствование норм ГК РФ о юридическом лице, его понятие остается неизменным. Выявлено, что содержание понятия юридического лица не соответствует его сущности. Так, любое юридическое лицо как субъект гражданских правоотношений обладает не только правоспособностью, но и дееспособностью, то есть правосубъектностью, иначе, любое юридическое лицо через свои органы в праве своими действиями приобретать и осуществлять права и создавать и исполнять обязанности. В настоящее время в гражданском праве различают три вида прав: вещные, интеллектуальные и обязательственные права, состоящие из права кредитора и обязанности должника. В связи с чем, предлагается

внести изменения в понятие «юридическое лицо» и изложить его в ст. 48 ГК РФ в следующей редакции: «Юридическое лицо – это обладающая правосубъектностью организация, которая от своего имени приобретает имущественные: вещные, исключительные и иные имущественные и неимущественные права и обязанности, имеет обособленное имущество, использует это имущество в гражданском обороте, в том числе по своим обязательствам, выступает истцом и ответчиком в суде».

Поскольку общественная деятельность может осуществляться организациями, не имеющими в полном объеме признаков юридического лица, например, в сфере физической культуры и спорта, а в законодательстве отсутствует понятие организации без образования юридического лица, то обоснована необходимость легализации понятия «организации». Предлагается следующее понятие: «организация – это коллективное образование, выполняющее социально-обеспечительные функции, решающие задачи по удовлетворению как материальных, так и нематериальных потребностей и интересов граждан и юридических лиц». Данное понятие может быть легализовано в дополнительном пункте к ст. 48 ГК РФ.

Рассматривая понятие правосубъектность юридического лица, можно сделать вывод, что данное понятие означает единство право- и дееспособности, но которое не может представлять определенный набор прав или постоянно изменяющийся набор прав. Содержание правоспособности – это комплексная составляющая, определяющая правовой статус юридического лица. При более углубленном анализе содержания статьи 49 ГК РФ обосновывается, что в ней определяется правовой статус юридических лиц. Так, юридические лица разделяются на юридические лица с универсальной правосубъектностью, то есть которые могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности и со специальной правосубъектностью, которая определяется законом.

Предлагается внести изменение в название ст. 49 ГК РФ и назвать ее как: «Правосубъектность юридического лица».

Анализ законодательных актов в сфере физической культуры и спорта позволил сделать вывод о том, что до настоящего времени не определен правовой статус юридических лиц, осуществляющих как физкультурную, так и спортивную деятельность, то есть до сих пор не определена правосубъектность физкультурно-спортивных организаций в соответствии с принятой в гражданском праве классификацией.

Установлено, что ст. 10 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» неправомерно указывает на то, что физкультурно-спортивные организации могут быть созданы в любой организационно-правовой форме. Так как, например, создать физкультурно-спортивную организацию в форме производственного или потребительского кооператива, религиозных организаций или в форме крестьянского (фермерского) хозяйства не представляется возможным. Исследования показали, что физкультурно-спортивные организации, к которым относятся клубы, спортивные лиги и т. д. могут быть как коммерческие, так и некоммерческие. Следовательно, необходим или специальный законодательный акт о юридических лицах и организациях в сфере физкультурно-спортивной деятельности или внести изменения и дополнения в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Обосновано, что коммерческие физкультурно-спортивные организации, с учетом правил, предусмотренных ст. 50 ГК РФ, могут быть созданы в форме хозяйственных обществ и товариществ, в частности, как полное товарищество, товарищество на вере, общества с ограниченной ответственностью, общества с дополнительной ответственностью, акционерного общества. Граждане также могут осуществлять предпринимательскую физкультурно-спортивную деятельность как индивидуальные предприниматели. Соответственно, поря-

док их создания, деятельность, реорганизация и ликвидация осуществляются в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации и в соответствии с их учредительными документами.

Обосновано, что физкультурно-спортивные организации как некоммерческие организации могут быть образованы в формах общественных объединений, организаций, фондов, учреждений, ассоциаций и союзов со всеми присущими им особенностями их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации в соответствии с законодательством Российской Федерации в соответствии с их учредительными документами.

В связи с развитием коммерциализации спорта целесообразно разработать и законодательно легализовать аналогично понятию «предпринимательская деятельность» понятие «физкультурно-спортивная деятельность», в связи с чем предлагается авторская редакция данного понятия – «физкультурно-спортивная деятельность – это деятельность, как коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, которая с учетом организационно-правовой формы юридического лица, в том числе организаций и индивидуальных предпринимателей, может быть направлена и на извлечение прибыли, однако независимо от этого цель деятельности должна быть направлена на развитие физической культуры и спорта в стране». Данное понятие предлагается легализовать в ст. 2 Федерального закона РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Обоснованно, что физкультурно-спортивные организации, как юридические лица, обладают специальной правосубъектностью – «развитие физической культуры и спорта в стране», что необходимо указать в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», определив порядок и условия их образования.

При проведении спортивных мероприятий возникают корпоративные отношения между физкультурно-спортивными организациями, которые обладают особенной деликтоспособностью. Деликтоспособность каждой физкультурно-спортивной организации

определяется в их учредительных документах. Анализ корпоративных правоотношений в области физической культуры и спорта, в том числе их деликтоспособности и санкций, выявил необходимость закрепления основных понятий о корпоративных правоотношениях между физкультурно-спортивными организациями не только в их учредительных документах, но и в Федеральном законе РФ «О физической культуре и спорте».

Помимо предложенных изменений и дополнений в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», представляется необходимым разработать систему актов в сфере физической культуры и спорта. Так как различные виды спорта и физическая культура в целом требуют специальной регламентации, предлагается разработать пакет подзаконных нормативно-правовых актов. Например, вместо декларативных предложений о кодификации спортивного законодательства, предлагается разработать Закон «О физкультурно-спортивных организациях в Российской Федерации», который аккумулировал бы в себе все стадии создания, деятельности и ликвида-

ции физкультурно-спортивных организаций в Российской Федерации, в том числе их организационно-правовые формы. Внести раздел об ответственности юридических лиц в спорте, перечислить санкции, более четко определить способы саморегулирования физкультурно-спортивных организаций и уточнить государственную политику в этой сфере деятельности. Самостоятельным разделом представить трудовые отношения в сфере спорта и т. д.

Все вышеуказанные идеи по внесению изменений и дополнений в Закон № 329-ФЗ, несомненно, решат ряд вопросов, которые поднимались в настоящей научной статье. Вносимые изменения не только систематизируют нормы спортивного законодательства, но и значительно облегчат и упростят работу с законодательным актом. Более того, урегулируется правовой статус юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в области физической культуры и спорта, который окончательно приведет в порядок взаимоотношения между субъектами физкультурно-спортивных отношений.

Литература

1. Алексеев С. В. Спортивное право России: учебник. – М.: Юнити-Дана, 2012.
2. Евтеев А. В. О некоторых подходах к исследованию механизма правового регулирования в спорте // Право и государство: теория и практика. – 2 11. – №10. [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2009).
3. Сердюков. А. В. К вопросу о кодификации спортивного законодательства // Российская Юстиция. – 2010. – № 5.
4. Соловьев А. А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте. – М.: Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России, 2011.
5. Шаруненко Ю. М. Теоретико-методологические проблемы управления подготовкой спортсменов высокой квалификации в физкультурно-спортивных организациях: учебное пособие. – М.: МА-БИВ, 2012.
6. Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 № 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 17.08.2009. – № 33. – Ст. 4110.
7. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2009).

УДК 347.466

Р.Ю. Сапунков, Р.А. Мерзликина**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ
НА ЗАЛОЖЕННОЕ ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО**

В статье рассматриваются особенности судебного и внесудебного порядка обращения взыскания на заложенное движимое имущество, условия обращения взыскания, предлагается внести изменения в действующее законодательство в целях оптимизации процедуры обращения взыскания.

Ключевые слова: судебный порядок обращения взыскания, внесудебный порядок обращения взыскания, основания обращения взыскания на предмет залога, соглашение о внесудебном порядке, согласие на внесудебный порядок.

R.Y. Sapunkov, R.A. Merzlikina**FEATURES OF EXECUTION UPON MORTGAGED MOVABLE PROPERTY**

The article deals with the judicial and extra-judicial ways of execution upon mortgaged movable property and conditions of execution. The authors propose to amend the existing legislation in order to optimize the procedure of foreclosure.

Key words: judicial foreclosure, extra-judicial foreclosure, the grounds for foreclosure on the collateral agreement out of court, agreement to extra-judicial.

Определяющей функцией залога как способа обеспечения обязательств является его компенсационная составляющая. Всякий залог интересен в той степени, в какой кредитор по обеспеченному залогом обязательству сможет получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества. Компенсационные свойства залога определяются особенностями самого предмета залога, его ценностью и ликвидностью. Однако, вне зависимости от названных свойств заложенного имущества, кредитор по обеспеченному залогом обязательству для целей удовлетворения своих требований должен реализовать свое право залога путем последовательного обращения взыскания на предмет залога и реализации предмета залога. Процессуальные аспекты реализации права залога должны быть максимально четко урегулированы законом. В противном случае, залог перестанет быть сколько-нибудь эффективным способом обеспечения обязательств. Как известно, залоговые правоотношения регулируются одновременно нормами нескольких законов, положения

которых зачастую противоречат друг другу. В процессе реформирования гражданского законодательства обозначилась положительная тенденция унификации и гармонизации положений нормативно-правовых актов, регулирующих залоговые правоотношения. Однако в некоторых случаях, напротив, принимаемые акты только порождают такие противоречия.

Первичным для целей удовлетворения требований кредитора из стоимости заложенного имущества является обращение взыскания на него. В настоящий момент законодатель пришел к единообразному подходу в понимании оснований для обращения взыскания. Залоговые правоотношения регулируются целым рядом нормативно-правовых актов разного уровня, и далеко не всегда их положения соответствуют друг другу. Так, до недавнего времени Закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)», с одной стороны, и Гражданский кодекс РФ и Закон «О залоге», с другой, по-разному подходили к пониманию оснований для обращения взыскания на заложенное

имущество. В соответствии с Законом «Об ипотеке (залоге недвижимости)», взыскание на заложенное имущество могло быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обеспеченного ипотекой обязательства. В тоже время два других обозначенных закона возможность обращения взыскания напрямую связывали с виной должника. Ситуация изменилась лишь с принятием Федерального закона от 06.12.2011 № 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество». Названный закон установил правило, идентичное тому, которое на тот момент уже содержалось в Законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Справедливым представляется замечание Рассказовой Н. Ю. о том, что такое правило «полностью соответствует природе обеспечительных отношений» [3, с. 115–130]. Действительно, кредитор при обеспечении обязательства залогом рассчитывает, среди прочего, на получение компенсации своих потерь из стоимости заложенного имущества в случае неисполнения должником принятых на себя обязательств. Он не может и не должен моделировать все ситуации, когда должник не будет ответственным за неисполнение своих обязательств, с тем чтобы определить целесообразность такого обеспечения. Залог как способ обеспечения обязательств представляет собой не наказание за неисполнение обязательства, а средство предотвращения такого неисполнения и компенсации возможных убытков кредитора. Поэтому для обращения взыскания на предмет залога не имеет юридического значения наличие вины должника, а важен только факт наличия самого обязательства и просрочки в его исполнении. Говоря об основаниях обращения взыскания на заложенное имущество, следует обратить внимание на подход законодателя к определению соразмерности размера требований залогодержателя и стоимости заложенного имущества. Гражданский кодекс РФ в ред. от 30.11.2011 закреплял правило

о том, что нарушение обеспеченного залогом обязательства крайне незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при условии, что сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера оценки предмета залога по договору о залоге и период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца (ст. 348). Федеральный закон № 405-ФЗ от 06.12.2011 изменил указанное положение Гражданского кодекса РФ. Теперь требование залогодержателя чтобы быть признанным несоразмерным стоимости заложенного имущества, должно было составлять менее пяти процентов от размера стоимости заложенного имущества по договору о залоге и существовать менее трех месяцев. Правоприменительная практика однозначно свидетельствует о том, что такое перефразирование положений ГК РФ не имело никаких правовых последствий. Обозначенные изменения не затрагивали порядка определения стоимости заложенного имущества. В этой связи нельзя согласиться с мнением Рассказовой Н. Ю. о том, что «новое правило защищает интересы залогодателя, поскольку повышает его шансы уберечь заложенное имущество от принудительной реализации» [3, с. 115–130]. Автор исходила из ошибочного представления о том, что с введением в действие такого закона залогодатель при определении соразмерности своих требований со стоимостью предмета залога вынужден будет исходить из рыночной стоимости последнего. Однако сложно представить реализацию такого механизма на практике. Если предположить, что имелась ввиду необходимость указания в договоре залоге рыночной цены предмета залога, то возникает вопрос: Каким образом участники залоговых отношений будут определять рыночную стоимость предмета залога? Наиболее очевидным представляется самостоятельное определение ее участниками договора залога. Но в таком случае фактически в договоре будет указана та же оценочная стоимость. Другим ва-

риантом определения стоимости предмета залога может быть отчет профессионального оценщика. Однако обязательное участие оценщика в процедуре заключения договора залога сделало бы ее чрезмерно затратной как в финансовом плане, так и в организационном. Вероятно, именно первый вариант соответствовал действительному замыслу законодателя. По крайней мере, залогодатель и залогодержатель, как и раньше, самостоятельно определяли стоимость предмета залога, причем в ряде случаев прямо указывая, что стоимость является оценочной. При этом суды также никогда не указывали на необходимость привлечения профессионального оценщика для определения стоимости предмета залога при заключении договора [1; 2]. Правомочность высказанного нами предположения о замысле законодателя подтверждается последующей правотворческой деятельностью. Так, ГК РФ в редакции от 21.12.2013 г. прямо указывает, что стоимость предмета залога определяется по соглашению сторон, если иное не определено законом (ст. 340). Такой подход, по нашему мнению, больше всего соотносится с потребностями хозяйственного оборота и в наибольшей степени отвечает интересам обеих сторон.

При наличии рассмотренных нами выше оснований залогодержатель приобретает право на обращение взыскания на предмет залога. Действующим законодательством предусмотрено обращение взыскания на предмет залога либо в судебном, либо во внесудебном порядке. При этом для того, чтобы залогодержатель имел возможность обратиться взысканием на предмет залога без обращения в суд, стороны должны либо в момент заключения договора залога, либо, если залог возникает в силу закона – в момент заключения основного соглашения, обеспечиваемого залогом, либо позднее, после заключения соглашения о залоге/обеспечиваемого залогом в силу закона заключить соглашение о внесудебном порядке обращения взыскания на предмет залога. Гражданский кодекс РФ не содержит указаний относительно формы

такого соглашения. Однако Закон «О залоге» прямо указывал, что условие о возможности обращения взыскания на заложенное движимое имущество во внесудебном порядке включается в договор о залоге (ст. 24.1). В данном случае именно требования законодателя к форме соглашения о внесудебном обращении взыскания на предмет залога предопределяют форму самого договора залога. При внесудебном обращении взыскания вероятность противодействия со стороны залогодателя или третьих лиц, во владении которых находится предмет залога, настолько высока, что законодатель рассматривает такое положение дел как правило. Следует оговориться, что такой подход противоречит принципу добросовестности [2, с. 115–130]. Тем не менее, положения Закона «О залоге» предполагали необходимость совершения исполнительной надписи нотариуса в любом случае при залоге движимого имущества, совершаемого без передачи вещи во владение залогодержателю (ст. 24.1). Названное законоположение, в совокупности с требованиями Основ законодательства РФ о нотариате, делали соблюдение нотариальной формы договора залога, в том числе и соглашения о внесудебном обращении взыскания, обязательным условием внесудебного порядка обращения взыскания при совершении залога без передачи вещи во владение залогодержателя. Такой подход имел под собой вполне объективную основу. В существовавших до введения в действие ГК РФ в редакции от 21.12.2013 условиях полного отсутствия какой-либо системы учета/регистрации залогов движимых вещей, требование о соблюдении нотариальной формы договора залога было единственным способом противодействия злоупотреблениям залогодержателей при внесудебном обращении взыскания на предмет залога. Однако ситуация существенно изменилась с формированием нотариального реестра уведомлений о залоге движимого имущества. В свете изложенного, считаем необходимым привлечь залогодателя к участию в уведомлении нотариуса о состоявшемся залоге. Такое участие будет

крайне полезным в деле согласования внесудебного порядка обращения взыскания на предмет залога. Законодатель в абзаце 2 пункта 1 статьи 349 ГК РФ в редакции от 21.12.2013 прямо предусмотрел для залогодержателя возможность обратиться в суд с требованием об обращении взыскания даже в том случае, когда соглашением сторон предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания, то есть, по сути, предоставил залогодержателю право самостоятельно выбирать способ обращения взыскания. При таких обстоятельствах более логичным представляется говорить не о соглашении сторон, а о согласии залогодателя на внесудебный порядок обращения взыскания. Таким образом, считаем необходимым, во-первых, внести изменения в ГК РФ и Основы законодательства РФ о нотариате в части замены понятия «соглашение об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке» на «согласие залогодателя на обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке». Во-вторых, отредактировать формы уведомления о залоге движимого имущества с тем, чтобы залогодатель имел возможность выразить свое согласие или несогласие на внесудебный порядок обращения взыскания на предмет залога. При условии внесения предложенных изменений для целей совершения исполнительной надписи нотариуса отпадет необходимость в заключении соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество как такового, а соблюдение нотариальной формы договора залога станет не обязательным при условии, что залог учтен в реестре уведомлений о залоге движимого имущества.

В развитие предложенных изменений необходимо дополнить положения пункта 8 статьи 349 ГК РФ, изложив абзац 1 в следующей редакции: «Если обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется во внесудебном порядке, залогодержатель обязан направить нотариусу, залогодателю и должнику, а нотариус, который производит обращение взыскания на заложенное имущество в порядке, установленном законодательством о нотариате, залогодателю,

должнику и известным ему залогодержателям, уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога. Нотариус не позднее дня, следующего за днем получения уведомления залогодержателя о начале обращения взыскания на предмет залога, делает соответствующую отметку в реестре уведомлений о залоге движимого имущества». Последнее предложение об установлении дополнительной обязанности нотариуса по отражению сведений о начале обращения взыскания в реестре уведомлений о залоге движимого имущества направлено на защиту интересов неопределенного круга лиц. Так, в случае совершения залогодателем последующих залогов имущества, в отношении которого начато обращение взыскания, последующие залогодержатели в значительной мере лишатся того, на что могли рассчитывать при заключении договора залога или иного договора, из которого залог возникает в силу закона. Так, в случае обращения взыскания на предмет залога, последующий залогодержатель не сможет рассчитывать на стимулирующее воздействие залога, поскольку для него потеря предмета залога неизбежна в силу требований предшествующего залогодателя. Кроме того, необходимо учитывать положения пункта 3 статьи 342.1 о том, что требование, обеспеченное последующим залогом, не подлежит досрочному удовлетворению, если оставшегося после обращения взыскания предшествующим залогодержателем заложенного имущества будет достаточно для удовлетворения требования последующего залогодержателя. Всякий последующий залогодержатель при заключении договора залога или иного договора, из которого залог возникает в силу закона, будет исходить из достаточности для погашения своего требования средств, которые останутся от реализации предмета залога при условии обращения взыскания на него предшествующих залогодержателей. Таким образом, если кредитор, рассчитывающий на последующий залог, не узнает о начале обращения взыскания на предмет залога предшествующим залогодержателем, то он, скорее всего, фактически лишится всякого обеспечения своих требований.

Внесудебный порядок обращения взыскания на предмет залога может быть согласован сторонами договора залога в большинстве случаев. Однако, никто не может быть лишен права на судебную защиту своих прав и законных интересов и ни один институт государственной власти не может заменить суд, поэтому даже в тех случаях, когда стороны согласовали внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество, залогодержатель сохраняет за собой право на обращение в суд (статья 349 ГК РФ). Кроме того, в ряде случаев законодатель исключает саму возможность заключения сторонами соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество. Так, в случаях, поименованных в пункте 3 статьи 349 ГК РФ, обращение взыскания на предмет залога допускается только в судебном порядке. Судебный порядок обращения взыскания регулируется нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Многие спорные аспекты такого порядка были восполнены многолетней судебной практикой судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Крайне важное значение в судебном разрешении споров о залоге, в том числе и в вопросах регулирования порядка обращения взыскания на предмет залога, имеет Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». Законодатель, в свою очередь, в регулировании судебного порядка обращения взыскания проявляет крайнюю консервативность. За последнее время не было принято ни одного нормативно-правового акта, сколько-нибудь изменяющего сложившийся порядок.

С учетом того, что судебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество к настоящему моменту представляется устоявшимся и в достаточной мере урегулированным – отчасти нормативно-правовыми актами, отчасти судебной практикой – считаем, что законодателю следует обратить особое внимание на совершенствование положений действующего законодательства о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество. Так, среди прочего, необходимо исключить из текста Гражданского кодекса РФ и Основ законодательства РФ о нотариате не соответствующий своему фактическому содержанию термин «соглашение об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке» и заменить его более корректным «согласие залогодателя на внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество». Гражданский кодекс РФ и иные нормативно-правовые акты, в том числе Приказ Минюста России от 24.07.2013 № 127 «Об утверждении форм уведомлений о залоге движимого имущества» должны учитывать участие залогодателя в уведомлении нотариуса о залоге движимого имущества и предусматривать возможность выражения залогодателем своего согласия или несогласия на внесудебный порядок обращения взыскания в самом уведомлении. Указанные изменения существенно упростят внесудебный порядок обращения взыскания, а в совокупности с другими предложениями по минимизации рисков от злоупотреблений со стороны недобросовестных залогодателей сделают залог движимого имущества еще более привлекательным способом обеспечения обязательств.

Литература

1. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
2. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.05.2014 по делу № А53-14973/2012 // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2009).
3. Рассказова Н. Ю. Новое в регулировании залоговых отношений // Арбитражные споры. – 2012. – № 3.

УДК 343.98:616-073.759

А.А. Стрелков, В.К. Дадабаев

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУПА
МЕТОДОМ РЕНТГЕНОВСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье дается анализ процессуальных проблем возникающих при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз трупа. Рассматривается возможность их решения при использовании как метода предварительного криминалистического исследования инновационной научно-практической методики неинвазивных (без применения полостного вскрытия тела) способов посмерт-

ного вскрытия – «виртуальная» аутопсия, проводимой с применением рентгеновской компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий.

Ключевые слова: Инновационные методики; рентгенологический метод; судебно-медицинская экспертиза; спиральная компьютерная томография; предварительные криминалистические исследования; «виртуальная» аутопсия.

A.A. Strelkov, V.K. Dadabaev

**PROCEDURAL PROBLEMS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION OF THE CORPSE AND
WAYS OF THEIR SOLUTION USING X-RAY METHOD OF COMPUTER TOMOGRAPHY**

The article deals with procedural problems relating to the setting and conducting a forensic medical examination of a corpse. The authors analyse the possibility of their solution as a method of preliminary forensic examination through the usage in forensic practice innovative scientific-practical techniques of non-invasive (without the use of

abdominal dissection of the body) ways of autopsy - "virtual" autopsy carried out with the use of x-ray method of computed tomography (CT) and 3-D technologies.

Key words: innovative techniques; x-ray method; forensic examination; spiral CT; preliminary forensic examination; "virtual" autopsy.

В реализации конституционных прав и свобод граждан следователю приходится работать в соприкосновении с религиозными канонами и предрассудками, в результате чего решение тех или иных вопросов следствия, зачастую, вызывает затруднение. Это касается многих сторон жизни и смерти человека. Вопрос судебно-медицинского и патологоанатомического вскрытия трупов умерших – не исключение.

Труп человека – чрезвычайно важный комплекс следов, объектов, образующих в совокупности неоднородное идентификационное поле, по сути, является универсальным носителем информации о совершенном преступлении. Кроме того, идентификационный отрезок в этом случае оказывается непродолжительным, следовательно, возникает реальная угроза утраты исследуемых объектов, разрушения

идентификационного поля, неполноты формирования доказательственной базы [6].

В настоящее время основным наиболее объективным и точным методом как патологоанатомического, так и судебно-медицинского исследования остается аутопсия, т. е. секционное исследование мертвого тела (трупа).

Однако общеизвестно, что проблема вскрытия трупа в некоторых регионах РФ с преимущественным компактным проживанием представителей исламской конфессии не всегда возможна в виду религиозных канонов, что не позволяет в последующем дать объективное судебно-медицинское заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. В этих случаях секционное исследование трупа (аутопсия) не проводится, и заклю-

чение судебно-медицинского эксперта выносится только на основании протокола осмотра места происшествия и визуального осмотра трупа. Это вносит значительную долю субъективизма в полноту и обоснованность выводов экспертов о причинах смерти, существенно затрудняет установление объективной истины при проведении доследственных проверок и расследовании уголовных дел [7, с. 110–120].

Особенно остро данная проблема затрудняет работу следователей в Республиках Северного Кавказа.

Как показывает практика, по многим трупам, обнаруженным без признаков насильственной смерти, при несчастных случаях на производстве и в быту, по фактам убийств, посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих производству вскрытия трупов активно препятствуют родственники потерпевших, ссылаясь на религиозные запреты, каноны и морально-этические принципы.

В этих случаях следователям приходится убеждать родственников потерпевших в необходимости производства вскрытия для установления истины по делу, приводя в качестве аргументов различные доводы, как, например, о необходимости выдачи свидетельства о смерти родственникам потерпевших, для установления пенсии членам семьи потерпевшего и иных социальных и страховых выплат.

Порой приходится привлекать и представителей местного духовенства, для разъяснения родственникам покойного, что мусульманская религия не запрещает вскрытие трупов для выяснения причины смерти.

В этой связи особую актуальность представляют собой научно-практические разработки инновационных методов посмертного исследования тела без использования инвазивных методов и в ходе применения наряду с «классической» аутопсией – «виртуальной», проводимой с использованием компьютерной томографии и 3D-технологий [2, с. 278–281], что позволяет с одной стороны – получить уникальную информацию для

последующего криминалистического анализа, а с другой стороны – соблюсти канонические сроки погребения потерпевшего.

Как известно, еще с открытия гамма-лучей был продемонстрирован положительный опыт применения рентгенографического исследования для анализа состояния костей. Современные визуализационные технологии, в частности КТ и МСКТ характеризуются гораздо большей разрешающей способностью и возможностью последующего анализа полученных изображений. Так как компьютерная томография является неинвазивным методом диагностики, то отпадает необходимость рассечения кожных покровов, повреждения органов. Не нарушаются топографические и анатомические особенности органов и тканей. Проведение посмертного КТ-исследования повышает диагностические возможности традиционной аутопсии, дополняя ее. Более того, в ряде случаев оно может служить ему альтернативой, как в случаях, когда проведение аутопсии невозможно [1, 7].

Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики и результатов проведенных исследований позволяет сделать вывод о возможности использования рентгеновского метода компьютерной томографии при исследовании трупа в двух видах деятельности: криминалистической и судебно-экспертной. Безусловно, оба эти вида деятельности направлены на общую конечную цель – использование современных достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений. Однако они имеют существенные различия по тактическим целям: обнаружение и фиксация следов преступления, а также их экспертное исследование.

Использование рентгенологического метода, инновационным развитием которого является рентгеновская компьютерная томография при производстве судебно-медицинских экспертиз закреплено Приказом Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных су-

дебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее – Приказа) [5].

Так, п. 47.8 регламентирует, что при наружном исследовании повреждений и других особенностей на трупе и его частях «для уточнения характера и особенностей повреждений или болезненных изменений костей скелета вначале (при наличии технической возможности) производят их рентгенографию». А согласно положениям п. 85.8. данного Приказа, рентгенологический метод является методом исследования и технический приемом медико-криминалистической экспертизы, как метод наблюдения и фиксации свойств объектов [5].

Однако практическое применение рентгеновской компьютерной томографии в экспертной деятельности в ближайшее время весьма «туманно». Так, оснащение специальным оборудованием государственных экспертных судебно-медицинских подразделений остается неудовлетворительным. Говоря о проблемах технического характера, следует, прежде всего, отметить оснащенность медико-криминалистических и патологоанатомических отделений рентгенологическим оборудованием. В результате имеющееся в арсенале эксперта большое количество разнообразных методик, заимствованных из криминалистики и судебной медицины, не завоевали себе места в общей системе методик судебной экспертизы, и либо применяется ограничено в некоторых лабораториях, либо вовсе не применяется.

В этой связи, более перспективными и доказательно значимыми для следствия являются возможности криминалистического использования метода рентгеновской компьютерной томографии при исследовании трупа, которое не подменяет аутопсию.

Проведение криминалистического исследования трупа методом рентгеновской компьютерной томографии, по мнению авторов, возможно в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 178 УПК РФ – осмотр трупа. Диспозиция данной статьи предусматривает, что, наряду с участием в осмотре трупа понятых, судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача,

при необходимости для осмотра трупа могут привлекаться и другие специалисты. В данном случае, это врач-рентгенолог, который проводит исследование на компьютерном томографе.

КТ-исследование трупа проводится с целью установления состояния костей, внутренних органов и тканей трупа с последующей их визуализацией и фиксацией полученной картины, как в электронном виде, так и на фотопластинке посредством теневого изображения, образованного рентгеновскими лучами, прошедшими через объект. Получение такого изображения является исследовательским методом криминалистической фотографии, применяемым для выявления и фиксации общего вида и состояния объектов, скрытых от невооруженного глаза, т. е. внутренних телесных повреждений, травм, инородных предметов внутри человеческого тела. Источником рентгеновских лучей является медицинский компьютерный томограф, который используется в качестве технико-криминалистического средства предварительного исследования трупа, позволяющий оперативно получить информацию о внутренних телесных повреждениях, их характере, локализации, наличии в теле инородных предметов их формы и физические характеристики, и использовать полученную таким образом информацию в режиме текущего времени.

Так, в соответствии с криминалистическими рекомендациями применения научно обоснованных исследовательских методик фотографирования (сканирования) в невидимых лучах (в данном случае – рентгеновских), в процессе осмотра трупа врач-рентгенолог производит сканирование мертвого тела методом рентгеновской компьютерной томографии, результаты которого (электронный, оптический, фотографический, аналоговый, цифровой и др.) приобщаются к протоколу следственного действия.

После окончания осмотра, с целью научно обоснованного анализа рентгеновского изображения, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ специалист-рентгенолог, по поручению следователя, делает заключе-

ние специалиста о наличии, характере, локализации травм и повреждений внутренних органов и тканей.

Таким образом, применение рентгенологической технологии и экспертной методики, не связанной с видоизменением, разрушением или уничтожением объектов исследования (трупа), позволяет следствию обеспечить максимально быстрое предварительное исследование трупа, в целях получения объективных и научно-обоснованных сведений, являющиеся основанием для возбуждения уголовного дела.

В данном случае, взаимодействие следователя и специалиста-рентгенолога можно рассматривать как проведение предварительных криминалистических исследований, направленных на решение диагностических вопросов, результатом которых является поиск, исследование и фиксация не отдельного следа (повреждения), а «картины следов», необходимых для криминалистического анализа, в целях установления механизма преступления, моделирования действий преступников, использования полученной информации в раскрытии преступлений по горячим следам.

Предварительные криминалистические исследования – одна из форм познавательной деятельности органов дознания и предварительного следствия, осуществляемой с использованием специальных знаний и научно-технических средств (а при необходимости и с помощью сведущих лиц) для получения данных о механизме, условиях, обстоятельствах совершения преступления, личности преступника и другой необходимой для раскрытия преступления информации путем исследования и оценки ее материальных источников [4].

Полученные результаты исследования затем направляются эксперту для использования при производстве судебно-медицинской экспертизы, что позволит повысить достоверность и эффективность экспертных исследований.

Таким образом, разработка и применение в практике криминалистических и судебно-медицинских экспертиз рентгеновского метода компьютерной томографии

(КТ), в дополнение традиционной – инвазивной аутопсии, является, по нашему мнению, актуальной и приоритетной задачей, решение которой позволит:

- в короткое время обеспечить максимально быстрое исследование трупа в целях получения объективных и научно-обоснованных сведений, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела (предварительное исследование трупа);
- предварительное проведение КТ-исследования перед вскрытием в заведомо сложных случаях позволит судебно-медицинскому эксперту целенаправленно «идти» на зону выявленных патологических изменений, что значительно облегчит получение дополнительной информации работникам, проводящим следственные мероприятия в раскрытии преступления;
- фиксировать и сравнивать степень поверхностных повреждений с внутренними, не подвергая мертвое тело секционному исследованию;
- минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов при первичном исследовании трупа;
- хранить полученные данные в реконструкции 3D в электронном архиве длительное время. Эти данные занимают минимальный объем, позволяют получать цифровое изображение и 3-мерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране, определять формы объектов с заданной интенсивностью (случае нераскрытых преступлений можно увидеть, как выглядел труп при его обнаружении на любом этапе расследования);
- значительно снизить количество экспертиз для проведения повторных экспертиз [5].

Безусловно, возможности технико-криминалистического использования рентгеновского компьютерного томографа для предварительного исследования трупа вызывает проблему, так как в техническом

оснащении современных криминалистических и судебно-медицинских лабораторий они отсутствуют. Однако, по нашему мнению, эти вопросы должны решаться путем межведомственного взаимодействия, с учетом технико-экономических, этических, национальных и культурных особенностей каждого региона, а также актуальности проблемы невозможности проведения стандартного секционного исследования трупа (аутопсии). В данном случае, речь идет о соблюдении и реализации конституционных прав граждан.

Окончательные выводы обо всех реальных возможностях использования рентгеновского метода компьютерной томографии при исследовании трупного материала можно сделать после проведения дополнительной научно-исследовательской и эмпирической работы. Однако, по нашему мнению, данный метод можно использовать уже в настоящее время в качестве предварительного, или в случаях, когда проведение «традиционной» аутопсии невозможно.

Литература

1. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4.
2. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Использование рентгенологического метода спиральной компьютерной томографии в криминалистической и судебно-медицинской практике // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – 2014. – № 1.
3. Дадабаев В. К., Стрельников В. Н., Стрелков А. А. Разработка и внедрение научно-технических инноваций в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Инно-Центр. – 2013. – № 1.
4. Алексеев А. А. Предварительные криминалистические исследования следов на месте происшествия: учеб. пособие. – М., 1987.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2014).
6. Степанченко Д. А., Яковлев Д. Ю. Актуальные вопросы использования специальных знаний при осмотре места происшествия при обнаружении скелетированных останков // Российский следователь. – 2012. – № 12.
7. Посмертная компьютерная томография мертворожденных с костной патологией / У. Н. Туманова, В. К. Федосеева, В. М. Ляпин, А. В. Степанов, С. М. Воеводин, А. И. Щёголев // Медицинская визуализация – 2013. – № 5.

УДК 347.238.3

В.Г. Федорова, Л.Ш. Мухажина**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ТОВАРИШЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ**

Деятельность такой современной гражданско-правовой формы управления многоквартирным домом, как товарищество собственников жилья, несет в себе не только преимущества, но и предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность. Так, для благополучного развития деятельности товарищества собственников жилья в сфере управления многоквартирными домами, необходимо в первую очередь добросовестное и надлежащее исполнение своих обязанностей. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения этих обязательств наступает юридическая ответственность. Несмотря на

существенные разработки ответственности товарищества собственников жилья, в правовой сфере существует немало проблем и нерешенных вопросов. Самостоятельная гражданско-правовая ответственность является одним из признаков юридического лица, соответственно, и товарищества собственников жилья. Данный признак закреплен как в Гражданском кодексе Российской Федерации, так и в Жилищном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, юридическая ответственность, обязанность, банкротство, санкции.

V.G. Fedorova, L.S. Muhazhinova**LEGAL ISSUES OF LIABILITY OF HOMEOWNERS**

Abstract. Activities of such a modern civil legal form of apartment building management, as association of homeowners has not only advantages, but also involves liability according to the legislation of the Russian Federation. For successful functioning of a homeowners' association in the management of apartment buildings, it is necessary to perform one's duties in a fair and proper way. In case of failure or improper exercise of these obligations direct legal liability ensues. Despite significant devel-

opment of the legal basis of homeowners' liability there are many problems and unresolved issues. Independent civil liability is one of the hallmarks of a legal entity, and respectively, a homeowners' association. This characteristic is enshrined in the Civil code of the Russian Federation and the Housing code of the Russian Federation.

Key words: association of homeowners, juridical liability, obligation, bankruptcy, sanctions.

В последние годы в России активно развивается институт товарищества собственников жилья. Так, число товариществ собственников жилья на 2010 год составляло 61000, на 2011 год – 66736, а на третий квартал 2012 года без учета г. Москвы и Чеченской республики – 57500 [6]. С правовой точки зрения, товариществом собственников жилья признается некоммерческая организация, объединение собственников помещений в многоквар-

тирном доме для совместного управления общим имуществом в многоквартирном доме, а также в определенных законом случаях, имуществом собственников помещений в нескольких многоквартирных домах или имуществом собственников нескольких жилых домов, обеспечения владения, пользования и, в соответствии с законом распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме, либо совместного использования имущества, находящегося

в собственности собственников помещений в нескольких многоквартирных домах, или имущества, принадлежащего собственникам нескольких жилых домов, осуществления деятельности по созданию, содержанию, сохранению и приращению такого имущества, предоставления коммунальных услуг лицам, пользующимся в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации помещениями в данных многоквартирных домах или данными жилыми домами, а также для осуществления иной деятельности, направленной на достижение целей управления многоквартирными домами либо на совместное использование имущества, принадлежащего собственникам помещений в нескольких многоквартирных домах, или имущества собственников нескольких жилых домов.

Однако деятельность такой современной гражданско-правовой формы управления многоквартирным домом, как товарищество собственников жилья, несет в себе не только преимущества, но и предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность. Так, для благополучного развития деятельности товарищества собственников жилья в сфере управления многоквартирными домами, необходимо, в первую очередь, добросовестное и надлежащее исполнение своих обязанностей. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения этих обязательств, наступает юридическая ответственность, несмотря на существенные разработки ответственности товарищества собственников жилья, в правовой сфере существует немало проблем и нерешенных вопросов.

Самостоятельная гражданско-правовая ответственность является одним из признаков юридического лица, соответственно и товарищества собственников жилья. Данный признак закреплен как в Гражданском кодексе Российской Федерации [1], так и в Жилищном кодексе Российской Федерации [2]. Согласно статье 56 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуще-

ством. Вместе с тем, учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации или другими законами.

Товарищество собственников жилья, как юридическое лицо, отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, но не отвечает по обязательствам членов товарищества. В свою очередь, члены товарищества собственников жилья не отвечают по обязательствам товарищества. В случае не исполнения обязательств и соответственно допущения нарушения законодательства, для товарищества собственников жилья предусмотрена ответственность Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [3], Гражданским кодексом Российской Федерации [1], Налоговым кодексом Российской Федерации [4]. Так, статьей 401 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности).

Вместе с тем важно отметить, что при управлении многоквартирным домом товариществом собственников жилья несут ответственность за содержание общего имущества в данном доме в соответствии с требованиями технических регламентов и установленных Правительством Российской Федерации правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, за предоставление коммунальных услуг в зависимости от уровня благоустройства данного дома, качество которых должно соответствовать требованиям установленных Правительством Российской Федерации правил предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах

и жилых домах. Однако анализ судебной практики указывает на нарушение и игнорирование со стороны товарищества собственников жилья норм жилищного законодательства.

Между прочим, следует подчеркнуть, что Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит положения об ответственности товарищества собственников жилья, ответственность наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В свою очередь, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрены следующие санкции: так, нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей, нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от пяти тысяч рублей до десяти тысяч рублей, нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Вместе с тем следует обратить внимание, в силу статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации [5], при нарушении работодателем, в данном случае товариществом собственников жилья, установленного срока соответственно выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, ведет к возникновению материальной ответственности. Так, товарищество собственников жилья обязано произвести выплаты с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от невыплаченных в срок сумм за каждый

день задержки начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно. Кроме того, обязанность выплаты указанной денежной компенсации возникает независимо от наличия вины работодателя.

В соответствии со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случае невыполнения денежных обязательств перед контрагентами производится начисление процентов на сумму долга. Вместе с тем, размер процентов определяется существующей в месте жительства кредитора, а если кредитором является юридическое лицо, в месте его нахождения учетной ставкой банковского процента на день исполнения денежного обязательства или его соответствующей части. Кроме того, суд может удовлетворить требования кредитора, исходя из учетной ставки банковского процента на день предъявления иска или на день вынесения решения, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Нарушения в области налогов и сборов, а также не предоставление в установленный срок налоговыми органами документов или иных сведений, предусмотренных законом, влечет взыскание штрафа.

Таким образом, по мере накопления долгов в течение нескольких месяцев ситуация может усугубиться вплоть до банкротства товарищества собственников жилья. Однако целесообразно запретить банкротство товариществ собственников жилья, так как возникли случаи при банкротстве товариществ собственников жилья в конкурсную массу включают общее имущество многоквартирного дома, соответственно, данные действия являются противозаконными. Причем следует, на наш взгляд согласиться с мнением Н. Косаревой о том, что общее имущество не может быть отчуждено от жилых помещений, но поскольку такая проблема возникла необходимо законодательно закрепить, что банкротство ТСЖ, ЖК и ЖСК запрещено [6]. На данный момент существуют судебные решения о банкротстве товариществ собственников жилья, которые вызывают много правовых вопросов.

Вместе с тем следует отметить, что товариществу собственников жилья важно грамотно и с полной ответственностью подойти к обязанностям, создать внутренний финансовый и кадровый резерв, организовать устойчивую легитимную схему управления

многоквартирным домом во избежание проблем ответственности. Более того, для эффективной и плодотворной деятельности товарищества собственников жилья необходима поддержка органов государственной власти.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.09.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2014).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 14; СЗ РФ. 2006. №1. Ст. 10. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 22.09.2014).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2002. №2 (ч. 1). // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 23.08.2014).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 27.07.2006) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3436. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 23.08.2014).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 28.06.2014) // СЗ РФ. 2002. №1 (ч.1). Ст.3. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru (Дата обращения 21.08.2014).
6. Российская газета [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru> (Дата обращения 21.08.2014).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801.318(802.0:809.13)

А.В. Авидзба, Г.К. Герхелия

О ГЕНДЕРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В АНГЛИЙСКОМ И АБХАЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются гендерно окрашенные фразеологизмы английского и абхазского языков. Проанализированный материал показал, что подавляющее большинство английских фразеологизмов имеют референтов-мужчин, в то время как в

абхазском языке больше гендерно маркированных единиц с женской номинацией.

Ключевые слова: гендер, фразеологизм, семантические группы, эмотивная характеристика, нравственные качества, поведенческие нормы.

A.V. Avidzba, G.K. Gerheliya

GENDER FIXED PHRASES IN ENGLISH AND ABKHAZIAN LANGUAGE

The authors consider problem of English and Abkhazian fixed phrases that have gender orientation. It was found that the vast majority of English phraseological units have referents-men, while in the Abkhazian lan-

guage more gender-marked units are based on female categories.

Key words: gender, fixed phrase, semantic groups, emotive characteristic, moral qualities, behavioral norms.

Языковой материал для изучения гендерных различий составляют фразеологические единицы исследуемых языков, извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей: А. В. Кунин «Англо-русский фразеологический словарь» [2], словарей В. А. Касландзия [3–5], Б. А. Амичба [1].

Изученный материал показал, что подавляющее большинство английских фразеологизмов (64 %) имеют референтов-мужчин: **youngman** – юноша, молодой человек, **a broth of a boy** – славный парень, молодец.

Меньшее количество фразеологизмов (28 %) относятся к референтам-женщинам: **a chit of a girl** – стройная, худенькая девушка, **a woman with the past (a woman who has a past)** – женщина с прошлым.

Имеется значительное число фразеологизмов, содержащих в себе имена собственные. Они могут иметь как референтов-мужчин, так и референтов-женщин. Большинство из них по происхождению относятся к Библии, мифологии, имеют некую

историческую или литературную основу: **Naboth's vine yard** – «виноградник Навуфея», предмет зависти; **the cup of Circe** – чаша, напиток Цирцеи, превращающий людей в другие существа.

Найдены также фразеологизмы, которые могут употребляться вне зависимости от гендерной принадлежности (4 %): **take somebody in marriage** – брать кого-либо в жены или в мужья, **make one's mash** – приобрести поклонника (поклонницу).

Также имеются парные фразеологизмы (3 %): **girl friend – boy friend, Mr. Right – Miss Right, grass widow – grass widower** и пр.

Найдены и фразеологизмы с женской номинацией, отрицательно характеризующие мужчину (1 %): **there's a woman in it** – здесь замешана женщина (объяснение поведения мужчины).

Большая часть гендерно релевантных фразеологических единиц представляет оценки нравственных качеств и поведенческих норм, а также эмоциональную оценку,

отчасти также деятельность: **lady of ease virtue** – женщина сомнительной нравственности; **white slave** – «белая рабыня» (девушка, вынужденная заниматься проституцией).

Гендерно окрашенная фразеология абхазского языка характеризуется преобладанием единиц с женской номинацией. Количественное соотношение выглядит следующим образом: 55 % единиц с женской номинацией, против 45 % с мужской. Проведенный анализ позволил выделить следующие семантические группы, связанные с жизнью и деятельностью абхазской женщины:

Материнство – 23 %. Сюда относятся единицы, характеризующие как сам процесс вынашивания ребенка, так и его рождение, и последующее воспитание: **лцәа лтәымхеит** – о женщине в положении; **лысы лоуит** – о женщине родившей, разрешившейся от бремени. Воспитание детей, как известно, считалось больше обязанностью женщины: **ақәагыцәа дылкәкәааны** (дылхныт длаазеит – воспитала в мучениях, в бедности; **касызазәла длаазеит** – воспитала ребенка в нужде.

Красота – 15 %.

Амреи амзеи реиш дкахеит – очень красивая (букв. «светится как солнце и луна»); **камчәыла еибадырбо** – хорошая девушка (женщина), о которой все хорошо отзываются.

Распущенная женщина – 11 %.

Ацәыбза дылкуеит – она завела любовника, у нее любовник; **лқал цәгыоуп** – о женщине легкого поведения.

Замужняя женщина – 10 %. Проанализированный материал позволил сделать вывод, что общая картина замужества часто окрашена в минорные тона: **лхы лфеит** – о неудачно вышедшей замуж женщине; **лынасы лыцымныкәеит** – она не получила счастья. Мужчина как адресат преобладает в подобных единицах: **лынасы иәкәеит** – он не принес ей счастья, испортил ей жизнь.

Качества женской личности – 7 %.

Положительные: **анцәа илирбаз зегы цәырылгеит** (аишәа икәылеит) – о гостеприимной женщине, она поставила на стол все, что имела; **афәа бзианы илкуеит** – она хорошо готовит еду, хорошая хозяйка.

Отрицательные: **амцабз лоуп** – (разг.) она зла на язык; **ама абз лоуп** – у нее «змеиный язык».

Фразеологизмы с мужской номинацией, как правило, имеют адресантов женщин и характеризуют недостойное поведение мужчин по отношению к женщине.

Недостойное поведение мужчины – 7 %.

Лынасы иакәеит – он испортил ей жизнь; **лыпату бжыхит** – он надругался над ней.

Зависимость мужчины от женщины – 5 %.

Лнапаака дыкоуп – он в подчинении у нее (о зависимости мужа от жены); **лнапы даншылоуп** – он (экономически) от нее зависит.

Гендерно окрашенные фразеологизмы, не относящиеся к соотношению полов – 4 %.

Касы шкәакәала дымәасит – (выс.) она прожила счастливую и безмятежную жизнь; **лқал ақәпыршәит** – сохранила тайну.

Женитьба на женщине с ребенком – 1 %.

Аеан аеыс шааз иааихәеит – (груб.) Он женился на женщине с ребенком («купил кобылу с жеребенком»).

Большинство проанализированных фразеологизмов абхазского языка относится к номинативному типу, и служат для обозначения определенных понятий. Говоря о гендерно маркированных единицах английского языка, мы считаем, что рассматриваемый фразеологический словарь представляет довольно скудный материал, что связано с наличием в нем не номинации лиц, а действий, характерных для всех людей. Исследованный материал также показал большое количество фразеологизмов с негативной эмотивной характеристикой. Причем количество негативно маркированных единиц с женской номинацией в рассматриваемых языках выше, чем единиц с мужской номинацией.

Литература

1. Амичба Б. А. *Англо-русско-абхазский словарь*. – Сухум: Алашара, 2008.
2. *Англо-русский фразеологический словарь / составитель Кунин А. В.* – М.: Литература на иностранном языке, 1956.
3. Касландзия В. А. *Фразеологический словарь абхазского языка*. – Сухум: Алашара, 1999.
4. Касландзия В. А. *Абхазско-русский фразеологический словарь*. – Сухум: Алашара, 1995.
5. Касландзия В. А. *Фразеологические синонимы в абхазском языке*. – Сухум: Алашара, 2002.

УДК 81'38

А.В. Волкогонова, С.И. Красса**КАЛАМБУР – ЯЗЫКОВАЯ ИГРА – КАРНАВАЛИЗАЦИЯ**

В статье анализируются понятия каламбура и языковой игры в аспекте соотношения их теоретико-языковой и функциональной составляющей, а также понятие карнавализации, которое встраивается в

этот ряд в качестве специфической черты субстандартной речи.

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, карнавализация.

A.I. Volkogonova, S.I. Krassa**PUN – LANGUAGE GAME – CARNIVALIZATION**

The article analyzes the concept of pun and language game in the aspect of correlation of their theoretical linguistic and functional constituents, as well as the concept of carnivalization, which is built into this se-

ries as a specific feature of the nonstandard speech.

Key words: pun, language game, carnivalization.

Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина определяют каламбур как паронимическую фигуру, «состоящую в сопоставлении слов, сходных или приблизительно сходных только по звучанию и распространении этого сопоставления на их значения в целях создания комического эффекта» [9, с. 234]. В данном случае уместно привести некоторые терминологические пояснения. Как известно, в риторике есть широкое понимание фигуры (фигуры мысли и словесные фигуры) и узкое её понимание – фигуры, состоящие из одного слова, но не тропы. Цитируемые учёные далее проводят деление между тропеическими (недискретными) и нетропеическими (дискретными) фигурами. Дискретные фигуры основаны на сопоставлении материальной формы (фонетики и графики), с одной стороны, и элементов содержания, с другой.

А. П. Сковородников существенно расширяет риторическое (стилистическое) понимание каламбура, представленное в работе Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной, выводя его далеко за рамки паронимии. Во-первых, каламбур рассматривается им как разновидность языковой игры, что важно для нашего исследовательского ракурса – исследования субстандарта в его людиче-

ской функции. Во-вторых, по мнению учёного, каламбур опирается на парадигматические отношения, что противоречит его отнесению к фигурам, которые рассматриваются как синтагматические структуры [9, с. 237]. В-третьих, это не только формальные смысловые отношения, сколько отношения между элементами содержания. Именно об этом свидетельствуют и виды каламбура, выделяемые А. П. Сковородниковым, – полисемические, омонимические, антонимические, паронимические. «Отличительными признаками каламбура как языковой игры – резюмирует исследователь, – являются: наличие двух контрастирующих элементов <...> и комический эффект [7, с. 151]. Каламбуры употребляются либо как стилистический приём, либо как отдельные высказывания, выступая, таким образом, в качестве стилистической основы соответствующих малоформатных жанров [7].

Анализ словарного и монографического описания языковой игры позволяет А. П. Сковородникову провести следующее разграничение между терминами: «Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой /

логической нормы использования любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера [8, с. 389]. Такое понимание согласуется, в частности, с концепцией, принятой в монографии В. З. Санникова [6].

Для соединения понятий языковой игры и каламбура А. П. Сквородниковым рассматривается промежуточное понятие игры слов в качестве разновидности языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов, тогда как каламбур, его мнению, – разновидность игры слов с использованием средств, указанных выше (полисемии, омонимии и других). Введение игры слов, по нашему мнению, представляется необязательным шагом, усложняющим терминологические построения и не приносящим исследовательских «дивидендов». Скорее, это просто синоним каламбура.

С. В. Ильясова и Л. П. Амири полагают, что «на сегодняшний день в отечественном языкознании можно выделить два подхода к языковой игре (ЯИ): представители первого связывают ЯИ с нарушением нормы, вторые видят в ЯИ отклонения от определённых правил, но в пределах нормы; в обоих определениях подчёркивается деструкция речевой нормы и творческий характер ЯИ» [5, с. 32]. В качестве первого подхода они указывают точку зрения Н.В. Данилевской: «Языковая игра – определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [4, с. 657].

Нам видится использование нормы в качестве ключевого концепта ЯИ далеко не универсальным аргументом: каким образом, например, рассматривать языковую игру в субстандарте, поскольку весь

он выходит, если можно так выразиться в данном случае, за рамки литературной нормы. Именно поэтому мы рассматриваем разные проявления языковой игры. Приведём три примера, иллюстрирующие нашу позицию данному вопросу (примеры ранее использовались нами в [3], однако акценты были расставлены несколько иначе).

Пример 1. Юрий Поляков в повести «Замыслил я побег...» обыгрывает отчество героя: Олег Трудович Башмаков время от времени получает в речи жены или друзей фамилию Тапочкин (ср. Башмаков), Тунядыч (ср. Трудович). Естественно, этот факт не переключает фрагменты повести в субстандарт, поскольку лексемы тунядец, тапочки не выходят за рамки литературного языка.

Пример 2. Серия однокоренных слов из молодёжного жаргона ксерачить – делать ксерокопию; ксеревое – то, что отсканировано, ксерокопия; ксерня – ксерокопированные документы представляют собой типичный пример языковой игры в субстандарте (в том числе за счёт сближения формы субстандартных слов с общенными лексемами).

Пример 3. К субстандарту следует отнести и формы среднего рода в сетевом общении типа книжко, собачко, тётко, задачо, проблемо, пятницо, игровую модель которым задал интернет-мем Йа криветко (Йа криведко, Йа креведко). Именно примеры типа ксеревое и криветко, а не Тунядыч, Тапочкин мы имеем в виду, когда говорим о языковой игре в субстандарте.

Признавая ортологический подход к языковой игре слабым эпистемическим ходом, выделим позитивные аспекты в понимании феномена. Прежде всего, оставим за рамками наших рассуждений сверхширокое (любое использование языка) и широкое (любое творческое использование языка) понимание языковой игры. Обратим внимание на креативный, творческий характер использования языка в её определении. Творческий характер использования языка – это игра с языком, когда говорящий (пишущий) переключает акцент на языковую форму. Таким образом, языковая

игра – это креативное, творческое использование языка в речевой деятельности с целью создания людического эффекта. По нашему мнению, комический эффект, создание остроты – это лишь частный случай в проявлении языковой игры. Людический эффект возникает, когда автор речи начинает выступать не просто как пользователь языка, но и как его исследователь, экспериментатор, то есть включаются два вида деятельности – языковая и метаязыковая компетенции говорящего/пишущего, когда демонстрируется не только владение системой языка и её осознание.

Между тем остаётся открытым ещё один вопрос – о цели, телеологии такого подхода к использованию языка. Вводя понятие карнавала, М. М. Бахтин замечал, что «в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» [1, с. 13]. Полагая, что субстандартная речь является «языковым полем» карнавала. Об этом мы писали ранее: «Под карнавализацией языка мы понимаем такие конститутивные культурные установки, которые позволяют посредством языковой игры строить иной мир, во многом

противоположный официальному» [3, с. 64]. В таком понимании задаются не только собственно языковые, но и лингвокультурные параметры использования языковой игры. Кроме того, следует отметить важность когнитивных механизмов в области языковой игры [2], что представляет собой отдельный аспект в разработке проблемы.

Подводя итоги проведённого сравнения терминов, отметим следующее. Каламбур представляет собой стилистический (риторический) приём, который заключается в сопоставлении двух сущностей на уровне формы и содержания с целью создания комического эффекта. Каламбур – одно из проявлений языковой игры, которая может включать в себя целый набор приёмов, и её целью является творческий характер использования языка, где игра представляет собой способ осуществления эксперимента с языком. Карнавализация – это уже отражение культурных установок, когда сменяются ценностные полюсы, задаваемые говорящим/пишущим средствами языковой игры, что находит своё выражение, в том числе и в каламбуре.

Литература

1. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Волкогонова А. В. Когнитивные механизмы языковой игры в субстандарте // *Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2012: сборник научных трудов SWorld по материалам международной научно-практической конференции*. – Одесса: 2012. – Т. 41. – № 4.
3. Волкогонова А. В., Калугина Е. Н., Красса С. И. Карнавализация как телеология языкового субстандарта // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 7 (25). – Ч. II.
4. Данилевская Н. В. *Языковая игра* // *Стилистический энциклопедический словарь*. – М.: Флинта: Наука, 2003.
5. Ильясова С. В., Амири Л. П. *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013.
6. Санников В. З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
7. Сковородников А. П. *Каламбур* // *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты* / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003.
8. Сковородников А. П. *Языковая игра* // *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты* / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. *Общая риторика: курс лекций. Словарь поэтических терминов*. 2-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 1999.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 414

М.Т. Асланова

ТЕХНОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье поднимаются вопросы возможности маркирования постиндустриального общества как общества постмодерна. Автором обосновывается тезис о том, что преобразования в производственно-экономической и научно-технической сферах современного общества следует описывать,

исходя из реалий культуры постмодерна, особенностей постмодернистской идеологии и постмодернистского мировоззрения.

Ключевые слова: постмодернизм, постиндустриальное общество, информационное общество, технологии, наука, идеология.

М.Т. Aslanova

MAN-CAUSED NATURE OF POST MODERNITY: PROBLEM STATEMENT

The author analyses the problem of possibility to identify postindustrial society as postmodern society. She proves the thesis that the transformation in industrial, economic and scientific spheres of modern society should be described on the basis of the real-

ity of postmodern culture, the characteristics of postmodern ideology and the postmodern worldview.

Key words: postmodernism, post-industrial society, information society, technology, science, ideology.

Проблематичность техногенных характеристик постсовременного общества определяется несколькими факторами, главным из которых является интеллектуальная сложность различения при анализе ситуации постсовременности культурного феномена и его теоретической модели. Во втором случае постмодернизм представлен осмыслением и в то же время критикой эпохи преодоления индустриализма. Как отмечает Е.А. Сергодеева: «Критика теории модерна в конце XX века привела к появлению целого спектра новых концептуальных моделей современности. Наиболее распространенной характеристикой общества и культуры становится их обозначение с приставкой «пост-», что предполагает преодоление в современной социальной ситуации предыдущих трендов развития» [5, с. 44]. Ситуация постсовременности становится одной из важнейших тем дискуссий после

того, как Ж.-Ф. Лиотар распространяет рассуждение о постмодерне на область философии. Выход в 1979 году его книги «Постсовременное состояние» можно условно считать началом философской рефлексии над феноменом постмодернизма и началом формирования его идеологии. Всякая идеология – государственная, политическая или культурная – имеет в своей основе теоретическое обоснование. Как правило, именно философия является инструментом и способом создания и воплощения той или иной идеологии.

О философии постмодернизма говорить весьма сложно, поскольку постмодернистская ситуация в философии возникла именно из сомнения в возможности существования философии как некоего достаточно целостного, несмотря на разнообразие позиций и методов философствования, способа постижения мира. «В этом плане пост-

модерн идет много дальше, чем неклассическая критика классического философского рационализма, отрицая саму возможность философии. Философии отказывается в праве на существование, как и любому нарративу (то есть ценностно-оценочному суждению законодательного порядка), носящему повествовательный (читай – исторический) характер. Критика нарративов – это своего рода «общее место» в текстах мыслителей постсовременности, и если осуществляется попытка сломать нарративы, то за ней с необходимостью следует вывод о «смерти философии» [6, с. 42].

Многие авторы справедливо полагают, что неоднозначность положения философии в постмодернистской культуре обусловлена тем, что ее интеллектуальная атмосфера возникла именно из-за сомнения в возможности существования науки, идеологии и других метанарративов [4, с. 142]. «В основе постмодернистского мировоззрения лежит идеологическая установка отказывающаяся разуму в его притязаниях на всемогущество. Научное знание лишается объективного статуса, рассматривается как результат действия социальных и политических сил, как воплощение стратегий власти, а сам научный текст интерпретируется как самодостаточная форма репрессии» [5, с. 46]. Это, однако, трудно совместить с характеристиками постиндустриального общества, которое часто маркируется как общество постмодерна, в которой большая роль отводится информационной деятельности невозможной без посредничества науки и техники, то есть, в итоге, рационального знания. Кроме того, «подчинение жизненного мира системному сопровождается ростом напряженности и конфликтов в современном обществе. Из области экономики и политики они постепенно перемещаются в область культуры, затрагивая жизненные ценности и ориентации людей [1, с. 200].

Идеологи постиндустриального общества в своих социально-философских построениях предлагают особое видение исторического процесса, которое можно охарактеризовать как трехстадийную кон-

цепцию. Рассуждая в рамках данной парадигмы, Тоффлер называет зарождающуюся цивилизацию «обществом третьей волны», хотя следует отметить, что этот эпитет получил меньшее распространение и для научного понятия носит несколько образный и отчасти излишне метафоричный характер. Наиболее распространенными понятиями, применяемыми для обозначения новой стадии социального развития, будут «постиндустриальное общество» и/или «информационное общество». Однако возникает вопрос, какое из них наиболее адекватно описывает реальность на рубеже третьего тысячелетия? По сути дела, данные термины являются близкими, если не идентичными по своему содержанию, ведь постиндустриальное общество по своему существу является информационным, так как определяющим в нем видом деятельности является именно информационная деятельность. В этом смысле понятие «информационное общество» более конкретно чем «постиндустриальное». Несмотря на то, что понятие «информационное общество» в определенной мере абсолютизирует научно-техническую составляющую современной эпохи, оно в наибольшей степени отражает суть происходящих в обществе и культуре перемен. Процессы информатизации – наиболее заметные процессы, происходящие в современном обществе. Они во многом детерминируют над другими, не менее знаковыми для эпохи событиями, например, сменой мировоззренческих установок, изменением подходов в научном познании, пересмотром ориентиров в социально-политической практике и т. д.

При попытке соединить постмодернистскую культуру и идеологию информационного общества возникает вопрос: существует ли достаточно оснований считать постмодернизм антисциентизмом? Как представляется, дать положительный ответ на этот вопрос, значит, поступить несколько некорректно и прежде всего в философском измерении. Дело в том, что, несмотря на то, что иногда постмодернизм отвергает глобальные проекты переустройства мира

средствами разума, то это еще не значит, что оно вообще выступает против развития научных технологий. Вряд ли вообще возможно говорить о современном обществе и современной культуре, рассматривая их вне технологического контекста. Влияние новейших электронных технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что попытка абстрагироваться от них при рассмотрении любой отрасли реальности конца XX – начала XXI века, едва ли выглядит разумной.

Постмодернизм на самом деле признает технологический характер современности и стремится осмыслить и воплотить его в своих категориях. Если обратиться к классической работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», то в ней вхождение общества в постсовременный период французский философ связывает с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания, и возникновения специфического постмодернистского видения мира [2, с. 14–23]. Подтверждением этого может служить специфика происходящих изменений в экономике развитых стран Запада в последние десятилетия. В производственной сфере главные перемены связаны, в основном, с переходом от массового характера производства к мелкосерийному – принцип стандартизации постепенно сменяется принципом разнообразия. С технической точки зрения это стало возможным благодаря внедрению новых компьютерных технологий. В свою очередь, успех технологий, разрушающих унифицированный подход в производственно-экономической сфере, во многом обусловлен стремлением человека вырваться из оков однообразия, которое породила механизация докомпьютерного периода.

С философской точки зрения, массовое производство и потребление, массовое тиражирование культурных стандартов и новые восприятия действительности, является выражением примата целого над частным, общего над отдельным, единого над множественным. Подобные установки свойствен-

ны индустриальной стадии капитализма, которая наиболее полно выражает идеологию модерна как «великого проекта» европейской культуры. Здесь уместно вспомнить рассуждения Герберта Маркузе о том, что трудно вести речь об индивидуальности в индустриальном модернистском обществе, когда миллионы людей просыпаются в одно и то же время, затем покидают свои квартиры, устремляясь в переполненном транспорте из пригородов к месту работы, где их ждет рутинный механический труд. Отрабатывая положенные часы, они одновременно возвращаются в свои типовые квартиры, где проводят досуг, читая одинаковые газеты и смотря одинаковые телепрограммы, предполагаемые индустрией бездумного времяпровождения. Почти в один момент со своими соседями они гасят в комнатах свет, а следующий их день будет мало отличаться от предыдущего. У человека не только не остается времени побыть наедине с собой, подчеркивал в свое время Г. Маркузе [3, с. 40], но и вообще возможности быть с собой. Таков итог подмены индивидуальных ценностей общими идеями, которые при использовании индустриальных технологий превращают общество в тотальность, подавляющую конкретную личность.

Возможность преодоления подобной ситуации теоретики информационного общества увидели в развертывании технологий, главным образом, электронных, то есть, резервы гуманизации техники, по их мнению, следует искать в развертывании самого технического прогресса, а не отказа от него. С развитием компьютерной технологии стал возможен отход от массификации производства – производство стало более гибким и нацеленным на удовлетворение самых разнообразных потребностей. Но, вместе с тем, связывать переход к новому историческому периоду только лишь с научно-техническими достижениями было бы не совсем корректно: в этом случае имел бы место отход от позиции технократизма, что идет в разрез с постмодернистским мировоззрением, так как утверждает приоритет одной сферы над всеми остальными.

Рассуждая в данном русле, А. Тоффлер подчеркивал, что демассификация производства происходит параллельно с утверждением новых стилей труда, новых ценностей, нового разнообразия, и эти изменения не сводятся только лишь к экономической сфере, они носят глобальный характер, проникая во все области жизнедеятельности людей. По его мнению, изменения в неэкономических сферах как раз и помогут определить, что происходит в сфере экономической [7, с. 258].

Пожалуй, именно А. Тоффлер, был наиболее глубоким мыслителем из плеяды теоретиков постиндустриального общества; именно он подчеркивал масштабность изменений в обществе конца XX века, выводя их далеко

за рамки технических и телекоммуникационных новаций. «Во все большей степени, – отмечал он, – люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и так далее» [8, с. 256].

Таким образом, можно сделать вывод, что преобразования в производственно-экономической и научно-технической сферах современного общества следует описывать в контексте общекультурных изменений, происходящих в последних десятилетиях XX века, то есть, исходя из реалий культуры постмодерна, особенностей постмодернистской идеологии и постмодернистского мировоззрения.

Литература

1. Лежебоков А. А. Особенности российской модели интеракции структур гражданского общества и государства // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал. – 2012. – № 1.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Алетейя, 1998.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1995.
4. Сапрыкина Е. В., Сергодеева Е. А. Философский дискурс в культуре постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9(47). – Ч. 1.
5. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. – 2013. – № 6.
6. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. – СПб.: Алетейя, 2003.
7. Тоффлер А. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
8. Тоффлер А. Раса, власть, культура // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

УДК 141.1

Е.В. Сапрыкина

КОНСТРУКТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ

Под влиянием лингвистического поворота трансформируется парадигма современного философствования, на первый план в ней выходят проблемы языка. Согласно конструктивизму, любое знание, в том числе и философское, конструируется субъектом. Распространяя данный подход

на философскую герменевтику, можно заключить, что понимание также конструируется в процессе овладения или придания смысла тексту.

Ключевые слова: философия, конструктивизм, понимание, герменевтика, деконструкция, язык, текст, смысл.

E.V. Saprykina

CONSTRUCTIVISM AND THE PROBLEM OF COMPREHENSION IN MODERN PHILOSOPHY

Under the influence of the linguistic turn the paradigm of modern philosophizing is being transformed. The problems of language are coming to the forefront. According to constructivism any knowledge including philosophy is constructed by the subject. Applying this approach to philosophical hermeneutics

we can conclude that the comprehension is also constructed in the process of mastering or interpreting a text.

Key words: philosophy, constructivism, comprehension, hermeneutics, deconstruction, language, text, meaning.

Лингвистический поворот, произошедший в современном философском знании, имел глубокий характер и обозначил переход от парадигмы мышления к парадигме языка, от философии сознания, мышления и субъекта к философии языка, смысла и значения. Термином «философия языка» обозначается такой взгляд на язык, при котором основные философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка служат решением для некоторых философских проблем. Философия языка как проблемная область включает в себя многообразие философских концепций, в которых объектом выступает язык, среди них герменевтика, аналитическая философия, семиотика, теория речевых актов.

Конструктивизм – направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные про-

цедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений. В рамках философии конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием [1, с. 5].

Конструктивизм в теории познания – это такой подход, согласно которому формируется представление, что человек в процессе познания и мышления не отражает или воспроизводит окружающий мир, а активно воссоздает, творит, конструирует его. Этот подход развивается разными авторами на базе различных дисциплинарных областей: на базе генетической эпистемологии – Жаном Пиаже, системной теории и кибернетики – Хайнцем фон Фёрстером, антропологии – Грегори Бейтсоном, психологии восприятия – Ульриком Найссером, психотерапии – Паулем Ватцлавиком, когнитивной психологии – Эрнстом фон Глазерсфельдом, нейробиологии и когнитивной науки – Умберто Матураной и Франсиско Варелой.

Говоря о конструктивистских идеях, следует различать понятия конструктивизм и радикальный конструктивизм. Общее, что их объединяет, – это утверждение о том, что любое знание конструируется субъектом. Радикальность радикального конструктивизма состоит в том, что в отличие от традиционных форм эпистемологии, не допускает в той или иной мере утверждение о том, знание соответствует объективной реальности. Философская позиция, на которой жестко настаивает радикальный конструктивизм, гласит о том, что знание принципиально не может отражать или соответствовать никакому реальному миру ввиду того, что единственный ему доступный «реальный мир» – это и есть тот мир, который субъект сам конструирует в процессе познания. В рамках радикального конструктивизма два утверждения – «конструирование знания» и «конструирование реальности» – обретают одинаковое звучание.

Итак, конструктивизм – общее обозначение направлений и подходов, которые завоевали влияние в эпистемологии и философии науки XX века. Они подчеркивают активно-конструктивное свойство восприятия, познания и самой реальности; понятие конструкции играет главную роль в изображении процессов порождения предметов.

Конструктивистские установки можно обнаружить во многих областях современного научного знания и социальной практики: социологии, современном прогнозировании, современной теории управления, синергетике, психиатрии, образовании. Идеи конструктивизма определенным образом прослеживаются и в современном философском знании, а именно в философии языка. В частности, Е. Г. Виноградов выделяет конструктивистские тенденции в современной аналитической философии. Традиции философии герменевтики и постструктурализма также имеют отношение к проблемам конструирования знания. Ж. Деррида развивает тезис об исчерпанности философии и разума в классических формах, основанных на понимании бытия как присутствия. Способом преодоления кризисной ситуации в

философии он считает предложенный им метод деконструкции. Основной тезис его философии – Мир есть текст. Он подверг критике европейскую традицию логоцентризма и настаивал на практике деконструкции, в процессе которой выясняется, что текст – это случайный набор цитат-архиследов. Деконструкция – это философское понятие, означающее понимание посредством разрушения стереотипа или путем включения в новый контекст. Исходит из предпосылки, что смысл конструируется в процессе прочтения, а привычное представление либо лишено глубины (тривиально), либо навязано репрессивной инстанцией автора. Поэтому необходима провокация, инициирующая мысль и освобождающая скрытые смыслы текста, не контролируемые автором.

Для выделения конструктивистских идей в рамках философии языка имеют важное значение следующие положения философии конструктивизма:

- во-первых, знание не является отражением или соответствием объективной действительности, а конструируется в процессе познания, оно социально и исторически обусловлено;
- во-вторых, признание активной роли субъекта, целенаправленно конструирующего действительность в процессе познания и организации собственного опыта;
- в-третьих, принцип мировоззренческого плюрализма, то есть признание существования различных версий реальности, каждая из которых обладает правом стать истинной;
- в-четвертых, субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга;
- в-пятых, познавательные способности самого субъекта определены его телесностью и тем социальным миром, в который он включен.

Одним из влиятельных духовных течений современности является философская герменевтика. Философское знание есть знание принципиально интерпретационное.

Основным понятием герменевтики является понимание. Но понимание, будь это нахождение смысла в письменно зафиксированных выражениях жизни (текстах) или определение смысла во всеобщей соотнесенности людей друг с другом или с миром, возможно только в языке, и осуществляется только при помощи языка. Поэтому решение герменевтических проблем (понимание смысла и интерпретация) переводится в область языка.

Первоначально герменевтика понималась как совокупность правил и понятий, приспособленных для толкования текстов. Такое понимание герменевтики характерно для средневековой религиозной традиции. Задачей такой герменевтики являлось выявление подлинного смысла Священного Писания и изложение найденного смысла верующим.

Дальнейшее развитие идей герменевтики связано с определением новых герменевтических принципов: изучение текста должно учитывать контекст слов, цель текста и отношение части к целому. Введение понятия контекст позволило решить проблему употребления языкового знака в разных смыслах. Слово обладает одним значением, но использование его в различных контекстах изменяет его первоначальный смысл и придает ему различные смысловые оттенки. Отношение части к целому определяет основной теоретический принцип герменевтики – принцип герменевтического круга.

Постепенно происходит расширение области действия герменевтики: предметом ее исследования становятся любые тексты. Фактически подготавливается почва для превращения герменевтики в общую методологическую концепцию. В русле конструктивистских идей язык стал рассматриваться не как средство отображения мира или передачи информации, выражения переживаний и чувств человека, а как единственная среда существования человека, как способ его бытия. Человек отныне не владеет языком, это язык владеет и управляет человеком. В философии герменевтики можно выделить идеи, коррелирующие с положениями конструктивизма.

Так, например, объектом интерпретации выступает текст как знаковая система, являющаяся носителем смысловой информации и имеющая языковую природу. Он является смысловой вторичной реальностью, сконструированной автором и требующий своего понимания. Причем интерпретация текста заключается не только в расшифровке первоначального смысла, но и состоит в приумножении смысла, конструировании и создании новых смыслов в процессе его прочтения.

Общее между идеями конструктивизма и философскими проблемами понимания заключается в едином взгляде на позицию субъекта. Субъект познания (читатель) в философии герменевтики понимается как активное и деятельностное существо, не только раскрывающее подлинный смысл текста, но и активно участвующий в его конструировании в процессе интерпретации. «Это слушатель, а не говорящий, определяет смысл высказывания. Это читатель, а не писатель распаковывает текст, извлекает смыслы в соответствии со своими личностными смыслами. Язык тоже подобен танцу, в котором два человека взаимно друг друга строят, изобретают, определяют, чтобы ствть единством» [3, с. 144].

Возможность существования разных версий интерпретации текста, и соответственно, создаваемых реальностей связано с тем, что абсолютно адекватное понимание текста невозможно. Текст содержит потенциальное множество смыслов, которые постигаются людьми, в свою очередь, вносящими новые смыслы, обусловленные их личностью, признаками собственной культуры. Интерпретация текста принципиально не завершена.

В качестве объекта герменевтического исследования выступает человек, от качеств которого субъект познания полностью абстрагироваться не в силах, даже если сущность последнего выражена посредством отчужденных структур (текста, других произведений). Поэтому познание осуществляется в форме диалога, в котором подчеркивается активность

обеих сторон, как субъекта, так и объекта. Причем важнее не точность в познании, а глубина понимания и проникновения в исследуемый объект. «Познание здесь на-

правлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений. Здесь важна и тайна, и ложь (а не ошибка)» [4, с. 5].

Литература

1. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2008. – № 1.
2. Кезин А. В. Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2004. – № 4.
3. Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм / Философия науки. Вып. 12. – М.: ИФ РАН, 2006.
4. Миронов В. В. Специфика гуманитарного познания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм?) // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. – 1998. – № 6.
5. Сергодеева Е. А. Феноменологическая версия эпистемологического конструктивизма // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2010. – № 4.

УДК 130.2

В.Е. Черникова

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОПОРЯДКА И КУЛЬТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

В статье автор обращается к проблеме культурного взаимодействия как фактора обеспечения культурной стабильности. Россия представлена как особый социокультурный тип, в рамках которого возможен синтез восточной и западной культур, име-

ющий в итоге новый интегральный цивилизационный тип.

Ключевые слова: межкультурный диалог, межкультурное взаимодействие, цивилизационное пространство, синтез, миропорядок.

V.E. Chernikova

THE DIALOGUE OF CULTURES AND CIVILIZATIONS AS A FACTOR OF ENSURING WORLD ORDER AND CULTURAL INTEGRITY

The author examines the problem of cultural interaction as a factor of ensuring cultural stability. Russia is presented as a specific socio-cultural type within the frame of which the synthesis of western and oriental cultures

is possible. As a result, a new integral civilizational type can be created.

Key words: intercultural dialogue, intercultural interaction, civilizational space, synthesis, world order.

Начало XXI века отмечено необходимостью принятия самоценности любой существующей культуры, сохранения локальных культур и защиты их от информационной агрессии. Все это предполагает новые виды культурного взаимодействия. Наиболее перспективным является межкультурный диалог с его имманентной установкой на

взаимопонимание и партнерство, обеспечение миропорядка, культурной стабильности. Нельзя не согласиться с В. И. Толстых в том, что сегодня необходима «новая идеология диалога, которая может быть выработана путем консенсуса двух господствующих ныне мировоззренческих ориентаций и типов мышления – антропоцентричного

(«западного») и космоцентричного («восточного»). Первый зиждется на логике обладания и господства, второй – на логике мудрости» [6, с. 173]. В условиях социальной динамики существование культурной стабильности становится проблематичным. Несмотря на то, что в начале нового века отмечается возрастающая роль культуры в социуме, мы вынуждены констатировать обострение проблем, связанных с взаимодействием обществ с различными культурными стандартами. Свидетельством этому является появление научных работ по вопросам состояния и развития культуры, а также многочисленные дискуссии, связанные с сохранением культурного наследия. В современной ситуации человечество часто обращается к культуре, видя в ней средство преодоления кризисов и разрешения многочисленных противоречий. Активизация национального культурного потенциала и культурных традиций предполагает использование диалога, как вида межкультурного взаимодействия, способствующего взаимообогащению культурных систем и направленного на углубление культурного самосознания и формирование культурной идентичности.

Теория диалога культур получила большое распространение в европейской гуманитарной сфере в XX веке. Многие науки, такие как: религиоведение, философия, литературоведение лингвистика, а также теория и практика межкультурных коммуникаций, педагогика и методика обучения и воспитания опирались на идеи межкультурного диалога. По сути, диалог культур становится универсальным «герменевтическим ключом» для осмысления социокультурных явлений и отношений, которые носят международный, межнациональный, межконфессиональный и межкультурный характер.

Современные проблемы диалога культур отражают актуальные формы социокультурного взаимодействия, главной особенностью которых можно назвать углубление культурных связей между народами. Диалог, с одной стороны, помогает

найти смысловое соответствие между различными культурными структурами, с другой, – обнаружить невозможность такого соответствия. В процессе диалогического взаимодействия наблюдается снижение напряженности и стремление продемонстрировать идентичность позиций субъектов культурного взаимодействия. Сложившаяся в современной культуре ситуация характеризуется амбивалентностью. Так, с одной стороны, наличие существования многообразия равных культур с их самоценностью и уникальностью, с другой, – признание необходимости появления своеобразного интегрирующего начала, формирующего культурную целостность, без которой трудно представить не только развитие современной цивилизации, но и существование человечества в начале XXI столетия. По мнению многих исследователей, основой для осуществления диалогического межкультурного взаимодействия является понимание культуры и ее составляющих как отличных друг от друга «субъектов», обладающих автономностью по отношению к другим культурам и одновременно обладающих внутренней готовностью к постижению сути другого.

Исследователи выделяют внутренний и внешний диалог как два основных вида диалогового культурного взаимодействия. Внутренний диалог – это диалог, который разворачивается в культуре с двумя, тремя и более субкультурами, которые испытывают потребность в межкультурных контактах. В этой связи М. М. Бахтин, а позже и В. С. Библер доказали, что диалог может осуществляться не только в процессе взаимодействия разных «субъектов» (в нашем случае – культур), он также происходит и внутри отдельно взятой культуры, которая характеризуется разнообразием культурных ценностей. В результате освоения «Другого», то есть других норм культуры (В.Библер) часть из них становится «моими», превращаясь в частицу моего «Я», другая часть – не принимается, отвергается и закрепляется в сознании человека как нечто «чужое». Что касается внешнего диалога, то он осуществляется на границе дру-

гих, зачастую противоположных культурных смыслов. М. М. Бахтин отмечал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [4, с. 354].

Современная культура может вступить в диалог, только представляя собой определенную целостность, имея смысловое единство, указывающее на его завершенность и определенность. Даже в условиях кризисов культура «ищет» новую парадигму своего существования, используя «свою манеру» и свой язык. Основу подобного «поиска» составляет глубокая сущностная потребность культуры в общении с другими культурами, основанная на отсутствии «глухоты к другому», отражении себя в другой культуре и отражении чужой культуры в себе.

Являясь субъектом диалога, культура демонстрирует не только свои сущностные особенности, но и то множество культурных образцов, которые имеют ценностную значимость и являются актуальными в определенный исторический период. В данном случае, мы имеем ввиду исторически уникальное «семантическое поле» культуры, которое воплощено в «жизненном мире культуры», который понимается как тесная связь ее глубинного содержания и тех ценностей, которые доминируют и определяют особенности культурного содержания в пределах определенного отрезка времени. Таким образом, существование любой культуры предполагает необходимость вступать в диалог с другими культурами с целью утверждения универсальных ценностей. Однако в современных условиях поиск универсальных культурных смыслов влечет за собой трудности в способах поддержки и обосновании этих ценностей.

Цивилизационное пространство, в котором происходит культурное взаимодействие, не должно пониматься как «готовое» общее место, куда «входят» культуры. В современном обществе существует устойчивая необходимость культурного плюрализма при решении глобальных проблем современности. Становится очевидным, что в будущем диалог между цивилизациями с их культурными, этническими, социальными особенностями будет необходим, а тезис о единстве мировой цивилизации не будет казаться ложной концепцией. В настоящее время рассмотрение мира сквозь призму рационального европоцентристского восприятия не может отвечать духу времени.

Следует особо отметить, что ценности, составляющие стержень любой культуры, не только определяют цивилизационные и культурные различия, но и рассматриваются в качестве общей основы диалога культуры цивилизаций. Как ядро культуры, система универсальных ценностей «Объединяет» человечество и гарантирует социокультурную целостность. Именно общечеловеческие ценности лежат в основе диалогичности культуры: культура – это диалог с прошлым, с другими временами, с другими народами.

Универсальные ценности, которые образуют наследственный генотип любой цивилизации, подвержены циклической динамике, связанной с кризисами и социокультурными трансформациями. Эпоха информатизации социокультурного пространства отличается глубочайшим в истории цивилизации кризисом общечеловеческих ценностей, их радикальным пересмотром и определенной переоценкой. Этот факт можно рассматривать как с положительной, так и с отрицательной стороны. По этому поводу Ю. В. Яковец пишет: «Угроза глобальной войны, столкновения цивилизаций, экологической катастрофы не только поставила под вопрос существование человечества, но и усилила движение от культа войны и насилия к культуре мира и терпимости, к признанию общих ценностей всего человечества и каждой личности,

к пониманию приоритетной роли культуры и культурного наследия, распространению идей ноосферной коэволюции общества и природы» [8, с. 330–331].

Ускоряющиеся трансформационные процессы, характерные для начала XXI века и становление постиндустриального общества, способствовали тому, что проблема диалога цивилизаций становится одной из важнейших проблем современности. Локальные цивилизации взаимодействуют, конкурируют, сосуществуют и приспосабливаются друг к другу, вливаясь в поток глобальной цивилизации. Такое сосуществование цивилизаций предполагает цивилизационное развитие отдельного общества, делает менее обременительным процесс его модернизации, облегчает передачу знаний, технологий, научных достижений, культурных ценностей.

Диалог цивилизаций представляет собой такое взаимодействие разнообразных социальных и культурных миров, при котором осознается не только равенство народов и их позитивное сотрудничество, но и важность переосмысления собственных перспектив социокультурного бытия. По мнению Л. В. Мантатовой, «конкретные формы, которые примет цивилизация в процессе дальнейшей эволюции, будут зависеть от степени развития стратегического партнерства разных стран, общественных сил, локальных цивилизаций. Здесь сопоставляют различные интересы и ценности. И объединить их может общезначимая для всего человечества единая идея, или программа – цель. Такой идеей, на наш взгляд, может быть идея устойчивого (жизнестойкого) цивилизационного развития» [2, с. 235].

Основным содержанием цивилизационного развития современности можно назвать диалог восточной и западной цивилизаций. С точки зрения культуры, отношение Востока и Запада можно интерпретировать следующим образом: как отношение философии Востока и Запада; как возможность встречи двух мировоззрений – западного (эллинистического) и восточного (иудейского); как отношение католицизма (Запад) и

православия (Восток). Кроме этого, проблема отношения Запад-Восток может быть поставлена как вопрос, касающийся связи Византии с Древней Русью внутри православия. Важно подчеркнуть также, что проблема взаимоотношения Восток-Запад рассматривается и как проблема внутри русской культуры, которая связана с попыткой определить исторический путь развития России.

Таким образом, «встречу» восточной и западной цивилизаций можно назвать событием планетарного масштаба, в которой коэкзистируют разные по своему содержанию культуры. Реальность развенчивает миф о несовместимости цивилизаций Востока и Запада. Получает свое развитие процесс «Великого Синтеза», суть которого можно продемонстрировать, используя пример развития Китая. Стратегия данного развития ориентирует китайский народ на сочетание западной материальной культуры с китайской духовной культурой.

Если в качестве основного содержания современного социокультурного развития считать диалог восточной и западной цивилизаций, то именно Россия, как «Восток-Запад» (Н. А. Бердяев), в силу своего уникального исторического предназначения способна образовать особый социокультурный тип цивилизационного развития. Основу нового типа цивилизации составит синтез следующих противоположностей: технологическая и экологическая культура, материальное и духовное начало, традиционные и либеральные ценности и т. д. Историческая миссия России заключается в реализации этого «Великого Синтеза». В данном контексте диалог призван выполнить очень важную миссию, а именно: осуществить «синтез» восточной и западной культур с целью формирования нового интегрального типа цивилизационного развития.

В русской культуре, в которой объединены различные культуры как составные части, одновременно можно найти черты общеславянской, европейской и азиатской культур, то есть – всемирной, общечеловеческой культуры. Можно сказать, что Рос-

сия сквозь призму своей культуры представляет собой своего рода уменьшенную копию или модель мирового сообщества, а ее многоязычие, поликультурность и поликонфессиональность отражают смысловую многомерность и сложность мировой культуры как глобального единства всех культур. Межкультурные диалоги, в которые Россия исторически вступала, доказывают и подтверждают ее избранность.

В этой связи необходимо отметить, что Россия на протяжении всего исторического и культурного развития никогда не мыслила себя на периферии мирового общественного процесса, она всегда была причастна ко всем мировым событиям. Подтверждением этому служит учение Н. Бердяева о русском мессианизме. Пограничное положение российской культуры между европейской и неевропейской позволило России стать центральным связующим звеном между восточным и западным миром, претендовать на роль «цивилизационного моста» между Западом и Востоком и возложить на себя миссию объединения противоположных частей единого целого, то есть «мирового сообщества» (эта идея легла в основу концепции цивилизационного «всеединства» Вл. Соловьева).

Одновременно это означает, что различные противоречия между Западом и Востоком, а также любое столкновение цивилизационных и культурных интересов западных и незападных стран так или иначе проходит и не может впредь не проходить через российское (евразийское) пространство, которое отныне становится местом борьбы противоречивых тенденций развития человечества. Так, А. Г. Плеханов считал, что драматический характер исторических и социокультурных процессов в России объясняется глубоким антагонизмом существующих в российском обществе демократических европейских традиций и элементов восточного деспотизма и азиатского способа производства. Этот антагонизм, носит всемирно-исторический характер и имеет прямое отношение, как к России, так и к граничащим с Россией Европе и Азии.

В последнее время, в связи с трансформационными процессами, происходящими в мире, отличительным признаком диалога культур становится его противоречивость, которая выражается в конфликте двух тенденций. Первая тенденция состоит в том, что культура каждого народа, демонстрируя его особенность и неповторимость и показывая уровень его творческих способностей, одновременно превращается в достояние всего человечества, благодаря интенсификации коммуникативных технологий. В данном случае диалог культур, который может осуществляться в различных формах, способствует пониманию между людьми, обеспечивает приобщение человека к другой культуре, выявляя ее уникальность. Другая тенденция состоит в том, что культурные различия часто приводят к непониманию между народами, неспособности к диалогу и культурному взаимопониманию. В данном случае диалог культур превращается в культурный конфликт. Таким образом, направленность современного межкультурного диалога и его характер зависят от особенностей межкультурного взаимодействия на уровне региональных систем.

Говоря о России, важно подчеркнуть, что она представляет собой не только «всеединую» культуру, но и является уникальной цивилизацией, которая объединяет большое количество этносов, имеющих собственную культуру и составляющих основу российской цивилизации. Как известно, вопрос о цивилизационной природе России имеет неоднозначное решение. Например, И. Г. Яковенко считает, что Россия представляет собой некую аморфную реальность, расположенную между западной и восточной цивилизациями. Таким образом, она не может называться самостоятельной цивилизацией. Россию можно идентифицировать как неопределенное межкультурное пространство с неустойчивыми границами. Несмотря на то, что в рамках этого пространства постоянно осуществляется синтез элементов, присущих разным цивилизациям, создание самостоятельной цивилизации не представляется возмож-

ным. «В рамках России агрегируются элементы, не складывающиеся (во всяком случае – пока) в высокоинтегрированное синтетическое целое. Отсюда проблемы и беды России... Ценой неимоверного исторического усилия из поколения в поколение наш народ работает над соединением несоединимых элементов в эффективное динамичное целое» [7, с. 148].

Отстаивая цивилизационную природу России, О. А. Платонов употребляет понятие «русская духовная цивилизация», для того, чтобы подчеркнуть ее отличие от западного потребительского общества [5, с. 79]. С точки зрения В. Я. Пашенко, в определении цивилизационной природы России необходимо подчеркнуть особенности российской идентичности, в этой связи ученый предлагает название «евразийская цивилизация» [4, с. 11]. Достоинством данного определения, является то, что в нем, во-первых, отражена многонациональная и поликонфессиональная особенность России, во-вторых, в нем фиксируется признание за Россией объединяющей миссии Востока и Запада в едином евразийском пространстве. По нашему мнению, Россия, имея свою уникальную историко-культурную судьбу с богатым духовным наследием, может считаться самостоятельной цивилизацией, занимающей достойное место в ряду других цивилизаций Запада и Востока.

На вопрос о том, что может Россия предложить миру в процессе межкультурного диалога, можно ответить, что одним из главных богатств России являются продукты духовного производства, новые идеи. Поэтому мы согласимся с мнением Н. Н. Моисеева, что «положительную роль мог бы играть духовный фактор, система российских традиций, позволяющая сочетать многие особенности европейского Запада и тихоокеанского Востока. Разумное использование обеих этих возможностей может открыть для нашей страны достаточно оптимистические перспективы» [3, с. 149–150].

В условиях конфликтогенности современного мира, вызванной этническими противоречиями, именно Россия, имея огромный

опыт межнационального и межкультурного общения, способна предложить миру эффективные способы разрешения противоречий и конфликтов. Исходя из вышесказанного, вопрос о цивилизационной природе России носит дискуссионный характер.

Исследование феномена «диалог» в цивилизационном контексте указывает на то, что границы применения этого термина значительно расширились. Беря во внимание степень трансформаций современной реальности, интерпретация диалога как социокультурного взаимодействия должна базироваться на синергетическом подходе, который позволит учитывать степень универсализации культуры, уровень цивилизационных разломов, разработать способы минимизации возможностей социальных катастроф. Например, децентричность диалога, его способность к самоорганизации позволяют рассматривать его как социокультурный фрактал. Фрактальная трактовка диалога ведет к тому, что появляется возможность после рассмотрения диалога применительно к одному уровню социокультурной реальности, проецировать полученные знания на другие уровни.

Исходя из того, что диалог имеет в себе не только потенциал упорядоченности, но и потенциал хаоса, цивилизации, которые вступают в диалог, имеют стабильное и поступательное развитие, минуя статический застой. Таким образом, определенная нестабильность и хаотичность, существующие в современных диалоговых взаимодействиях, посредством наличия у диалога свойства к самоорганизации постепенно эволюционирует к устойчивому, упорядоченному целому.

В контексте российской цивилизации современный диалог культур имеет свою специфику, которая заключается в универсальности восприятия культуры отдельным этносом при наличии вариативности ценностной шкалы. Поэтому формы диалога должны выражать уникальность каждой этнической культуры. В условиях модернизации российского общества диалог между культурами должен осуществляться в форме

культурной консолидации, которая предполагает объединение и сплочение культур, учитывая их этнокультурные особенности. Например, в Северокавказском поликультурном макрорегионе основным консолидирующим звеном может выступить религия как духовный стержень любого общества. Большое значение имеет ритуальность кавказской культуры, которая может быть рассмотрена в качестве своеобразного механизма сохранения единства и культурного согласия. Кроме этого, важную роль в оптимизации диалога культур играет поликультурное воспитание, главная задача которого состоит во внедрении диалогового обучения, основанного на рассмотрении человека как уникального мира культуры.

В национальном отношении человечество неоднородно и эта неоднородность, с одной стороны, порождает непонимание, отчуждение, напряженность между народами, является источником конфликтов; с другой стороны, национальная неоднородность

способствует более глубокому познанию других людей и их культуры, способствует духовному взаимообогащению, стремлению «окунуться» в глубину мировой культуры.

Состояние «тоски по мировой культуре» (О. Мандельштам) преодолевается постоянной духовной работой и поиском духовного отклика, который способен преодолеть культурные барьеры, стремлением вступать в диалог с целью установления культурной целостности.

В заключение отметим, что в современной социокультурной реальности наблюдается расширение границ диалога, это означает распространение принципа диалога не только на межличностные отношения, но и на межкультурные и межкультурные взаимодействия. Следовательно, главная задача современного человечества состоит в радикальной трансформации жизненных установок человека и демонстрации воли к диалогу с окружающим его сложным и противоречивым миром.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
2. Мантатова Л. В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. – Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2004.
3. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000.
4. Пашенко В. Я. Социальная философия евразийства. – М.: Альфа-М, 2003.
5. Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. – М.: Издательство «ИРЦ», 2008.
6. Толстых В. И. Будущее цивилизации в контексте диалога культур / В кн.: Диалог культур в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2005.
7. Яковенко И. Г. Мир через призму культуры. Культурология и россиеведение. – М.: Знание, 2013.
8. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2001.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 324

Е.В. Галкина, Р.Э. Герман

О ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматривается политический менеджмент в двух аспектах: как политическая технология, связанная с управленческой функцией акторов политики, и как часть политической науки, её субдисциплина, как сфера изучения политики. Анализируются различные научные подходы к концепциям политического менеджмента, политических технологий в современном политологическом дискурсе. Актуальным является рассмотрение авторами новых

подходов к концепту электоральный менеджмент, электронное правительство и др., которые в настоящее время все больше привлекают внимание исследователей и политиков.

Ключевые слова: политический менеджмент, электоральный менеджмент, управление в политике, политические технологии, прикладная политология, политический процесс, политические структуры, электронное правительство.

E.V. Galkina, R.E. German

OF POLITICAL MANAGEMENT: INSTITUTIONAL APPROACH

This article discusses political management in two ways: as political technology related to the managerial function of policy's actors, and as a part of political science, its subdiscipline and an area of political studies. Various scientific approaches to the concepts of political management, political technologies in modern political science discourse are analysed. The authors examine new ap-

proaches to the concept of electoral management, e-government and others which at present are increasingly attracting the attention of researchers and policy makers.

Key words: political management, electoral management, politics, political technologies, applied political science, political process, political structures, electronic government.

Политический менеджмент рассматривается нами через призму прикладной политологии, которая является составной частью и одновременно специфическим исследовательским уровнем политологии. Данное направление политологии связано с изучением возможностей использования результатов теоретических исследований в политической деятельности. Предметное поле прикладной политологии имеет четкие пространственно-временные границы: она рассматривает конкретные политические проблемы в локализованных политиче-

ских ситуациях, с учетом того, что в решении этих проблем значимым ресурсом политической деятельности выступает фактор времени. Прикладная политология выступает как бы связующим звеном между теоретическими знаниями фундаментального характера и непосредственно политическими технологиями, которые реализуются при непосредственном участии политологов [3, с. 301–302].

В настоящее время понятие «политический менеджмент» активно используется в политической науке. Это понятие весьма

близко понятию политической деятельности, но не идентично ему. Появление понятия «политический менеджмент» можно объяснить определенной близостью управленческих и политических технологий, их единой направленностью на человека и его интересы. Само понятие менеджмента очень широкое, потому допускается его использование в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Менеджмент (от англ. «management» – управление, заведование, организация) выделился в самостоятельную область знаний в XX в. Основоположителем менеджмента, как науки, считается американский инженер и исследователь Фредерик У. Тейлор, который возглавил движение научного управления. Он заинтересовался не эффективностью человека, а продуктивностью деятельности организации, что и положило начало развитию школы научного управления. В своих работах «Управление фабрикой» (1903 г.) и «Принципы научного менеджмента» (1911 г.) Ф. Тейлор разработал ряд методов научной организации труда [11].

В структуре политического менеджмента рассматриваются следующие институциональные единицы: новые политические технологии, политический рынок, политическая кампания, политический PR, имиджмейкинг, электоральные технологии, политическая идентичность, политический маркетинг, политическая реклама, политическая коммуникация, политическое прогнозирование и др. [8, с. 12–13].

На наш взгляд, в современной политологии актуальны вопросы об обстоятельном анализе и оценке способов подготовки прогнозов, более точном определении возможностей и границ каждого из них, а также апробации новых методов.

Особенностью научного знания о политическом менеджменте является его междисциплинарный характер. Исследование этого вида управленческих отношений в политике в настоящее время осуществляется учеными различных направлений – политологами, социологами, психологами, экономистами и др. [9, с. 47]. Для всех пе-

речисленных ученых есть свое поле научных разработок. Прежде всего, нас интересуют политологи, которые рассматривают политический менеджмент как прикладную политическую науку, ее направление, где осуществляется непосредственное соединение теории и практики политической жизни.

Соответственно, политический менеджмент – это особый вид управленческих отношений, складывающийся в политике, но, с другой стороны, этим же термином можно обозначить и систему знаний об этом виде управления. Междисциплинарный подход к политическому менеджменту обусловлен также актуальностью его изучения в современных условиях, когда переплетены предметные поля политологии, социологии, экономики, психологии, истории, культурологии, географии, журналистики и других дисциплин [9, с. 48].

В XX столетии в жизни многих обществ происходили серьезные изменения. Процессы демократизации, ограничение действий высших государственных должностных лиц законом, идеологические столкновения, провозглашение незыблемости прав и свобод личности, изменение ценностных ориентаций населения, выход на политическую арену партий, общественно-политических движений, объединений потребовали внесения серьезных коррективов в способы достижения политических целей. В такой ситуации не могло не произойти возрастание интереса различных политических сил к особому виду управленческих отношений – к политическому менеджменту [5; 7, с. 164–170].

По мнению Г. В. Пушкаревой, политический менеджмент – это особый вид управления в политике, когда субъект управления, стремящийся к достижению определенной цели, лишен возможности создавать общеобязательные нормы и опираться на право «легитимного насилия», то есть либо на право государственного принуждения, либо на статусное право в политической организации [9, с. 16].

Политический менеджмент позволяет управляющему субъекту решать следующие задачи: укрепление авторитета госу-

дарственного или политического деятеля; создание привлекательного образа государственного учреждения, политической партии, общественной организации или группы давления; расширение числа сторонников той или иной политической программы, управленческого проекта; формирование электоральных предпочтений населения; организация политических союзов, блоков; влияние на политических оппонентов, а также на противников в политических конфликтах; оказание воздействия на лиц, принимающих государственные решения; мобилизация масс для политической поддержки и т. д. [6].

Перечисленные политические задачи невозможно решать традиционными методами управления – путем принятия обязательных к исполнению решений, путем создания норм, правил или законов, путем принуждения людей к выполнению принятых управляющими решений. Особенностью политического менеджмента является то, что в его рамках субъект управления, стремясь к достижению поставленных целей, не использует право легитимного насилия и статусные ресурсы политической власти. Политический менеджмент использует специфические приемы и методы как особый вид управленческих отношений.

Развитие новых политических технологий в России идет мощными темпами. Здесь актуален вопрос изучения понятия «политические технологии» в структуре политического менеджмента. Несомненно, политические технологии – это средство искусного воздействия на мотивацию людей, на их сознание и подсознание; способы побуждения людей действовать в соответствии с интересами политического субъекта; приемы внесения в массовое сознание новых представлений, ценностей, установок, убеждений и др.

Отметим, что возрастает значение функций и роли политического менеджмента в современных условиях, а именно, в современной социально-политической практике. Политический менеджмент рассматривается как возможность решения политических задач

без физического принуждения и повышение эффективности государственного управления без репрессивного механизма санкций.

Выделим следующие виды политического менеджмента: имиджмейкинг, корпоративный политический имиджмейкинг, электоральный менеджмент, технологии регулирования и разрешения политических конфликтов, технологии лоббизма, политический брендинг, технологии политического лидерства и др.

Определенную трудность составляет анализ различных технологий в политическом менеджменте, таких как технологии политического лидерства (определенный порядок процедур, действий, сочетающих в себе научный анализ ситуаций, возможностей, этапов деятельности и получение соответствующих результатов), технологии взаимодействия с различными политическими и неполитическими структурами, объединениями, массовыми организациями [1, с. 15–16], технологии регулирования и разрешения политических конфликтов (предполагающие поиск путей и средств снижения политического противостояния и политической напряженности в обществе) [4], технологии лоббизма (как деятельность, направленная на оказание воздействия на государственных должностных лиц, принимающих управленческие решения).

Значительное место в институциональной структуре занимает электоральный менеджмент и, соответственно, вопрос о его месте и роли в ходе проведения избирательных кампаний в современном российском политическом процессе. При характеристике понятия «избирательная кампания» следует учитывать ряд позиций: предварительный анализ и сроки проведения избирательной кампании, диагностика политического рынка, предварительная оценка конкурентной среды, оценка положения кандидатов в электоральном пространстве. Так, избирательная кампания – это всегда война компроматов. Поэтому кандидаты всегда выполняют (учитывают) следующие операционные параметры: сбор информации о соперниках; составление психологи-

ческого портрета конкурентов; разработка основных способов снижения негативного воздействия конкурентной среды; разделение «чистых» и «грязных» технологий в избирательном процессе; применение PR-технологий в предвыборных кампаниях и др.

Технологии электронного правительства также широко используются в политическом менеджменте [10, с. 123–124]. Одним из главных ресурсов современного государства является информация, что не может не возлагать на государственный аппарат обязанностей по ее производству, использованию в рамках стратегии развития государства, хранению и структурированию с целью подачи населению. Особенно актуальным это становится в эпоху интенсивного развития информационных технологий, дающих возможности для скоростного оперирования крупными информационными массивами.

Современный этап развития информационной политики в современных полициях с развитой системой электронного правительства имеет характер сетевого присутствия, когда основная масса государственных услуг оказывается гражданам в электронном формате, а широкие возможности электронного правительства используются для повышения степени участия граждан в государственном управлении; институционально оформлена система обратной связи, являющаяся предпосылкой для контроля гражданским обществом деятельности органов власти и управления [2, с. 148–150].

Так, органы государственного управления ряда стран, таких как США, Канада, Франция, Индонезия, Южная Корея и др., их истеблишмент и структуры гражданского общества за последние десятилетия смогли создать институционально развитую систему государственной информационной политики, позволяющей рационально организовать оказание государственных услуг населению и обеспечить возможности для участия граждан в государственном управлении и гражданского контроля.

Таким образом, электронное правительство и такие его элементы, как сайты органов власти и управления представляют собой действенный инструмент развития демократии, сокращения государственных расходов и времени граждан, затраченного на получение государственной услуги [12, с. 21–22].

В заключение отметим, что развитие политического менеджмента открывает новые знания о политике, политических технологиях. Рассмотрение политического менеджмента через институциональный подход позволило выделить ряд ключевых единиц анализа, таких как политический рынок, электоральные технологии, электронное правительство и др., на которые делается акцент во взаимоотношениях граждан и государственной власти, что в дальнейшем будет способствовать повышению транспарентности и интерактивности в этих взаимоотношениях.

Литература

1. Галкина Е. В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар, 2010.
2. Галкина Е. В. Становление гражданского общества в современной России: политологический анализ: монография. – Ставрополь: Мир данных, 2008.
3. Герман Р. Э. Деловые игры в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Историко-педагогические чтения. – 2003. – № 7.
4. Гильмулина Д. А., Наточий В. В. Применение методов политического менеджмента в сфере регулирования межнациональных отношений на нормативно-правовой основе // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5(43). [Электронный ресурс] URL: <http://e.lanbook.com/view/journal/82084> (Дата обращения 28.06.2014).
5. Грейсон Дж., мл., О'Дел К. Американский менеджмент на пороге XXI века. – М.: Экономика, 1991.
6. Политическая кампания: стратегии и технологии: учебник для вузов / Е. В. Забурдаева; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: Аспект Пресс, 2012.

7. Керов В. В., Шпотов Б. М. Этические концепции эффективного менеджмента в США и России в конце XIX – начале XX века: Опыт сравнительного анализа // Американский ежегодник, 1999. – М.: Наука, 2001.
8. Лютый В. П. Политический менеджмент (политология, прикладные исследования, менеджмент): учебное пособие. – М.: Российская академия правосудия, 2012.
9. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент: учебное пособие. – М.: Дело, 2002.
10. Рябцева Е. Е., Казанов А. Х. Электронное правительство в условиях модернизации современных управленческих решений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1.
11. Тейлор Ф. У. Менеджмент. – М.: Контролинг, 1992.
12. Тризно Т. А. Электронное правительство как инструмент реализации государственной информационной политики Канада: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Астрахань, 2014.

УДК 32.019.52

В.А. Кнурова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В статье сопоставлены рейтинговые показатели трех российских президентов, проанализированы особенности их восприятия общественным мнением, а также рассмотрено явление т.н. «рейтингового толчка», с помощью которого автор объясняет высо-

кое одобрение обществом политика, который становится преемником действующего президента.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, рейтинг, президент, власть, респондент.

V.A. Knurova

POLITICAL LEADERSHIP OF RUSSIAN PRESIDENTS IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION

The article compares ratings of three Russian presidents, analyzes the features of their perception by public opinion, and also examines the phenomenon of the so-called «rating push» by which the author

explains the high approval of a politician, who becomes the successor of the current president.

Key words: public opinion polls, rating, president, power, respondent.

Учитывая относительно недавнюю (в сравнении, например, с американской) историю российского президентства, а также ее ограниченность тремя конкретными персоналиями, представляется целесообразным совместный анализ рейтинговых показателей Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева с их последующим сопоставлением, а также привлечение данных сопутствующих опросов общественного мнения. Сформировавшийся за эти годы в России специфический характер передачи президентской власти, когда действующего

главу государства каждый раз сменяет его непосредственный преемник, т. е. политик, кандидатура которого предлагается самим уходящим президентом, также требует изучения с точки зрения уровня доверия, оказываемого населением как предыдущему, так и последующему главе государства.

В 1990 г., в эпоху стремительных и кардинальных преобразований в стране, все более заметной на политической сцене становится фигура Б. Ельцина. Критика коммунистической партии и последующий выход из нее, требование отставки М. Горбачева

и другие действия превратили Б. Ельцина в борца за демократические ценности. По данным опросов того времени, главными чертами Б. Ельцина как политического деятеля в восприятии респондентов, были открытость, прямота, амбициозность, стремление к власти, а также учет интересов и настроений простых людей. М. Горбачеву, по данным того же опроса, приписывались двуличие, лицемерие, слабость, неуверенность в себе, умение маневрировать и равнодушие к человеческим жертвам [18, с. 56].

Основными причинами падения (и довольно резкого) президентского рейтинга Б. Ельцина уже после его избрания на этот пост, можно считать, во-первых, провал предпринятых реформ (приватизация, падение уровня жизни населения, рост преступности, война в Чечне), во-вторых, неспособность и нежелание власти заниматься политическим и, в частности, демократическим просвещением, объясняя смысл и значение проводимых в стране реформ, в-третьих, активную критику деятельности президента в СМИ.

В результате, если в июле 1991 г. доверие Б. Ельцину, по данным Левада-центра, выражали 82 % респондентов (в т.ч. полное доверие – 56 %), то ко вторым президентским выборам он подошел с более чем вдвое понизившимся рейтингом: в июне 1996 г. доверие к президенту сохранил 41 %, причем полное доверие – лишь 9 % [9, с. 10]. Рассматривая динамику популярности первого президента России, можно констатировать, что ее пик пришелся на 1991 г., а затем последовал планомерный и неукоснительный спад (небольшой подъем, фиксируемый в 1996 г. произошел в связи с предвыборной гонкой) [5, с. 31].

Результатом неудачного реформирования стало не только разочарование в Б. Ельцине как политике, падение его личного политического рейтинга, но и разочарование в демократии как таковой. В сентябре 1995 г. (опрос ВЦИОМ) 45 % респондентов согласились с суждением, что «было бы лучше, если бы все в стране осталось так, как было до 1985 г.», 29,5 % выразили свое несогласие с подобной оценкой [19, с. 314].

По данным исследования типа «Мониторинг» за сентябрь 1995 г. и март 1996 г., в списке политических деятелей, вызывающих у россиян наибольшее доверие, Б. Ельцин делил 6–7 место с В. Жириновским, пропустив вперед и Г. Зюганова, и Г. Явлинского, и В. Черномырдина [8, с. 105].

К своей добровольной отставке в конце 1999 г. Б. Ельцин подошел с большим перевесом «отрицательного» рейтинга над положительным. По данным опроса января 2000 г., процент респондентов, ставивших бывшему президенту в вину экономический кризис и падение производства, почти в два раза превышал упоминавшееся чаще всего достижение, а именно, демократию, политические права и свободы [5, с. 29].

Годы, прошедшие с того момента, когда первый президент России закончил свою политическую карьеру, дают возможность ретроспективно проанализировать отношение к нему россиян. При ответе на вопросы о сегодняшнем отношении к Б. Ельцину и его правлению, по сравнению с 2000 г., наблюдается незначительное увеличение положительных ответов и сокращение отрицательных. Даже при такой тенденции число выражающих отрицательное отношение превышает тех, кто дает позитивные характеристики примерно в два раза [6, с. 95]. Данные тенденции могут объясняться появлением более молодых поколений, не заставших эпоху Б. Ельцина, а также одновременным уходом старшего поколения, эти времена хорошо помнящего.

В середине апреля 2000 г. совсем недавно избранный президентом В. Путин был включен россиянами в тройку самых выдающихся отечественных политиков XX в., уступив только И. Сталину и В. Ленину [7, с. 105]. С этого момента и по настоящее время у этого политика (снова являющегося президентом России) довольно высокие рейтинговые показатели.

Среди основных причин столь скоропалительно выраженного доверия современные исследователи называют следующие. Преобладание в российском обществе «чувственной» политической культуры над

«умственной» (В. В. Крамник) [7, с. 105]; обращение общественных настроений в начале XXI в. в сторону консерватизма из-за разочарования в либеральных ценностях, произошедшего в 1990-е гг. (Б. А. Мантиков) [16, с. 33]; изгнание В. Путиным из информационного пространства страны публичной критики, оппонирования власти, анализа ее действий и просчетов, постепенное превращение российского телевидения в информационный источник, излагающий одну, безальтернативную версию происходящего (Л. Гудков) [3, с. 30].

Однако, несмотря на постоянно высокий, хотя и подверженный частичным колебаниям положительный рейтинг В. Путина, при всестороннем исследовании в нем обнаруживаются скрытые противоречия.

На протяжении 2000-х гг. более 80 % респондентов давали отрицательный ответ на вопрос о том, могут ли такие люди, как они, влиять на принятие государственных решений, причем процент отвечавших таким образом постепенно возрастал [14, с. 47].

В декабре 2010 г. 65 % россиян считали, что большинство политиков занимаются политической деятельностью исключительно ради личной выгоды, а по данным опроса, проведенного в октябре 2011 г. на вопрос «Совпадают ли сейчас в России интересы власти и общества?» «скорее нет» и «определенно нет» ответили 69 % опрошенных [3, с. 31, 47]. На протяжении 2000-х гг. у 30–40 % россиян было довольно смутное представление о том, куда движется страна, а у 21–22 % вообще отсутствовали какие бы то ни было представления на этот счет [2, с. 22].

На фоне полного доверия президенту, равнявшемуся весной 2004 г. 61 %, правительству и Государственной Думе доверяли только 12 и 9 %, соответственно, причем количество не доверяющих этим институтам в несколько раз превосходило количество доверявших [9, с. 13, 16]. Эти данные принципиально важны потому, что в Государственной Думе к тому моменту господствовала партия В. Путина – «Единая Россия», да и правительство уже давно формировалось при его непосредственном и руководящем участии.

В декабре 2004 г. 64 % респондентов назвали коррупцию в органах государственной власти наиболее серьезной проблемой, стоящей перед современной Россией и более 50 % высказали мнение, что за последние 5 лет (т. е. как раз за время правления В. Путина) «воровства и коррупции среди государственных чиновников стало больше» [10, с. 16–17]. Представления о коррумпированности, непрофессионализме власти, ее удаленности от граждан к 2005 г. превзошли показатели 1998 г. [11, с. 11].

При анализе этих данных может сложиться впечатление, что в общественном мнении россиян президент В. Путин существует независимо от прочих государственных и общественных институтов страны и от всего, что происходит во власти. Однако это не совсем так. По данным Левада-центра за 2006 г., при ответе на вопрос «Когда вы говорите «власть», то кого вы, прежде всего, имеете в виду?» большинство респондентов в каждой возрастной группе назвали именно президента. Ответ «правительство» набрал примерно на половину меньше голосов [12, с. 9].

В. Путин пользуется доверием и поддержкой населения априори, о чем свидетельствуют данные опроса Левада-центра, проведенного в октябре 2007 г., когда 65 % респондентов согласились, что у В. Путина имеется четкий план реформирования страны, но только 6 % из них были готовы объяснить, в чем именно этот план заключается [15, с. 59].

Переход власти к Д. Медведеву весной 2008 г. совершился по уже применявшейся в нашей стране схеме, когда действующий глава государства предлагает народу своего преемника, на которого лично может положиться и которого готов поддержать. Высокие рейтинговые показатели В. Путина распространились и на его последователя. Одобрение, выражаемое нынешнему президенту, стало основой создания собственного положительного рейтинга для того, кто с его согласия и по его рекомендации пришел ему на смену.

В феврале 2006 г. 30 % опрошенных заявили о своей готовности поддержать любого кандидата, предложенного В. Путиным

на пост президента России в ходе выборной кампании 2008 г. [12, с. 17]. В апреле 2006 г. 49 % принимавших участие в опросе заявили, что будущему президенту следует продолжить политику В. Путина [13, с. 13]. А в сентябре 2007 г. 49 % россиян высказали мысль, что для страны было бы лучше, если бы в 2008 г. В. Путин остался на посту президента страны [1, с. 19], хотя это, как известно, противоречило бы действующей Конституции РФ.

Принципиальных изменений в рейтинговых показателях за период правления Д. Медведева не произошло. Новым явлением стали, пожалуй, только исключительно высокие рейтинги премьер-министра, обязанности которого исполнял В. Путин.

Возвращение В. Путина на президентский пост в 2012 г. сопровождалось ростом протестных настроений и колебанием рейтинговых показателей. Примечательно, что по данным Левада-центра, уровень доверия граждан к В. Путину в период президентства Д. Медведева был стабильно выше, нежели чем у действовавшего президента. Вместе с тем, по сравнению с предыдущими годами, он ощутимо снизился с 65 % в январе 2008 г. до 36 % в декабре 2013 г. у В. Путина и с 39-ти до 14 % у Д. Медведева. Интересно, что сумма ответивших, что не доверяют никому из политиков и не интересуются политиками и политикой на протяжении почти всего 2013 г. была выше, нежели процент доверяющих В. Путину и, тем более, Д. Медведеву [17, с. 8].

Однако кардинального перелома в общественном мнении россиян не произошло: сохранилось и доверие к первому лицу и недоверие, смешанное с недовольством по отношению ко всем остальным. Респонденты по-прежнему дают позитивные характеристики власти советской и негативные – нынешней, мало интересуются политикой и не чувствуют себя защищенными от произвола правоохранительных органов. Согласно апрельским опросам Левада-центра за 2013 г., власть озабочена исключительно собственными привилегиями и доходами и действуют в своих интересах [4, с. 140–

156]. По данным ВЦИОМ за сентябрь 2014 г. (еженедельные измерения доверия россиянам политикам), однозначным рейтинговым лидером доверия является В. Путин (66–68 %). Д. А. Медведев – на втором месте, но с колоссальным отставанием (14 %) [20].

Таким образом, если первый президент РФ Б. Ельцин довольно быстро утратил общественное доверие, что кажется вполне закономерным и легко объяснимым, в свете неудач инициированных им реформ, то последующие два президента (В. Путин и Д. Медведев) стабильно сохраняли довольно высокие показатели доверия, несмотря на следующие проблемы. Большинство россиян оценивают советскую власть как более привлекательную, нежели нынешняя, заявляют о неподконтрольности современной власти, отсутствии надежных каналов обратной связи, своей собственной неспособности влиять на принятие государственных решений, о несовпадении интересов власти и граждан, отсутствии ясных представлений, куда движется страна, низком уровне доверия Государственной думе, правительству, судам и т. д.

Несмотря на то, что действующий президент не в состоянии решить эти проблемы, поскольку они диагностируются общественным мнением, как минимум, с начала 2000-х гг., а также не способен справиться с коррупцией, воровством, удаленностью власти от народа, ее непрофессиональностью, массовыми фальсификациями в процессе выборов и пр., рейтинг доверия к нему постоянно высок. Президенту приписываются исключительно достижения, в то время как провалы и ошибки совершают другие участники политической игры. Вследствие этого и ответственность за происходящее ложится на кого-то другого, что вполне соответствует информационной политике крупнейших отечественных телеканалов.

Еще одной проблемой, затронутой в данной статье, является переход президентской власти к преемнику, выбираемому действующим президентом и оказываемая ему общественная поддержка. Еще ни разу в истории российского президентства пост главы

государства не переходил к оппозиционному действующей власти кандидату. Высокая общественная поддержка, оказываемая тому лицу, на которое указывает действующий президент, свидетельствует, что российское общество данная ситуация вполне устраивает. На наш взгляд, феномен этой поддержки можно объяснить явлением т.н. «рейтингового толчка». Б. Ельцин не был преемником М. Горбачева, но, поскольку он стал первым президентом России, сравнительный анализ необходимо начать именно с него.

Образ Б. Ельцина складывался в общественном сознании в тесном взаимодействии с образом М. Горбачева и по мере того, как последний терял доверие, Б. Ельцин, наоборот, приобретал его. Подобное перераспределение ролей среди ведущих политических игроков, на наш взгляд, следует рассматривать как тесно взаимосвязанное явление. Уходящий политический лидер (в данном случае – М. Горбачев) дает последующему (Б. Ельцин) своеобразный «рейтинговый толчок», именно за счет своей растущей непопулярности у масс, поскольку на его фоне новый лидер выглядит позитивнее и привлекательнее.

Сходная ситуация, хотя и отличающаяся рядом индивидуальных черт, повторилась в истории российского президентства в момент ухода Б. Ельцина и передачи власти его преемнику В. Путину. На фоне немолодого и больного Б. Ельцина его активный преемник изначально выглядел привлекательнее. Учитывая провал Б. Ельцина-реформатора, новый глава государства вызывал массу общественных надежд. В случае передачи власти от В. Путина к Д. Медведеву на последнего работал положительный рейтинг, приобретенный предшественником. Д. Медведев получил поддержку не на контрасте с прежним главой государства, а в тесной связке с ним, в результате чего В. Путин как бы поделился с последователем частью своего рейтинга.

Таким образом, яркой особенностью развития рейтингов российских президентов является накопление ими популярности и общественной поддержки в первоначальный период деятельности за счет рейтинга предшественника. Причем, неважно, был ли этот рейтинг высок или низок, в любом случае он повлияет позитивно на рейтинг следующего главы государства.

Литература

1. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 5.
2. Гудков Л. Время и история в сознании россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2010. – № 2.
3. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 2.
4. Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4.
5. Дубин Б. Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 4.
6. Дубин Б. Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2011. – № 2.
7. Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2000.
8. Левада Ю. А. Социологические очерки 1993–2000. – М.: Издатель Карпов Е. В., 2001.
9. Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 2.
10. Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – № 4.
11. Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 1.

12. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 2.
13. Левада Ю. Альтернативы обретенные и утраченные // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 3.
14. Лезина Е. Трансформация политической культуры в посттоталитарных обществах: постсоветская Россия и послевоенная ФРГ в сравнительной перспективе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 1.
15. Макаренко Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1.
16. Мантиков Б. А. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // Полития. – 2012. – № 1.
17. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4.
18. Сазонов В. Он один был не в курсе // Вестник общественного мнения. – 2006. – № 4.
19. Шашкова Я. Ю. Особенности транзита 90-х гг. XX в. как детерминанта современного российского политического режима // Известия Алтайского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2009. – № 4.
20. ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians> (Дата обращения: 30.11.14)

УДК 327:347

Г.В. Косов, В.Н. Панин, М.А. Сучков

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК РЕСУРС НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ США)

В статье рассматривается сущность такого феномена как «фабрики мысли». Дается авторское определение, выделяются характерные черты данного феномена. На примере «фабрик мысли» США выявляются механизмы функционирования, влияния, участия в процессе принятия

внешнеполитических решений современного государства.

Ключевые слова: экспертное сообщество, «фабрики мысли», внешняя политика, внешнеполитическое решение, процесс принятия политического решения.

G.V. Kosov, V.N. Panin, M.A. Suchkov

EXPERT COMMUNITY AS A RESOURCE OF SCIENTIFIC SUPPORT FOR FOREIGN POLICY OF THE MODERN STATE (THE USA EXAMPLE)

The paper deals with the essence of “think tank” phenomenon. The authors offer their own definition and feature the characteristics of modern “think tanks”. Analysing the USA “think tanks” the authors reveal the mechanisms of functioning, influence and

participation in foreign policy decision making in the modern state.

Key words: expert community, “think tanks”, foreign policy, foreign policy decision making, the policy making process.

В современном мире, в условиях трансформации миропорядка, выхода на международную арену новых акторов, возникновения так называемых вызовов XXI века, информационной революции и технологических инноваций мировая полити-

ка и экономика, приобретая новые черты, становятся все более сложными для прогнозов и анализа. Изменяющаяся природа международных отношений привела к возрастанию интереса к той роли, которую сегодня играют аналитические организации,

более известные как «мозговые центры» (think tanks). Их значение в исследовании и формировании внешней и экономической политики разных стран мира значительно возросло [33].

Понятие «мозгового центра» появилось в политическом лексиконе Соединенных Штатов Америки в послевоенный период. Этим термином стали обозначать организации, вовлеченные в проведение исследований в политике, экономике, промышленности, военной сфере. Термин «think tank», переведенный на русский язык как «мозговой центр», стал впервые устойчиво применяться к корпорации RAND в конце 1940-х годов и быстро получил распространение в американской социально-политической литературе: им стали называть организации, связанные с проведением прикладных разработок в социально-политической и экономической сферах [5, с. 105–115].

Отметим, что общепринятого определения понятию «фабрика мысли» не существует. Так, Paul Dickson в своей работе «Think Tanks» [4], изданной еще в 1971 году, фабриками мысли называет публичные институты, которые осуществляют консультирование по корпоративным и государственным контрактам, как правило, по вопросам оценки последствий социально-экономических в принятии политических решений и вопросам политического производства. Andrew Rich, профессор университета Wake Forest (США), в своей работе «Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise» [34] определяет фабрики мысли как независимые, некоммерческие политические организации, не основывающиеся на интересах лоббистских групп, которые вырабатывают положения и экспертизу, направленную на оказание влияния на процесс выработки политического решения. Evert A. Lindquist в своей работе «Three decades of Canadian think tanks: evolving institutions, conditions and strategies» [26] называет фабрики мысли критической массой междисциплинарного мышления, экспертизы, которая направлена на разработку технологий по решению общественных проблем

и ориентации на будущее. Donald Abelson в своей работе «Do Think Tanks Matter?» [14] определяет фабрики мысли как внепартийные, некоммерческие, внеидеологические институты, ориентированные на организацию исследовательской работы, одной из важнейших целей которых является оказание влияния на государственную политику и общественное мнение. Yehezkel Dror в своей работе «Required Break through in Think Tanks» [22] дает следующее определение: «Фабрики мысли – это острова качественного использования полноценной междисциплинарной научной мысли для глубокого улучшения процесса выработки конкретных политических практик решения стоящих перед обществом проблем, как главный мост между властью и знанием».

Российский исследователь Н. А. Медушевский определяет «мозговые центры» как «разнообразные институты, занимающиеся изучением и анализом политических процессов и проблем, а также предоставляющие заинтересованным акторам (как собственно политическим, так и общественным и бизнес структурам) разработки и рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики в целях принятия ими обоснованных политических решений» [7, с. 119].

«Фабрики мысли», как их еще называют, представляют собой одно из звеньев в системе принятия решений в государстве и воплощают соединение организованной в корпорацию силы интеллекта с силой и глобальным охватом государства. Это своеобразные узловые точки в структуре того социального процесса, который можно назвать социальной инженерией, то есть инструментальной и технологичной работой по реформированию общества, проводящейся открыто и позволяющей привлекать наилучших специалистов, в том числе и молодых, в той или иной области – без посредников, на конкурсной основе, с обнародованием результатов и их публичной оценкой. Есть мнение, что именно «мозговые тресты» положили начало специфической сфере политики – публичной политики [23, с. 177–194].

Действительно, можно говорить о существовании внутри сообщества «мозговых трестов», условного подкласса Центров публичной политики [10, 11], деятельность которых, по мнению А. Макарычева, «базируется на некой общественно значимой идее» [6, с. 37], а именно, на содействии развитию в стране публичной, подлинно открытой политики. Не будет преувеличением сказать, что далеко не все «фабрики мысли» видят эту цель в качестве первостепенной и многие рассматривают свою деятельность в качестве исключительно предпринимательской в сфере политического консалтинга, отказываясь обсуждать последствия предлагаемых ими решений для общества и страны [11].

Некоторые российские исследователи считают, что собственно «аналитические центры» (АЦ) и «центры публичной политики» (ЦПП) – феномены совершенно разного порядка и рассматривать вторые как подвид первого вовсе ошибочно [1]. Для центров публичной политики ценностный компонент в деятельности достаточно значим, тогда как для других типов он представлен, по большому счету, с позиции «этики бизнеса». Разумеется, между этими видами «фабрик мысли» нет жестких границ, и одна и та же организация нередко функционирует как в том, так и в другом направлении [12].

Международное движение за гражданское общество [3, с. 10–11] также стимулировало интерес к мозговым центрам как альтернативному источнику информации по проблемам международного, национального и местного значения и как к потенциальным критикам политики правительств и международных организаций, способным выступать с объективных позиций, не зависящих от правительства и деловых кругов [35].

Помимо этого, аналитические центры являются важным звеном в процессе принятия решений в политике многих стран, обеспечивая для руководящих структур адаптацию информационного ресурса в виде экспертных оценок и предоставляющих на их основе рекомендации для выработки вариантов эффективных внешнеполитических стратегий и моделей их реализации [27].

Значимость и влияние этих институтов на процесс формирования внешней политики в отдельных странах (в частности, в США) настолько высока, что их нередко называют «интеллектуальным эпицентром процесса политического планирования» и «четвертой ветвью власти» [28]. Сами эксперты центров, как правило, занимаются разработкой и анализом узкого круга проблем, ограниченного отдельно взятым регионом (Ближний Восток, Юго-восточная Азия, Европейский Союз, Евразия и пр.), тематической направленностью (демократизация, международное развитие, конфликтология, ядерное нераспространение, права человека, вопросы окружающей среды), либо и тем и другим.

Внутренний запас прочности аналитических центров заключается в возможности предоставлять руководящим структурам альтернативные варианты и подходы к реализации внешней политики страны и стимулировать интеллектуальную дискуссию по острым проблемам мировой политики и актуальным внутренним и внешним вызовам для государства [13].

Кроме того, аналитические центры могут проводить анализ актуальных проблем быстрее своих институтов-коллег в общественном секторе и зачастую более эффективны, чем правительственные структуры в вопросах сбора, синтеза, обработки и анализа информации, поскольку не обременены грузом социальной ответственности за свои решения и предложения и не сдерживаются партийно-бюрократическими и дипломатическими факторами.

Они обладают большей степенью свободы в разработке собственной повестки и адаптации под нужды своих заказчиков – будь то правительственные структуры, частные фирмы или ТНК – а также наращиванию сотрудничества между этими институтами и внутри их ведомств и подразделений [15]. Разумеется, речь не идет об «аутсорсинге» внешней политики страны исследовательским центрам, однако уровень консультаций с «внешним» экспертным ресурсом среди американских политиков высок.

Даже в новых условиях, наиболее авторитетные «мозговые центры», благодаря, в том числе, креативности, информационной базе и аналитическому потенциалу, успешно справляются с возникающими информационными, интеллектуальными, организационными вызовами, играют, возможно, ключевую роль в объединении усилий академического сообщества, политиков и общественности для решения проблем современности [16].

О чрезвычайной значимости данных центров говорит и тот факт, что эффективность их работы является предметом крупного самостоятельного исследования, проведенного Джеймсом Г. МакГанном, президентом компании McGann Associates и научным сотрудником Научно-исследовательского института внешней политики (The Foreign Policy Research Institute).

На протяжении большей части XX века независимые политологические центры, выполнявшие исследования и консультировавшие по вопросам государственной политики, были феноменом, встречающимся, главным образом, в Соединенных Штатах, и только потом распространившимся в Канаду и Западную Европу. Мозговые центры также существовали и в Японии, хотя для них характерна тесная связь с министерствами и корпорациями.

Основной целью исследования авторы выделяют определение оптимальных условий для развития независимых «мозговых центров» и других неправительственных организаций. Рабочей гипотезой исследования является тезис о том, что страны, которые имеют высокую степень политической свободы, обеспечивают наиболее подходящие условия для работы мозговых центров. Именно поэтому открытые, демократические общества обеспечивают наилучшие условия для независимого политического анализа.

С целью проверки данной теории авторы сознательно выбрали 20 стран-участниц «Большой двадцатки» (G-20), которые обладают различными политическими и экономическими системами и демографиче-

скими характеристиками, причем каждая страна затем была проанализирована посредством 13 индикаторов.

В целом, наиболее интересный тренд в рамках «двадцатки» просматривается в группе БРИКС – где в период с 2008 до 2011 гг. количество аналитических центров возросло с 419 до 985. Причем показатели увеличивались не только количественно, но и качественно – в указанный период в рамках БРИКС становилось все больше влиятельных в мировом масштабе центров [30, с. 16].

В целом, из 6545 проанализированных аналитических центров в мире, региональное первенство принадлежит Северной Америке – на ее долю приходится 1912 «фабрик мысли» (30 %). Далее следует Европа – 1795 (27 %). В Азии насчитывают порядка 1198 (18 %), 772 (11 %) – в Латинской Америке, 550 (8,4 %) приходится на Африку, 329 (5 %) – на Ближний Восток и Северную Африку. Наименьшее количество аналитических центров в Океании – 39 (0,6 %).

Безусловным мировым лидером являются Соединенные Штаты: в этой стране функционируют 1815 аналитических центров. В другом североамериканском государстве – Канаде – их насчитывается всего 97. В Западной Европе по этому показателю первенствует Великобритания (с 286 центрами британцы занимают 4-е место в мире), Германия (194) [8, с. 22–30] и Франция (176) (немцы и французы находятся на 5-м и 6-м местах мирового рейтинга соответственно), Италия (90) и Швейцария (66).

В Восточной Европе на первом месте находится Россия со 112 аналитическими центрами (8-е место в мире), за ней следуют Румыния (54), Украина (47), Польша (41) и Венгрия (39).

Наиболее динамичным регионом в этом аспекте является Азия, где Китай (495) и Индия (292) занимают 2-3 и 3-е место в мире соответственно, уступая лишь США. Япония (103), Тайвань (52), Южная Корея (35) также превосходят остальные страны по количеству «фабрик мысли».

На африканском континенте пятерка ведущих государств в данном «аналитическом компоненте» включает: ЮАР (85), Кению (53), Нигерию (46), Гану (36), Уганду (27).

В Латинской Америке лидерами, вполне ожидаемо, являются традиционные региональные соперники Аргентина (137) и Бразилия (82), за которыми следуют Мексика (50), Боливия (41) и Чили (41).

В ключевом регионе Большого Ближнего Востока первенствует Израиль (54), затем следуют: Египет (34), Иран (32), Ирак (29), Палестина (28) [30, с. 29].

Количественные параметры, в целом, отражают общую тенденцию – государства, в наибольшей степени влияющие на мировые процессы, имеют усложненный механизм принятия решений и вовлекают большее количество акторов, в том числе из экспертно-академических кругов. В этих странах есть запрос на научное обеспечение внешней политики, чем и обусловлено наличие разветвленной сети «аналитических центров».

Однако более значимым выступает качественный аспект, который, как правило, определяется по четырем ключевым параметрам:

- источники. Способность привлекать ведущих аналитиков и исследователей; уровень, качество и стабильность финансовой поддержки; близость к властным кругам и политической элите; профессионализм кадровых сотрудников для проведения своевременных и глубоких исследований; надежность собственных источников информации; уровень контактов среди коллег-экспертов и СМИ;
- практическая польза. Репутация среди журналистов и политиков, как организации «к которой можно обратиться»; доклады, выступления и брифинги перед законодательными и исполнительными органами; количество проданных книг; ссылки на работы экспертов центра в научной литературе; количество участников посетивших организованные центром конференции или семинары;
- показатели «научный продукции». Количество и качество предложений и идей, публикаций (монографий, жур-

нальных статей и пр.); интервью телеканалам, организованных круглых столов; число приглашений на работу от правительственных структур;

- степень влияния. Рекомендации, рассмотренные или принятые властными структурами или организациями гражданского общества; консультативная роль политическим партиям, кандидатам на избираемые должности; полученные гранты и награды; публикации или цитирование в ведущих научных журналах; доминирование в Интернет-пространстве [32]; успех в продвижении нестандартных идей, расходящихся с общепринятыми суждениями [36].

Данные критерии охватывают все аспекты деятельности аналитических центров и позволяют объективно, насколько это, возможно, оценивать степень их влиятельности на принятие решений.

Лидерство в этом компоненте также принадлежит американским институтам – из 30 ведущих мировых «мозговых трестов» 12 – американские, из них пять в – первой десятке.

В число десяти лучших по степени глубины анализа проблем, качества и объема производимого интеллектуального продукта, а также его значимости для политиков, общественных деятелей и экспертного сообщества вошли Брукингский институт (США), Королевский институт международных отношений (Великобритания), Фонд Карнеги за международный мир (США), Совет по международным отношениям (США) и Центр стратегических и международных исследований (США).

Лучшими среди российских признаются Московский центр Карнеги (21 место) и Институт международных отношений и мировой экономики – ИМЭМО РАН (24). Всего же в списке передовых аналитических учреждений Восточной Европы, помимо указанных институтов, значатся МГИМО МИД России (со всеми своими исследовательскими подразделениями), Центр экономических и финансовых исследований

при Новой экономической школе, Институт США и Канады РАН, Совет по внешней и оборонной политике, Независимый институт социальной политики.

Данная статистика свидетельствует, что для России проблема заключается не столько в качестве интеллектуального продукта – исследование демонстрирует, что в этом компоненте Россия конкурентоспособна даже в глобальных сравнениях – сколько в эффективности использования этого аналитического продукта при принятии решений, в том числе внешнеполитических. К примеру, чиновники Еврокомиссии учитывают от 10 до 30 % экспертных мнений [18], выработанных аналитическими центрами, в то время как в России этот показатель вряд ли превышает сегодня 3 %.

Иными словами, основной вызов состоит не столько в значимости этих инновационных центров в современной системе международных отношений, а в том, как наиболее эффективно применить их интеллектуальный продукт при принятии соответствующих внутри- и внешнеполитических решений. В этом отношении опыт США, где инновационные центры давно и продуктивно сотрудничают с правительственными структурами, может оказаться весьма полезным.

В дополнение к многочисленным публикациям и монографиям, аналитические центры очень часто проводят конференции, семинары и лекции, освещая широкий спектр вопросов внешней политики и безопасности, что предоставляет платформу для диалога и обмена мнениями среди дипломатов, должностных лиц, бизнес структур, СМИ и некоммерческих организаций [19].

Последнее крайне важно, поскольку позволяет «вырастить» из талантливых студентов специалистов в области международных отношений. Регулярные тренинги, школы, мастер-классы, семинары, лекции и конференции, доступ к соответствующим базам данных, возможность проведения серьезных исследований и публикаций содействуют развитию аналитических спо-

собностей молодых людей, их вовлечению в экспертное сообщество и профессиональному становлению. Данная практика давно получила свое развитие в ряде стран, где студенты, практикуясь в таких центрах, приобретают ценный профессиональный опыт в сфере анализа международных проблем.

На современном этапе можно говорить о трех основных моделях функционирования «мозговых центров»: американской, европейской и азиатской, хотя подобное разделение условно и проводится по критерию их большего или меньшего соответствия американскому образцу. Это обусловлено доминированием в литературе американских работ по «фабрикам мысли» и экспансией американских политико-управленческих форм, хорошо заметной на примере Японии, Гонконга, Макао, Индии, Мексики и большинства стран Восточной Европы, в том числе России [7].

Одна из закономерностей развития фабрик мысли заключается в переходе к экстерриториальным «умным» технологиям исследования, выработки и реализации публичной политики. Выход общественной политики из-под государственного и корпоративного контроля соответствует тому, что геополитики называют постепенным преодолением национального государства – образованиями над-, суб- и транснационального характера.

Говоря о современных инновационных центрах, необходимо также отметить, что, во-первых, они испытывают серьезную конкуренцию со стороны специализированных коммерческих консалтинговых фирм и государственных «неправительственных» организаций [8] (т.н. GONGO), во-вторых, основным рынком для сбыта их интеллектуальной продукции является интернет и средства печати, что делает её доступной широкому кругу.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что основные отличия аналитических центров (АЦ) от традиционных научно-исследовательских организаций заключаются в следующем (ТНИО) [1]:

Таблица 1

Отличия аналитических центров от научно-исследовательских организаций

Критерии	АЦ	ТНИО
Сфера деятельности	Политико-управленческий процесс	Наука
Вид деятельности	Прикладные социально-политические исследования	Научные исследования и разработки
Содержание деятельности	Применение новых знаний	Создание новых знаний
Заказчик/адресат	Лица, ответственные за принятие решений	Другие ученые и исследователи
Характер деятельности	Междисциплинарность исследований и их Разносторонность	Узкая специализация и монодисциплинарность исследования
Свойства аналитического продукта	Практическая ориентированность, высокая технологичность, ограниченная актуальность	Академичность, долговременная актуальность

В настоящее время почти в каждой стране сложились условия для ускоренного развития фабрик мысли и их число сегодня стремительно растет. Использование сетевых технологий для создания виртуальных сообществ фабрик мысли и сетевых организаций профессиональных аналитиков позволяет национальным «фабрикам мысли» быстро повышать свой уровень и избавляет их от долгого и дорогого пути формирования, увеличения кадров и расширения тематик исследования. Это предполагает повышенное участие гражданского национального и транснационального населения в публичной политике: практика показывает, что наибольшего успеха в этой области добились в Соединенных Штатах.

Обобщая, можно определить, что фабрики мысли являются организациями, которые занимаются политико-ориентированными исследованиями. В ходе своих исследований они представляют свою точку зрения по разнообразным вопросам политики и процессу принятия политического решения. Фабрики мысли представляют собой связующее звено между властью и научной средой. Фабрики мысли воплощают в себе соединение силы интеллекта, организованного в корпорацию с глобальным охватом и мощностью государства.

Фабрики мысли являют собой узловые точки в структуре социального процесса под названием «социальная инженерия».

Под этим понятием понимается инструментальная и технологичная работа по реформированию общества, которая проводится открыто и позволяет привлекать лучших специалистов для достижения поставленных целей [3].

Деятельность фабрик мысли направлена на продвижение в демократическом обществе рационального политического действия. Это обозначение берет свое начало из практики по привлечению мозговыми центрами экспертов и ученых для изучения законодательства и оценки возможных последствий в случае реализации того или иного общественно-политического решения.

Одной из важнейших особенностей мозговых центров является то, что к их прямым обязанностям относится не только лишь выработка политических концепций и создание уникального интеллектуального продукта, но и доведение такого продукта до конечного пользователя. Так, фабрики мысли могут выступать инсайдерами и становиться частью процесса по принятию решений. В частности, это RAND Corporation и Urban Institute, предоставляющие аналитику и исследовательские материалы важнейшим государственным структурам. Так же, фабрики мысли могут быть и аутсайдерами. Яркими примерами являются Heritage Foundation и Институт экономической политики. Они добиваются осуществления

своих идей в политическом процессе через маркетинговую политику по продаже своего продукта политической элите. В результате, в политическом сообществе кипят споры между теми, кто считает, что фабрики мысли должны оставаться объективными и не зависеть от политических партий и теми, кто уверен в том, что фабрикам мысли необходимо быть политизированными, так как их исследования будут ценными лишь в том случае, если они окажутся в руках у политиков, принимающих решения [29].

Выделяют два механизма, которыми пользуются фабрики мысли для доведения продуктов своей деятельности до конечного потребителя. Первым способом является прямая «продажа» продукта политической элите. Второй способ – это попытка влияния на общественное мнение, способное в дальнейшем невольно «лоббировать» эту идею политической элите (зачастую оба механизма применяются одновременно). Рассмотрим подробнее первый метод.

В своей деятельности фабрики мысли всегда используют разнообразные официальные каналы, способные обеспечить для них доступ к самому процессу выработки политики. К таким каналам относятся публичные выступления сотрудников фабрик мысли в качестве приглашенных экспертов в правительственных комиссиях и на слушаниях в Конгрессе. Некоторые фабрики мысли, особенно те, что ведут свою работу по контрактам, подготавливают официальные отчеты и анализы, которые направляются непосредственно чиновникам. Также, эксперты фабрик мысли поддерживают неформальные контакты с лицами, причастными к принятию внешнеполитических решений, сотрудничая с ними в составе аналитических групп по широкому спектру проблем.

Несмотря на относительно малозаметность, фабрики мысли способны оказывать сильное влияние на политических деятелей. Так, Ричард Хаас выделил пять различных направлений, по которым мозговые центры оказывают свое влияние: они способствуют выработке уникальных вариантов политики, предоставляя для этого готовый

контингент аналитиков и экспертов, способных работать в правительстве; они предлагают форумы для обсуждений и дискуссий на высшем уровне; просвещают население по вопросам международной политики; помогают официальным органам при урегулировании конфликтов и посредничестве [24].

Эксперты, имеющие доступ к политическим кругам, получают колоссальное влияние, когда правительственная политика оказывается в глубоком кризисе.

Выработка политических доктрин – еще один важный фактор влияния фабрик мысли. Так, в определенные исторические моменты создаются исключительные возможности для того, чтобы внедрить новое мышление во внешнюю политику. Одним из примеров может послужить Вторая мировая война. Сразу после ее начала Council on Foreign Affairs (Совет по международным отношениям) принялся за масштабный проект под названием «Исследование проблем войны и мира», пытаясь разработать в его рамках основы для послевоенного мира. Участниками этой инициативы был подготовлен меморандум по широкой тематике. Туда же входил план по созданию ООН [24]. Через два года после окончания войны журнал «ForeignAffairs» (выпускаемый Советом) опубликовал статью под названием «Истоки советского поведения». В этой статье, автором которой был дипломат Джордж Кеннан, были заложены интеллектуальные основы политики сдерживания, проводимой США в следующие десятилетия. Еще одним примером статьи, оказавшей влияние на глобальную политику, стала работа «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы. В ней автор постулировал скорое наступление конца противостоянию цивилизационных формаций и переход к однополярному миру. На протяжении какого-то времени выраженные в данной статье мысли принимали за аксиому. Еще одним примером может стать работа «Столкновение цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона.

Одним из творцов и идеологов неоконсервативной революции в Соединенных Штатах можно назвать фабрику мысли Heritage Foundation (Фонд Наследие).

Он предоставил свой 20-ти томный «Мандат на лидерство» переходной администрации президента Рональда Рейгана [21].

Фонд влиял на выработку политики США по отношению к отдельным странам. Так, Heritage Foundation сыграл роль в отмене поправки Кларка, по которой запрещалось оказывать помощь антиправительственному ополчению в Анголе, а также был идейным вдохновителем операции «Буря в пустыне».

Помимо этого, фабрики мысли являются одним из инструментов политики, используемых для так называемой демократизации мира.

Фабрики мысли обретают совершенно особое значение во время президентской кампании. Именно в этот период кандидаты в президенты советуются с мозговыми центрами для того, чтобы уточнить, либо подкорректировать политические позиции по вопросам внешней и внутренней политики. Эксперты в области политики, обменявшись своими идеями с кандидатами, проверяют правильность своих суждений во время предвыборной кампании. К советам часто прислушиваются. Так, примером является доклад, подготовленный в 1992 г. Фондом Карнеги, который предложил организовать «Совет экономической безопасности». После прихода к власти администрация Клинтона решила реализовать такое предложение, тем самым создав орган, который работает по сей день – Национальный экономический совет.

Важное влияние фабрики мысли могут оказывать и на Конгресс. Основной способ оказания такого влияния – слушания в подкомитетах и комитетах, где и выступают эксперты. Интересно отметить, то, что какие конкретно эксперты примут участие в слушаниях, часто зависит от того, какая из партий располагает Капитолием. Так, к примеру, до 1994 года, когда демократы получили большинство в Конгрессе, в качестве аналитиков и экспертов приглашались сотрудники Института Брукингса. А уже в следующем году, когда большинство осталось за республиканцами, в слушаниях чаще принимали участие эксперты Фонда Наследие [31].

Фабрики мысли используют еще один способ с целью влияния на Конгресс. Этот способ – частное сотрудничество фабрик мысли с отдельными членами Конгресса. Так, по статистике Фонда Наследие, конгрессмены в 2009 году 125 раз просили Фонд провести анализ некоторых законопроектов. Порядка 90 кандидатов просили о проведении частных брифингов во время избирательной кампании. И это при том, что в 2009 г. еще не шли выборы. Возможно, сделать предположение, что уровень частного сотрудничества еще выше во время проведения промежуточных выборов.

Важным каналом, по которому фабрики мысли могут оказывать влияние на Белый дом, являются их сотрудники. Так, люди, которые работают в фабриках мысли, имеют обширные связи с Вашингтоном, и в случае смены администрации Белого дома они регулярно переходят из мозговых центров на какой-либо государственный пост, и наоборот. В этом случае, фабрики мысли получают не только влияние на процесс выработки государственной политики, но и в какой-то степени могут получать контроль над ней, если сотрудник займет ответственный пост в правительстве. Джимми Картер после своей победы на выборах 1976 года укомплектовал администрацию Белого дома многочисленными аналитиками и экспертами из Совета по международным отношениям и Института Брукингса. Через 4 года занявший место в Белом доме Рональд Рейган обратил внимание на другие фабрики мысли. В ходе двух президентских сроков на службу были привлечены около 150 специалистов из Американского института предпринимательства, Фонда Наследие, а также Гуверовского института. В какой-то степени, такие фабрики мысли являются своеобразным «полигоном». Так, будущие высокопоставленные представители администрации изначально работают на фабрику мысли, а при смене партии, многие, кто работал экспертами и аналитиками, получают назначения в правительстве [17].

Влияние, которое фабрики мысли в состоянии оказывать, не всегда может быть прямым. Так, если Президент или Конгресс

не согласятся с позицией мозгового центра, это не будет означать того, что последний проиграл. Вследствие того, что политика США носит достаточно открытый характер, фабрики мысли способны оказывать влияние на нее посредством общественного мнения. Изменив его, они смогут повлиять и на политику соответственно. Отчасти поэтому, невзирая на сильные рычаги непосредственного влияния на лиц, которые принимают решения, не прямое воздействие все же остается главным инструментом фабрик мысли, используемым для «проталкивания» своих идей.

Во-первых, под непрямым воздействием имеется в виду работа по влиянию на общественное мнение. В этом случае нужно понимать, что для подавляющего большинства фабрик мысли США, которые работают в сфере публичной политики, бизнесом и является распространение их собственных точек зрения. Поэтому, чем больше о них будет известно, чем большее влияние они смогут оказывать, и тем большим доходом им удастся обзавестись. Поэтому основной упор мозговые центры все же делают публичные выступления, а не на секретные брифинги для лиц, принимающих решения. Для того, чтобы фабрика мысли могла конкурировать со своими визави, ее идеи должны быть переданы обществу – в ином случае, такие фабрики мысли будут просто-напросто разговаривать сами с собой. В результате мы видим огромное количество коммюнике: журнал, доклады, авторские статьи, письма, книги, пресс-релизы, образовательные материалы. Конкуренция за внимание общественности довольно агрессивна. Зачастую аналитики и эксперты принимают участие в лекциях, конференциях, семинарах, пресс-брифингах.

Сегодня фабрики мысли распространяют результаты своих исследований, а также идеи через СМИ. Так, многие мозговые центры оставляют политические комментарии в различных газетах, ведут колонки в ведущих средствах массовой информации, дают интервью. Основным инструментом здесь является активная работа со средствами массовой информации.

Для некоторых фабрик мысли работа со СМИ является приоритетным каналом продажи своих идей, и они сосредотачивают свою деятельность на написании статей и ведении колонок в журналах и газетах, а не на подготовке собственных монографий. Так, на связи со средствами массовой информации тратятся огромные суммы, им уделяется большое количество внимания. В самых крупных фабриках мысли имеются целые подразделения по работе со СМИ. В 2009 г. Heritage Foundation потратил 14,7 млн. долларов, что составило 21 % расходов фонда. В 2009 г. эксперты и аналитики Фонда приняли участие в 1500 радиопередачах и 1419 телепередачах, 907 их комментариев появились в печатных и онлайн СМИ [25].

Либеральные фабрики мысли не уступают своим консервативным коллегам. В 2009 г. Brookings Institution потратил на «коммуникации» лишь 3 % бюджета (для сравнения – в 2008 году – 3,582 млн., что составило 5,7 %). По данным самого института, он стал лидером среди вашингтонских фабрик мысли по цитируемости в СМИ. Около 850 упоминаний ежемесячно в печатных изданиях, телепрограммах, и в интернет-публикациях. За 2009 г. аналитиками Института было опубликовано 203 авторские статьи в СМИ (45 из которых были напечатаны на страницах «Washington Post» и «The New York Times»), а также, эксперты Института 31 раз выступили на слушаниях в Конгрессе [20].

Второй канал непрямого влияния фабрик мысли – это ведение просветительской деятельности. Мозговые центры издают ведущие политические журналы: «Foreign Policy» (Фонд Карнеги за международный мир), «Foreign Affairs» (Совет по международным отношениям), «Washington Quarterly» (Центр стратегических и международных исследований), «Cato Journal» (Институт Катона). Однако главным каналом распространения информации остается интернет. Практически каждая фабрика мысли обладает собственным сайтом, наполненным разнообразным контентом.

Прежде всего, на таких сайтах они представляют свою интеллектуальную продукцию – как классические письменные материалы, так и аудиоинтервью с собственными аналитиками, крупными учеными и политиками. Кроме этого, на таких сайтах можно найти контактную информацию об аналитиках и экспертах, расписание проведения семинаров и круглых столов. Сайты фабрик мысли пользуются большим спросом – так, сайт Heritage Foundation посещают около полутора миллионов раз в месяц, около 150 тысяч человек обладают подпиской на ежедневную рассылку «Morning Bell».

Широкий ассортимент контента на сайтах мозговых центров позволяет им проводить онлайн-мониторинг желаний их потребителей. Так, публикуя статьи на своих сайтах, фабрики мысли отслеживают, какую конкретно публикация была просмотрена или скачана наибольшее количество раз. На основании этого они могут принимать решения о том, следует ли развивать ту или иную тему глубже. Благодаря этому у фабрик мысли существует очень динамичная программа исследований, которую они постоянно корректируют в зависимости от потребностей их потребителей.

Литература

1. Беляева Н. Ю., Зайцев Д. Н. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // *Полития*. – 2008. – № 4.
2. Бондаренко С. В. Коммуникативная модель деятельности экспертов Центров публичной политики с использованием возможностей телекоммуникационных сетей // *Публичная политика-2005: сб. статей*. – СПб.: Норма, 2006.
3. Галкина Е. В., Косов Г. В., Паслер О. В. *Гражданское общество в России: модели, традиции, тенденции развития: монография*. – Ставрополь: Ставролит, 2010.
4. Диксон П. Фабрики мысли [Электронный ресурс] URL: <http://stra.teg.ru/library/institutes/Dikson-Thinktanks/introduction> (Дата обращения: 30.11.14).
5. Кочетков Г. Б. Ведущие «мозговые центры» США // *США*Канада: экономика–политика–культура*. – 2010. – № 12.
6. Макарычев А. С. Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // *Proet Contra*. – 2003. – Т. 8. – № 2.
7. Медушевский Н. А. Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «фабрики мысли» и ее функционирование за пределами США // *Полития*. – 2010. – № 1.
8. Нездюрюв А. Л. Роль центров публичной политики во взаимодействии НКО и органов власти // *Публичная политика-2005: сб. статей / под ред. М. Б. Горного и А. Ю. Сунгурова*. – СПб.: Норма, 2006.
9. Погорельская С. «Тихие институты» (Спорные аспекты внешне- и внутривнутриполитической деятельности фондов ФРГ) // *Международная экономика и международные отношения*. – 2003. – № 9.
10. *Публичная политика-2004: сборник статей / под ред. А. Ю. Сунгурова*. – СПб.: Норма, 2004.
11. Римский В. Л., Сунгуров А. Ю. Российские центры публичной политики: опыт и перспективы // *Полис*. – 2002. – № 6.
12. Сунгуров А. Ю. Центры публичной политики: возможные направления анализа деятельности и основные функции // *Публичная политика – 2004*. – СПб.: Норма, 2004.
13. Сучков М. А. Современная внешняя политика США на Южном Кавказе: источники, интересы, инструменты реализации. – Saarbrücken, Deutschland: LAP Lambert Academic Publishing, 2012.
14. Abelson D. Do Think Tanks Matter? [Электронный ресурс] URL: <http://www.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2003/5/cj23n1-19.pdf> (Дата обращения: 30.11.14).
15. Abelson D. *Do Think Tanks Matter: Assessing the Impact of Public Policy Institutes*. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009.
16. Abelson D. E. *A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy*. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006.
17. Abelson D. *Capitol Idea: Think Tanks and U. S. Foreign Policy* [Электронный ресурс] URL: http://books.google.ru/books/about/Capitol_Idea.html?id=UavEJnhgdaEC&redir_esc=y (Дата обращения: 30.11.14).

18. Boucher S. *Europe and Its Think Tanks: A Promise To Be Fulfilled. An Analysis of Think Tanks Specialized in European Policy Issues in the Enlarged European Union // Studies and Research.* – 2004. – № 35.
19. Mintz A., DeRouen Jr K. *Understanding Foreign Policy Decision Making.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
20. Brint S. Rethinking the Policy Influence of Experts: From General Characterizations to Analysis of Variation // *Sociological Forum.* – Sep., 1990. – Vol. 5. – №. 3.
21. Brookings Institution Annual Report [Электронный ресурс] URL: <http://www.brookings.edu/support-brookings/annual-report> (Дата обращения: 30.11.14).
22. Blasco A. REAGAN AND HERITAGE: A Unique Partnership [Электронный ресурс] URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2004/06/reagan-and-heritage-a-unique-partnership> (Дата обращения: 30.11.14).
23. Dror Y. Required Breakthroughs in Think Tanks [Электронный ресурс] URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2FBF00138510#page-1> (Дата обращения: 30.11.14).
24. Gray C. «Think Tanks» and Public Policy // *International Journal.* – Winter 1977/1978. – Vol. 33. – №. 1.
25. Haass R. Think Tanks and the US Foreign Policy: A Policymaker's Perspective [Электронный ресурс] URL: http://photos.state.gov/libraries/korea/49271/dwoa_120909/ijpe1102.pdf (Дата обращения: 30.11.14).
26. Heritage Foundation Annual Report 2009 [Электронный ресурс] URL: http://s3.amazonaws.com/thf_media/2010/pdf/2009AnnualReport.pdf (Дата обращения: 30.11.14).
27. Lindquist E. Three decades of Canadian think tanks: evolving institutions, conditions and strategies [Электронный ресурс] URL: <http://books.google.ru/books?id=3S3yZy2pFJEC&pg=PA264&lpg=PA264&dq=Evert+A.+Lindquist+thin> (Дата обращения: 30.11.14).
28. Mintz A., DeRouen K. *Understanding Foreign Policy Decision Making.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
29. McGann J. The Fifth Estate. Think Tanks and American Foreign Policy // *Georgetown Journal of International Affairs.* – Summer/Fall 2010. – Vol. XI. – № 2.
30. McGann J. Global Trends in Think Tanks and Policy Advice [Электронный ресурс] URL: <http://www.g20thinktanksummit.com/wp-content/uploads/2012/06/Global-Trends-in-Think-Tanks-and-Policy-Advice.pdf> (Дата обращения: 30.11.14).
31. McGann J. *Global Go-to Think Tanks Report and Policy Advice 2011 // Think Tanks and Civil Societies Program.* – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2011.
32. McGann J. Think Tanks and Policy Advice in The US [Электронный ресурс] URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_7042-1522-1-30.pdf?050810140452 (Дата обращения: 30.11.14).
33. McNutt K., Marchildon G. Think Tanks and the Web: Measuring Visibility and Influence // *Canadian Public Policy. Analyse de Politiques.* – June 2009. – Vol. 35. – No. 2.
34. Rich A. *Think Tanks, Public Policy and the Politics of Expertise.* – New York: Cambridge University Press, 2004.
35. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise [Электронный ресурс] URL: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam041/2003065392.pdf> (Дата обращения: 30.11.14).
36. Stone D. Introduction: think tanks, policy advice and governance // *Think tank traditions. Policy research and the politics of ideas / ed. by D. Stone, A. Denham.* – Manchester, New York: Manchester University Press, 2004.
37. Weidenbaum M. *The Competition of Ideas: The World of Washington Think Tanks.* – Washington: Transaction Publishers, 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Аснат Васильевна – преподаватель английского языка кафедры английского и немецкого языков Абхазского государственного университета, аспирант Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа (г. Сухум, Абхазия) / v.avidzba@rambler.ru

Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / anupr2011@yandex.ru

Асланова Марина Теуежевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / sgu.marishka@mail.ru

Беликова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / t.belikova60@gmail.com

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального (г. Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru

Бычкова Анна Владимировна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / cesar_dog@rambler.ru

Волгогонова Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь) / anna.volkogonova@yandex.ru

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры общей социологии и политологии Института социальных наук и образования Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / galkina_e@rambler.ru

Герман Роман Эдуардович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой менеджмента и административного права Филиала Российского государственного социально-го университета (г. Ставрополь) / romger@mail.ru

Герхелия Гунда Константиновна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского и немецкого языков Абхазского государственного университета (г. Сухум, Абхазия) / v.avidzba@rambler.ru

Глебов Андрей Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета (г. Воронеж) / aglebov@edu.vrn.ru

Дадабаев Владимир Кадырович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины Тверской государственной медицинской академии (г. Тверь) / VKDadabaiev@yandex.ru

Долгов Алексей Владимирович – заведующий отделом ИПС и ААТ (информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий) Государственного архива Ставропольского края (г. Ставрополь) / mask-stavropol@mail.ru

Захарченко Ольга Николаевна – аспирант кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / okabyaka@mail.ru

- Золоева Зарина Тамерлановна** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru
- Кнурова Валентина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Астраханского государственного университета (г. Астрахань) / Vakescor03@mail.ru
- Ковалев Владимир Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kraibetovanny777@yandex.ru
- Койбаев Борис Георгиевич** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru
- Колесников Владимир Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и международного права Института дружбы народов Кавказа (г. Ставрополь) / kolesnikov-va@yandex.ru
- Косов Геннадий Владимирович** – доктор политических наук, профессор кафедры международно-политических дисциплин Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / kossov1@yandex.ru
- Красса Сергей Иванович** – доцент кафедры лингвистики и лингводидактики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального (г. Ставрополь) / skrassa@yandex.ru
- Ляпин Денис Александрович** – кандидат исторических наук, директор Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (г. Елец) / Denis-l@mail.ru
- Мелкумян Анна Вячеславовна** – студентка четвертого курса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / annamelkumyan@inbox.ru
- Мерзликина Раиса Алексеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / 19551507@mail.ru
- Мухажинова Лилия Шамилевна** – ассистент кафедры гражданского права Астраханского государственного университета (г. Астрахань) / salham.sh@mail.ru
- Немашкалов Павел Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / paul_2@rambler.ru
- Нутрихин Роман Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказский федеральный университет / kafedraep@mail.ru
- Панин Виктор Николаевич** – доктор политических наук, директор Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / paninv1@yandex.ru
- Польская Светлана Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / polskaya-sa@yandex.ru
- Сапрыкина Екатерина Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / saprikat@rambler.ru
- Сапунков Руслан Юрьевич** – аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / sapunkov.ruslan@bk.ru

Стрелков Андрей Анатольевич – старший инспектор Главного управления обеспечения деятельности Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции (г. Тверь) / 65strelkov@mail.ru

Судащев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / istoriirossii@yandex.ru

Сучков Максим Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры международно-политических дисциплин Института международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / max-suchkov@yandex.ru

Сыч Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени Черновицкого Национального Университета имени Юрия Федьковича (г. Черновцы, Украина) / sych_chnu@yahoo.com

Толчинская Татьяна Ильинична – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и педагогики Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск) / ifp.skfu@mail.ru

Федорова Вера Григорьевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права Астраханского государственного университета (г. Астрахань) / salham.sh@mail.ru

Фокин Александр Алексеевич – доктор филологических наук, профессор отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, руководитель Музея региональной литературы и литературного краеведения / dm21225602@mail.ru

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / chervalen5@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Anuprienko Irina Alekseevna** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of History and Law of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / anupr2011@yandex.ru
- Aslanova Marina Teuvezhevna** – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of Chair of Philosophy of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / sgu.marishka@mail.ru
- Avidzba Asmat Vasilievna** – Teacher of English of Chair of English and German Languages of Abkhazian State University, Post Graduate of the D.I. Gulia Abkhazian Institute Research in the Humanities (Sukhumi, Abkhazia) / v.avidzba@rambler.ru
- Belikova Tatyana Viktorovna** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / t.belikova60@gmail.com
- Bulygina Tamara Aleksandrovna** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / bul.tamara2011@yandex.ru
- Bychko Marina Alekseevna** – PhD in Jurisprudence, Associate Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru
- Bychkova Anna Vladimirovna** – Post Graduate of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / cesar_dog@rambler.ru
- Chernikova Valentina Evgenievna** – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Philosophy of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / chervalen5@rambler.ru
- Dadabaev Vladimir Kadyrovich** – PhD in Medical Sciences, Associate Professor of Chair of Forensic Medicine of Tver State Medical Academy (Tver) / VKDadabaiev@yandex.ru
- Dolgov Aleksey Vladimirovich** – Head of the Department of Information Retrieval Systems, and Automated Archival Technologies of Stavropol State Archive (Stavropol) / mask-stavropol@mail.ru
- Fedorova Vera Grigorievna** – PhD in Jurisprudence, Associate Professor of Chair of Civil Law of Astrakhan State University (Astrakhan) / salham.sh@mail.ru
- Fokin Aleksandr Alekseevich** – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / dm21225602@mail.ru
- Galkina Elena Vyacheslavovna** – Dr. of Political Science, Professor of Chair of General Sociology and Political Sciences of Institute of Education and Social Sciences of North-Caucasian Federal University (Stavropol) / galkina_e@rambler.ru
- Gerheliya Gunda Konstantinovna** – PhD of Philology Sciences, Head of Chair of English and German languages of Abkhazian State University (Sukhumi, Abkhazia) / v.avidzba@rambler.ru
- German Roman Eduardovich** – PhD in Historical sciences, Head of Chair of Head of the Department of Management and Administrative Law of Branch of Russian State Social University (Stavropol) / romger@mail.ru
- Glebov Andrey Germanovich** – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Medieval History and Foreign Slavic Studies of Voronezh State University (Voronezh) / aglebov@edu.vrn.ru

- Knurova Valentina Alexandrovna** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Astrakhan State University (Astrakhan) / Vakescor03@mail.ru
- Kolesnikov Vladimir Alexandrovich** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of International Policy Studies and International Law of Institute of Friendship of Caucasian Peoples (Stavropol) / kolesnikov-va@yandex.ru
- Kosov Gennadiy Vladimirovich** – Dr. of Political Sciences, Professor of Chair International Political Disciplines of Institute of International Relations of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / kossov1@yandex.ru
- Kovalov Vladimir Viktorovich** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair Legal Culture and Protection of Human Rights of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / kraibetovanny777@yandex.ru
- Koybaev Boris Georgievich** – Dr. of Political Sciences, Professor of Chair of Modern, Contemporary History and Historical Political Sciences of Ossetian State University (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru
- Krassa Sergei Ivanovich** – PhD in Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Linguistics and Linguodidactics of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / skrassa@yandex.ru
- Lyapin Denis Alexandrovich** – PhD in Historical Sciences, Head of Institute of History and Culture of Ivan Bunin Elets State University (Elets) / Denis-I@mail.ru
- Melkumyan Anna Vyacheslavovna** – Student of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / annamelkumyan@inbox.ru
- Merzlikina Raisa Alekseevna** – PhD in Jurisprudence, Associate Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / 19551507@mail.ru
- Muhazhinova Lily Shamilevna** – Assistant of Chair of Civil Law of Astrakhan State University (Astrakhan) / salham.sh@mail.ru
- Nemashkalov Pavel Grigorevich** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of History and Law of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / paul_2@rambler.ru
- Nutrichin Roman Vladimirovich** – PhD in Jurisprudence, Associate Professor of Chair of Environmental, Land, Labour Law of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / kafedraep@mail.ru
- Panin Viktor Nikolaevich** – Dr. of Political Sciences, Head of Institute of International Relations of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / paninv1@yandex.ru
- Polskaya Svetlana Anatolyevna** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / polskaya-sa@yandex.ru
- Saprykina Ekaterina Vladimirovna** – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of Chair of Philosophy of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / saprikat@rambler.ru
- Sapunkov Ruslan Yurievich** – Post Graduate of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / sapunkov.ruslan@bk.ru
- Strelkov Andrey Anatolyevich** – Senior Inspector of the Management to Ensure the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice / 65strelkov@mail.ru
- Suchkov Maksim Alexandrovich** – PhD in Political Sciences, Professor of Chair International Political Disciplines of Institute of International Relations of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / max-suchkov@yandex.ru
- Sudavtsov Nikolay Dmitrievich** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / istorirossii@yandex.ru

Sych Aleksandr Ivanovich – Dr. of Historical Sciences, Head of Chair of Modern, Contemporary History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University / sych_chnu@yahoo.com

Tolchinskaya Tatiana Ilinichna – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of History, Philosophy and Pedagogy of Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / ifp.skfu@mail.ru

Volkogonova Anna Vladimirovna – Senior Teacher of Chair of Foreign Language and Intercultural Communication of Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / anna.volkogonova@yandex.ru

Zaharchenko Olga Nikolayevna – Post Graduate of Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / okabyaka@mail.ru

Zoloeva Zarina Tamerlanovna – Senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2014. № 3(3)

Редактор, технический редактор А. Р. Хасанова
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 23.01.2015

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 20,46
Заказ 498

Уч.-изд. л. 19, 32
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

Научное издание